

№ 51

НОЯБРЬ 1961 г.

ГОД ИЗДАНИЯ 10-й

ВОЕННАЯ ГАЗЕТА

LE PASSÉ MILITAIRE

**ИЗДАНИЕ
ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
ПАРИЖ**

ОТ РЕДАКЦИИ

Это последний номер нашего журнала, который напечатан в типографии «Наварр». С первого типографского номера 8 и по сегодняшний 51, журнал наш неизменно печатался в этой типографии. К глубочайшему нашему сожалению, типография эта закрывается и мы должны перейти в другую.

Расставаясь с «Наварром», мы считаем своей обязанностью и прямым долгом принести нашу благодарность дирекции типографии и всему техническому персоналу за то неизменно любезное и дружественное отношение, которое мы встречали с их стороны. Девять лет совместной работы и, особенно, первые трудные годы журнала навсегда останутся в нашей памяти.

Алексей ГЕРИНГ

СОДЕРЖАНИЕ:

	Стр.
«Тебе — Андреевский флаг» — Леонид Павлов	1
Бой у Лашева 14 августа 1914 г. — Колыванец	3
Старый фельдфебель — Б. Приходкин	7
Суворовское знамя (Стихи) — Арс. Н.	10
Поход и гибель линейного корабля «Пересвет» — К. Иванов-Тринадцатый	11
Маленькое воспоминание о генерале С. Л. Маркове — Я. Демьяненко	20
Свет и тени покорения Западного Кавказа — Г. Танутров (Жук)	21
Пожалованный, но никогда не полученный штандарт — В. Н. Звегинцев	25
Охотники Л.-Гв. Преображенского полка на штурме Воли — С. Андоленко	27
Из воспоминаний старого улана — П. Бассен-Шпиллер	28
Воспоминания г.г. офицеров 269-го пехотного Новоржевского полка — Федуленко	31
Гренадерки — Е. Молло	33
Библиофилы — Владимир фон-Рихтер	37
«Науки» и «Капониры» — А. Арсеньев	40
Почему я играю в бридж? — А. Тучков	43
К статье «Кое-что о Скобелеве» — А. Макарович	44
По поводу статьи П. Пашкова «Ордена и знаки отличия гражданской войны 1917-1922 годов» — Николай барон Будберг	45
Хроника «Военной Были»	46
Материалы к Библиографии Русской Военной Печати за рубежом. (Продолжение). Сост. Алексей Геринг	47

ОТ РЕДАКЦИИ

Настоящий № 51, является последним в текущем году. Редакция покорнейше просит тех, очень немногих подписчиков, которые не внесли еще подписной платы за 1961 год, озаботиться внесением таковой до 1 декабря 1961 года.

ВОЕННАЯ БЫЛЬ

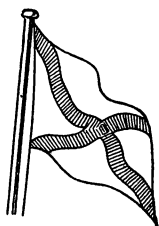
ИЗДАНИЕ ОБЩЕ-КАДЕТСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ПОД РЕДАКЦИЕЙ А. А. ГЕРИНГА.

Адрес Редакции и Конторы — 61, RUE CHARDON-LAGACHE PARIS (16^e). MIR. 72-55

10-й год издания

№ 51 НОЯБРЬ 1961 Г.

Bimestriel. Prix — 2,50 N.F.

„Тебе — Андреевский флаг“

“Тебе — безмолвному свидетелю служения Флота Родине, Тебе — участнику славных побед, Тебе — делившему горечь поражений, Тебе — Андреевский флаг, наше первое слово”...

(Каш. 2-го р. М. О. Кубе).

Император Петр Великий на своем первом морском корабле “Святые Пророки” поднял перевернутый голландский флаг. Надо полагать, что это была дань голландской кораблестроительной школе, которую прошел в Голландии царственный плотник. Спешил, знал, что это временно. С 1694 года на мачтах его кораблей появляются белые флаги с косицами и синим греческим крестом. Под этими флагами донская флотилия осаждает Азов. Петр Великий лихо радочно ищет другую, всеобъемлющую, русскую эмблему для кормового флага, который его корабли по-несут в века.

Каким образом в мыслях Императора эмблема синего греческого креста была заменена эмблемой синего Андреевского креста на белом поле — дать точный исторический ответ, повидимому, нельзя. Об этом существует предание, возможно, таящее в себе большую долю истины.

Глухая, зимняя ночь. Все спит. Только в одном небольшом домике горит свет, слабо пробивающийся через замерзшее слюдяное окно. Внутри, в комнате, прямо у окна поставлен большой рабочий стол. За столом — Император Петр Великий. В комнате жарко натоплена печь, неутоимо трещит сверчок, клубы табачного дыма стелются под потолком, стол завален чертежами, книгами, моделями, бумагами. Петр рисует, чертит, раскрашивает, всматривается внимательно в рисунок, морщится, досадливо комкает лист и бросает его в сторону. Какой флаг дать флоту? Все не то, не то...

Утомленный Император засыпает, уронив голову на белый, чистый лист бумаги. Его будит яркий солнечный луч морозного утра, упавший на него через промерзшее окно. Он выпрямляется на стуле и видит на белом листе бумаги отраженные, преломившиеся через промерзшую слюду лучи солнца, которые дают изображение двух пересекающихся синих

диагоналей на белом поле. Император усматривает в этом указание свыше и быстро набрасывает рисунок флага.

1701 году, на первых порах, Петр Великий ограничился лишь добавлением синего Андреевского креста на белую полосу перевернутого голландского флага, чтобы отличить русский флаг от сигнала “бедствия” голландца, так как всякий перевернутый национальный флаг, по морским правилам, означает, что корабль терпит бедствие.

В 1703 году Император дает флоту настоящий, кормовой Андреевский флаг. На оригинальном рисунке этого флага сохранилась его собственноручная надпись:

“Зане Святый Андрей Первозванный землю русскую светом Христова учения просвети”.

Тут возможно влияние далекого прошлого. Когда-то Царь Иоанн Грозный, отстаивая православие и полемизируя с иезуитом Антонием Поссевиным, ответил последнему:

“Если вас крестил Апостол Петр, то нас крестил его брат Андрей”.

То, что Император Петр Великий глубоко чтит память именно Апостола Андрея, показывает факт, что уже в 1698 году он учредил орден Св. Андрея Первозванного.

Над русскими военными кораблями взвились Андреевские флаги, под сенью которых Российский Императорский Флот прослужил Родине — России 214 лет.

Столетиями флоты датчан, голландцев и англичан бороздили моря. Открывали новые страны, покоряли народы и земли. Они царствовали над морями и знали моря. 5-го августа 1716 года, у острова Борнгольма, русская эскадра, в составе 22 вымпелов, под штапдартом Императора Петра I-го, подошла на соединение с соединенными эскадрами датчан, гол-

ландцев и англичан. Была война с Швецией. Появление этой эскадры было настолько импозантно и величественно, что, по почину Англии, владычицы морей в то время, адмиралы, командовавшие соединенным флотом, вручили общее командование русскому Императору. С английских кораблей загредел салют Андреевскому флагу, что, на языке международных морских традиций, означало признание флага. Великий "Питер" достиг того, что еще так недавно казалось недостижимым. Его флот, вся Россия, под сенью Андреевского флага, вышли на просторы морей и океанов.

Андреевский флаг — это военный флаг России (см. Морской Устав, отд. второй). Статья Морского Устава 1290 гласит:

"Военный флаг носят все корабли Императорского военного флота, состоящие под командой морского офицера".

Ясно и понятно — там, где нет командующего морского офицера (будь это мичман или адмирал), Андреевский флаг не может быть поднят.

Поднятый — он святая святых. "Флаг поднять", командует морской офицер. Флаг поднимает матрос. Нераздельная троица Российского Императорского Флота: Андреевский флаг, морской офицер и матрос.

Андреевский флаг — не знамя, не штандарт, не стяг и не хоругвь. Он не принадлежит отдельному кораблю, части, соединению. Он выше. Он вмещает в себе все знамена и стяги России. Он един, как Крест, на котором был распят Спаситель. Его нельзя уничтожить.

Во время боя знамя охраняют, умирают ради спасения знамени, скрывают, умирая, на груди, терпят мучения. Гибель знамени — гибель и позор полка, части.

Физически можно уничтожить только отдельное изображение Андреевского флага. Самый же флаг может погибнуть только с гибелью России.

В бою Андреевский флаг развевается на гафеле и на стенах военного корабля. Цель боя — победа под флагом Святого Андрея. Могут быть победа, поражение или гибель, но под *поднятым* флагом. Флаг сбит, сторел, — поднимают другой, прибавляют гвоздями к мачте, корабль тонет под флагом. Все это не так важно. Будут другие русские моряки, построит Россия новые корабли, но в момент гибели, отвечая огнем до последнего момента, корабль должен уходить под воду под Андреевским флагом. Символ — Россия жива и непобедима. Флаг России должен быть поднят, поднят, поднят!...

Ему, поднятому Андреевскому флагу, отдаются особые почести. Ему полагается "салют наций" при встрече с иностранными военными кораблями. Ему в море салютует "купец", торговый пароход, спуская свой флаг. Ему салютуют крепости. Только, когда на корабле покойник, Андреевский флаг приспускается до половины, перед высшей тайной смерти.

Прибывающие на военный корабль офицеры, матросы и штатские люди, вступая с трапа на палубу,

снимают головной убор, отдавая этим честь развевающемуся флагу.

Все знамена и штандарты склонялись перед Государем Императором. Андреевский флаг никогда, ни перед кем не склоняется. Вступая на палубу военного корабля, Государь Император, в отличие от остальных, головной убор не снимал, а отдавал честь Андреевскому флагу, т. е. нации — России. Флаг же, развеваясь, осенял и Венценосца.

Статьи Морского Устава глубоко продуманы. Андреевский флаг должен быть *поднят* (М. У. ст. 1285 6, 7, 8 и 9). Флаг поднимают в 8 часов утра и спускают с заходом солнца. Это производится с "церемонией" или "без церемонии". Во время подъема и спуска, люди стоят с обнаженными головами. Вот развевающийся флаг медленно, как святыня, спускается. Сигнальщик, который только что, затаив дыхание, медленно перебирал фалы, спуская его, по команде "накройсь", спокойно, аккуратно свернет и свяжет флаг и, мурлыча тихонько песенку, отнесет на мостик, где положит в гнездо сигнального ящика. Завтра, быть может, подымут другой флаг, больший, меньший, старый, новый, парадный, боевой — смотря по обстоятельствам. Иногда, в жаркий летний день, во время отдыха матрос-сигнальщик устраивал себе удобную, мягкую подушку из флагов и мирно дремал в тенистом углу мостика. Это не одобрялось. Поймают — выругают. Но это не преступление, а проступок: порча материала, имущества.

Андреевский флаг принадлежит только Русскому Флоту и пользоваться им не следует другим военным или гражданским организациям. Он не может быть "поднят" ни при каких-либо демонстрациях, ни при различных торжествах, на сценах, на улицах, песомый во главе марширующих групп и т. д. Все это, к сожалению, имело место, без злого умысла, конечно, а просто потому, что вышеизложенное мало кому известно.

.....

16-го марта 1797 года, в царствование Императора Павла 1-го, в Морском Шляхетном Корпусе в Санкт-Петербурге была освящена новая церковь во имя Святого Исповедника Архиепископа Павла.

С тех пор 6-ое ноября ст.ст., день, в который Святая Церковь празднует память Св. Павла Исповедника и день восшествия Императора Павла на престол (6-ое ноября 1796-го года), был установлен, как праздник Морского Корпуса.

В эмиграции, в зарубежье, праздник Морского Корпуса был принят, как праздник всех бывших чинов Военно-Морского ведомства. Во всех уголках нашего рассеяния, ежегодно в этот день моряки неизменно собираются в морских собраниях, в каюткомпаниях, группами в частных домах и, по возможности торжественно, отмечают "день памяти былого".

В этот день Андреевский флаг вновь *поднят*.

Невидимый, он развевается в момент совершае-

мой молитвы, когда собравшиеся молятся о здравии живых, поминают великих Императоров, знаменитых флотоводцев и всех моряков усопших, за Веру, Царя и Отечество живот свой положивших и в море погибших.

Во время дружеской застольной беседы он поднят в сердцах всех присутствующих. Вриз далекого прошлого чуть колеблет его и мягкий шелест его складок несет радость и боль воспоминаний. Юность, кадетские и гардемаринские годы, утро, день и закат служения во флоте, плаванья, бури, сражения, по-

беды и поражения, вся личная жизнь, надежды, разочарования, мечты — все это прошло под сенью поднятого величавого белого флага с синим крестом Святого Апостола Андрея.

В этот день он напоминает опять и опять, что все нами пережитое не напрасно, что власть тьмы не вечна и что, прорвав эту тьму, преломившись через страдания русского народа, яркое солнце возрождения перекрестит две синие диагонали на белоснежных ризах воскресшей России.

Леонид Павлов

Бой у Лащева 14 августа 1914 г.

(ИЗ БОЕВОЙ ЖИЗНИ 40-ГО ПЕХОТНОГО КОЛЫВАНСКОГО ПОЛКА)

Здесь произошло первое боевое крещение полка. Столкнулись два превосходных по боевым качествам противника и поэтому бой был ожесточенный. Из австрийских полевых дивизий это была лучшая. На стороне австрийцев было численное превосходство (дивизия против 1½ полка). На нашей стороне была лучшая позиция, скрывавшая наши батареи и дававшая им отличное наблюдение, отличное действие нашей дивизионной артиллерии, сметающей целиком цели противника, меткая стрельба из винтовок и безпримерная храбрость наших молодцов Томцев и Колыванцев, ибо бывали случаи, когда рота кидалась на австрийский батальон в штыки и заставляла его бежать.

Бой начался часа в 4 после обеда, прямо с марша, и продолжался около полутора суток. В эту австрийскую дивизию входили 53 и 54 австрийский, 5-ый венгерский и 4-й отдельный Босанский батальон при дивизионной артиллерии в 48 орудий, легких и гаубичных. В прикомандировании — 2 кавалерийских эскадрона и затем артиллерийские парки и обоз.

С нашей стороны был дивизион полевой артиллерии и один дивизион гаубичных 48/111 под командой полковника барона М.

Австрийцы имели задачу прорваться в тыл нашего 5-го армейского корпуса, переправившись через болотистую реку у с. Лащева по деревянному мосту с тем, чтобы окружить этот корпус.

Мы подошли к месту будущего боя и только успели переправиться сами за эту реку на луг, как австрийцы стали передовыми частями дебушировать из леса скрывающего их. Они упорно лезли на переправу через реку — наши также упорно отражали их атаки. Их артиллерия стреляла на высоких разрывах, “давала журавля в небо”, как говорили наши солдаты, и потому их шрапнель не причиняла нам вреда. Помню, как такая шрапнельная пуля ударила по голове солдата барабанщика. Он был лыс, почувствовал удар, крикнул “ой!” и упал (должно быть от неожидан-

ности). Когда он встал, то оказалось, что у него кроме синяка никаких повреждений нет.

Но австрийцы давили на нас массой и через час у нас не было уже резервов и все перемешалось в кашу. То австрийцы обходили нас с флангов, то мы, выхватив из линии огня какую-нибудь роту, атаковали их во фланг и т. д.

Первая батарея 10-ой артилл. бригады подпоручика Чернявского стояла на открытой позиции за мостом на лугу, встречая “кинжальным огнем” картечи наступающего на мост, при прорывах наших пехотных частей, противника. Три раза он подходил к этой батарее на расстояние 20-30 шагов и трижды молодцы артиллеристы вынимали из орудий затворы и панорамы и бежали за взвод бывших в прикрытии к батарее Колыванцев. Взвод кидался на австрийцев в штыки и те отбегали. Тогда наши артиллеристы вновь вставляли замки в орудия и продолжали их картечью. Последний раз, когда уже начало темнеть, батальон австрийцев, прорвав роту Колыванцев, чуть не захватил эту батарею. Тогда Колыванцы бросили на австрийский батальон бегом свой последний резерв, знаменный взвод, а Томцы, оправившись, ударили им во фланги, вместе энергично атаковали их в штыки и этим отогнали противника. Воспользовавшись моментом, два брата офицера Немерцаловы и еще два офицера из парка с шестью солдатами парка подали батарею впередки и успели ее выручить и увести. Взаимная выручка была полная.

Так, когда пулеметная команда Томцев была окружена австрийцами, командир ее штабс-капитан Кюке был в упор ранен из пистолета в грудь на вылет, а младший офицер убит, казалось, что эта пулеметная команда погибнет, но 8-ая рота Колыванцев, только что выскочившая из окружения, бросилась на нападающих в штыки и, частью переколов их, оттянула пулеметы, вынесла раненого командира Кюке и убитого офицера и, прикрывая эту команду, вытаскивала их пулеметы на безопасное место.

Что касается командира полка полковника Мокрежского, который, по предельному возрасту, только что был уволен в отставку, попросили Высочайшего разрешения остаться в полку, то его ошибка по неопытности, а также и по обыкновению, как выяснилось потом, состояла в том, что он влез в одну из рот и оттуда не мог руководить боем своих частей. Телефона, который он не разрешал протянуть, не было и он, желая быть осведомленным каждую минуту о том, что происходит на поле боя, все время посылал в качестве посыльных бывших при нем трех офицеров: меня, я был офицером ординарцем при нем и вел полковой дневник, начальника команды связи поручика Николая Ваганова и адъютанта поручика Людвиг Томса для осведомления в роты нашего полка и к Томцам. Эти прогулки были не из приятных. Бой не прекращался и приходилось все время ходить через и вдоль пулевой завесы. Лишь только я успевал доложить командиру полка о положении той части, куда я ходил, как он давал новое поручение и приходилось уходить снова. Такой способ вносил путаницу, так как приказания обоих командиров полков шли часто вразрез с уже отданными приказами от командиров батальонов и сбивал с толку командиров рот. Пройдя под огнем порядочное расстояние, приказание командиров полков доходило к командирам рот тогда, когда нужный момент уже прошел.

Я обратил внимание, что поручик Томс и Ваганов долго не возвращаются и, когда их отсутствие затянулось часа на два, командир полка послал их искать. Вместо 7-ой и 3-ей роты я нашел их обоих в 4-ей роте. Они сидели с командиром роты и пили из его походного термоса чай с коньяком. Сказал им о беспокойстве командира полка. "Загонял нас без толку", сказал поручик Ваганов, "ну, что пользы, что будет знать через десять минут, что третья рота отбила четыре атаки, а через 15 минут случится так, что не отобьет, все равно, ведь, не поможет... ты должно быть добросовестно не курил до сих пор... лучше хлебни чайку с коньяком и ложись отдохнуть, покури. Вот теперь ты нашел меня и веди к командиру..."

Мы вернулись в 8-ую роту, но командира там уже не было. Нашли его на возвышении около моста. Здесь, по вспышкам и треску выстрелов, он старался определить, что делается на поле боя. Напрасный труд.

Вечерело. Артиллерийский огонь прекратился с обеих сторон и австрийцы решили этим воспользоваться, усилив на нас свой нажим. Наш единственный резерв — рота Колыванцев была втянута ими в бой и оставалась у нас лишь надежда на Господа Бога и на выносливость и стойкость русских солдат, утомленных уже непрерывным боем и голодных (кухни подвезти было невозможно). Мы почти всю ночь через каждые 15-20 минут ходили узнавать, как дела в 5-ой роте или в I-ом батальоне, или что делается у Томцев и т. д., пока вернувшийся из такой прогулки под огнем адъютант полка поручик Томс не доложил командиру полка: "Господин полковник, к утру мы все трое будем неспособны выполнять ваши по-

ручения, так как силам человеческим есть гоже предел. И, если кого либо из нас не убьют в эту ночь шальной пулей, то и тогда не рассчитывайте на нашу полную помощь, ибо я самый сильный и рослый из трех офицеров, исполняющих сейчас службу посыльных, чувствую себя настолько обессиленным, что, вероятно, утром подам вам рапорт о болезни".

На это командир полка ответил ему, что он ничего не будет иметь, если все трое сейчас лягут спать, но утром они все будут ему необходимы. Все трое поднялись и ушли за мост, на горку, где легли за кусты. Через 5-10 минут мы все уже спали.

Как только стало светать, все в командной группе Колыванцев были разбужены разрывом вблизи австрийского гаубичного снаряда, осыпавшего нас землей. Вся группа перебежала шагов на 20 ниже, в брошенный окопчик нашего знаменного взвода. Первое, что мы увидели из него, это была наша третья рота (штабс-капитана Михаила Гишнанского), которая, выбравшись из австрийского расположения в лесу, отходила, отстреливаясь на две стороны. Правее, Томцы и Колыванцы теснили австрийцев к мокрому лугу у изгиба реки, а они тяжело поднимали свои цепи в атаку (даже били отдельных людей ножнами сабель). Цепи эти попадали под огонь наших легких орудий, ложились.. и больше не вставали. Наша шрапнель делала чудеса. Два эскадрона, приданные австрийской дивизии, желая обойти Томцев с их правого фланга, попали в болотистый луг и засели там по брюхо коней.

Какая то австрийская рота старалась спасти хоть всадников, бросая им связанные палаточные веревки. Наши проходили мимо них, не останавливаясь и не мешая им спасать утопающих. По всем признакам было видно, что инициатива в наших руках и дух у наших бодр, хотя лица бойцов и выглядели устало.

Через час прискакал начальник штаба дивизии, поговорил о чем то с командиром полка и поскакал к Томцам.

Между прочим, наши гаубицы стояли за фольварком графа, где был открыт лазарет и где помещался и штаб дивизии. Эти гаубицы били по австрийским резервам и не раз разгоняли их. Отвечая им, австрийцы делали недолеты и попадали в цветник близ фольварка, что очень нервировало далеко не боевого начальника дивизии (в мирное время он окончил две академии). Он послал полковнику М., заменявшему в это время начальника артиллерийской бригады, левую записку следующего содержания: "ваши гаубицы стоят близко к фольварку и австрийцы, отвечая вам, попадают в цветник, а пан граф сердится. Пожалуйста, уберите их подальше". Эту записку командир дивизиона показал начальнику штаба дивизии, объезжавшему лично расположение всех частей, и спросил, что бы он на это ответил? Тогда начальник штаба написал на обороте ее: "ну и... с ним, дело идет к победе и к обеду у него будет лучше аппетит", он дал эту записку прочесть полковнику М. и послал с ординарцем начальнику дивизии.

Как потом мы узнали, в штабе нашей дивизии в течение этого времени происходило следующее. Начальник дивизии вечером дважды просил командира корпуса ген. Литвинова разрешить нам “ретиrowаться”, так как противник в превосходных силах и нам трудно держаться, а наступающая почва может быть для нас роковой. Ген. Литвинов дважды присылал в штаб 10-ой дивизии своих офицеров и, узнав обстановку, каждый раз приказывал ему держаться до последнего солдата, ибо пустить австрийцев в тыл 7-ой пехотной дивизии это значило погубить ее и всю операцию.

Утром начальник дивизии просил по телефону о том же и начальник штаба дивизии вновь поскакал на поле боя. Вернувшись, он доложил ген. Литвинову, что он был на боевой линии, объехал оба полка и установил, что, если мы продержимся еще два часа, то австрийцы сдадутся, ибо они уже “раскисли” от переутомления, а у наших солдат дух еще высок.

Теперь наши полки обошли их с флангов, сжимают и вжимают их в болотистый луг у реки. Тогда они сдадутся. Что же касается новой просьбы ген. Литвинова, то он из графского фольварка еще не выходил и лежит больной перлами и медвежьей болезнью в постели. “Приезжайте к нам и вы сами увидите, что я прав.”

Ген. Литвинов через небольшой промежуток времени выехал к нам на поле боя, но не доехал с версту, как услышал громовое “ура”. Это началась сдача австрийской дивизии.

Взято было в плен: начальник дивизии барон X (фамилии его не помню), два бригадных генерала и 108 офицеров, около 4.200 здоровых солдат и примерно 2.000 раненых, три знамени, два из них взяты в бою — 5-го венгерского полка барона фон Клобучар Томцами и 54-го австрийского Людовика Иосифа полка Колыванцами. Третье знамя нашли у раненого австрийского майора в окопе под ним, весь обоз трех музыкантских команд, два эскадрона кавалерии (половина лошадей утонула в болотистой реке, пробуя переправиться нам в тыл), 46 орудий и 27 пулеметов Шварцлозе, остальные австрийцы побросали в реку и часть их выловили потом крестьяне. Потери убитыми равнялись примерно 5.000 человек, процент убитыми неслыханный потом во всю кампанию и на всех союзнических и наших фронтах. Это объясняется штыковыми схватками бойцов, отличных по храбрости с обеих сторон, так Босняки потеряли в своем отдельном батальоне всех офицеров, а из 960 человек солдат живыми и не ранеными осталось всего 47 человек, а также отличным действием нашей артиллерии, которая в этот бой действовала выше похвал и наносила противнику громадный урон, буквально сметая наступающие цепи австрийцев. Достаточно сказать, что за полтора дня было израсходовано по 2.200 снарядов на легкую батарею и по 300 снарядов на гаубичную. Пулеметы работали в упор.

Томцы, чей шеф был Эрцгерцог Людовик Иосиф, негласно прислали просьбу нашему командиру обме-

няться знаменами, но наш командир полка отказался это сделать. Начальник 15-ой австрийской дивизии после боя обошел все наши действующие части и расспрашивал, сколько наших дралось против его дивизии, он опросил несколько наших офицеров и солдат из немцев (русских колонистов) и, когда убедился воочию, что нас было всего 6 батальонов, отошел от прикомандированного к нему из штаба нашей дивизии поручика Лятошинского за дом, где ему приготовили обед, и застрелился, не снеся позора.

За стойкость и отличную храбрость противника, наши г.г. офицеры просили своих командиров полков, а те командира корпуса ген. Литвинова оставить холодное оружие австрийским офицерам в плену и командир корпуса разрешил это, о чем потом и было подтверждено Высочайшим приказом. Солдатам австрийцам были возвращены их винтовки, но без затворов и только до их погрузки в эшелон на железную дорогу. Когда подошли наши кухни и офицерские собрания, то наши солдаты отдали свой запоздалый обед этого дня австрийцам, хотя и сами более суток не ели, и стали ждать новый обед. Австрийцев усадили на землю и начали кормить. Австрийские офицеры обедали у нас в собраниях и очень хвалили наш обед, а также водку и вина.

Шла усиленная и оживленная мена австрийских денег, как офицерами, так и солдатами и, хотя мы все знали их курс, но меняли им выше курса, “им, бедным, надо идти в плен, а нам на войне лишняя десятка не дорога — прибавим им еще”.

Среди пленных офицеров один капитан невольно обращал на себя внимание своими манерами и тем, что остальные офицеры, даже оба командира бригады, очень почтительно с ним разговаривали. Его после нечаянного оружейного выстрела, о чем будет идти речь ниже, с трудом нашли в толпе австрийских солдат уже переодетым в мундир капрала. Видимо, хотел бежать. Через офицеров чехов мы хотели узнать, кто этот офицер. Но они как то жались при этом вопросе и отмачивались — наконец один сказал, что это бывший личный адъютант убитого в Сараево Эрцгерцога.

Пока австрийцы обедали, по дороге между сидящими везли длинной вереницей взятые в плен орудия. Часть их была заряжена с установкой на картечь. Какой то наш солдат из любопытствующих дернул за шнур гаубицы. Раздался выстрел и затем, по полю, понесся крик на нескольких языках “не убивайте”!..

Этим выстрелом был прерван пополам наш фельдфебель — томец и свыше 20 австрийцев было убито и ранено.

Вспоминается и другой эпизод из боя под Ланевым, весьма забавный. Командир корпуса, сидя на барабане, принимает представление пленных офицеров. Вокруг толпа солдат. Вдруг послышался какой то шум, и расталкивая толпу, к командиру корпуса подходит наш барабанщик 3-ей роты, ведя за руку

огромного чеха с серебряной лентой через плечо и большой булавой.

— “Ваше Превосходительство, позвольте доложить, поймал в лесу, самого их первейшего генерала”, рапортует барабанщик с расплывшимся от радости лицом.

— Где же он, братец? — спрашивает командир корпуса. Лицо барабанщика делается сразу ужасно глупым, он уже растерянно продолжает доклад.

— “Так что вот здесь, перед вами, вот этот”, — и выдвигает еще более вперед своего чеха.

— Да это, братец, твой коллега — тамбур-мажор, такой же музыкант, как и ты, — говорит, улыбаясь, командир корпуса.

— “Да и может быть”... говорит окончательно растерявшийся барабанщик.

— Спроси других, если не веришь, — смеясь, говорит командир корпуса. Кто-то подтверждает его слова.

— “Ваше превосходительство, да что же это такое? Ведь, я думал, что это ихний генерал”, — уже плачущим тоном взволнованно говорит барабанщик, — “гонял по лесу за ним чертом долговязым, аж барабан бросил. Вот тебе и Егорий”.

— Ничего, братец, заслужил медаль, говорит командир корпуса и награждает его георгиевской медалью 4-ой степени. Медаль надета. Лицо барабанщика снова растягивается в улыбку и он радостно, во все горло гаркает: “покорнейше благодарим, Ваше Превосходительство”.

Долговязый чех тамбур-мажор и другие пленные офицеры невольно шарахаются от этого крика. Это вызывает невольный хохот окружающих. Смеются и сами пленные.

Но в это время приносят гроб для застреленного начальника австрийской дивизии и толпа сразу становится серьезной. Через полчаса выстраивают без оружия пленных, а напротив строятся наши войска. Пять оркестров музыки под общей командой капельмейстера Томского полка играют похоронный марш Шопена. Артиллерия и пехота дали по три залпа. Могила вырыта в 100 шагах на берегу реки. Наши оркестры играют “Коль славен”, короткое богослужение ксендза и залп из взятых в плен австрийских орудий — этот залп они сделали боевыми снарядами, с расчетом, что разрывы будут на мокром лугу в реке. Но видно артиллеристы у них были неважные. 5-6 снарядов сделали перелет и упали возле дороги за рекой, а по ней в это время тянулся их же обоз с пленными, опять были жертвы и кроме того один снаряд попал в повозку с оружием пленных офицеров и от него почти ничего не осталось.

Пленных отправили в наш тыл под командой капитана и подпоручика Касаткиных (однофамильцы) и в конвое была лишь одна рота. Для пленных офицеров и их вещей мобилизовали крестьянские подводы из с. Лашева. Переутомление было громадное и, когда прошли всего лишь 10-12 верст, капитану Касаткину пришлось расположиться на ночлег, ибо

австрийцы отказывались дальше идти. Стали биваком в поле и вскоре по всему полю неся храп спавших. Засыпало и охранение, и бедный капитан Касаткин всю ночь объезжал караулы и будил уснувших. Чтобы не уснуть самому, он принужден был взять у одного солдата трубку и, будучи некурящим, — курить ее до тошноты. Спали наши солдаты до рассвета и охраняли всех Господь Бог... Утром подошли подводы и кухни. Наконец, в 6 часов утра двинулись дальше. Счастье не покидало нас. Верстах в 4-х колонну заметил австрийский аэроплан и спустился к ней навстречу. Летчик и наблюдатель подошли к шедшим впереди колонны австрийским генералам и отрапортовали им о том, что примерно в пяти верстах впереди них, навстречу, идет русский полк. Подъехал капитан Касаткин и предложил летчикам немедленно сдаться без сопротивления, что они к своему огорчению и изумлению и сделали. Аэроплан привязали к телеге, припрягли еще пару лошадей и повезли за колонной сзади. Так всех и доставили к станции железной дороги, где и сдали в эшелон. Это был первый аэроплан из числа взятых или сбитых нашим полком.

Из Лашева мы ушли в тот же вечер на помощь 17-му арм. корпусу, оставив на месте свои полковые лазареты и австрийские лазареты с задачей эвакуировать всех раненых в тыл. Все наши раненые были вынесены из боя во время и уже лежали в полковом лазарете, когда закончился Лашевский бой. В то же время по всему полю боя лежали разбросанные австрийские убитые и раненые. Подошли австрийские врачи и санитары и начали выносить своих раненых. Наши врачи немедленно стали им помогать и посылать для выноса своих санитаров, но раненых перенести всех до ночи не удалось.

На другой день австрийцы вошли в Лашев и взяли в плен весь персонал и раненых, но вывезти их тоже не могли и потому оставили на месте, а на третий день подшли части нашего 19-го армейского корпуса и опять все лазареты достались нам, только наши врачи имели удовольствие провести сутки в плену. Надо отдать справедливость, что австрийское начальство, узнав от своих врачей об отношении к ним и раненым австрийцам нашего медицинского персонала, отнеслись и к нашим отлично.

За Лашевский бой наш 40-й пехотный Колыванский полк получил следующие награды: командир полка орден св. Георгия Победоносца 4-ой степени (как и командир 39-го пех. Томского полка), командир 1-й роты капитан Шмалев (рота которого взяла знамя австрийского Эрцгерцога Людовика Иосифа 54-го пех. полка) орден св. Анны 2-ой ст. с мечами, командиры остальных рот — мечи к младшим орденам; младшие офицеры — никаких наград, а солдаты по 15 георгиевских крестов на ругу. Это объясняется тем, что командир полка полковник Макржецкий был очень скуп на награды и на вопрос полкового адъютанта, почему же никто из младших офицеров не представляется к наградам, ответил, что за всю Русско-Турецкую войну он по-

лучил всего лишь Анну 4-ой ст. на шапку с надписью “за храбрость” и то лишь в конце войны — сначала надо вполне убедиться, что офицер, действительно, заслуживает эту награду. По этой теории наш полк при этом командире имел вдвое меньше наград против остальных при тех же условиях, только после производства его в генерал-майоры и перевода в тыл командовать запасными частями полк, к концу войны, сравнился с другими по наградам.

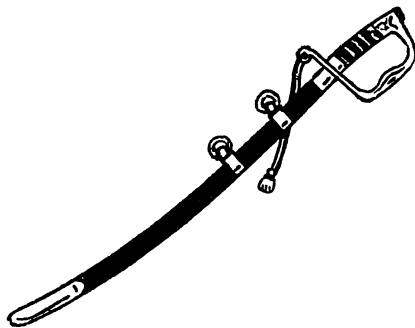
Солдаты, взявшие в плен австрийские знамена, были командированы из Лащева в Петроград для представления Государю Императору и личного им награждения. 39-го пех. Томского полка фельдфебель Павел Герасимов и ефрейтор Яков Минаков (взяли знамя 5 пех. барона фон-Клубучар полка) и 40 пех. Колыванского полка рядовые 1-ой роты Игнатий Тельнев и Иван Зверев (взяли знамя 54 Эрцгерцога

Людовика Иосифа полка) вместе выехали и вместе прибыли в Петроград.

Государь Император лично приколот им георгиевские кресты 4 степени и, помимо этого, наградил их всех золотыми часами, а Государыня Императрица после распросов их о домашней жизни послала их семьям поздравления с их наградой и по 1.000 рублей деньгами. Всем этим они были очень и несказанно порадованы.

После этого разгрома австрийцев, дух в полку еще более возрос. Поэтому и по другим обстоятельствам через два дня, то есть 17 августа, полк перебросили затем к Zubовицкому лесу (с. Чертовчик), где он совместно с 38 Тобольским должен был бороться с головными частями австрийской армии, отходившей от Люблина, и корпусом австрийцев, идущим ей на помощь.

Колыванец

СТАРЫЙ ФЕЛЬДФЕБЕЛЬ

Посвящается светлой памяти Федора Васильевича Балабина, фельдфебеля 8-ой батареи 5-ой Артиллерийской бригады.

С Японской войны я возвратился в 5-ую Артиллерийскую бригаду, знакомую мне по началу моей офицерской службы.

В это время там обсуждался вопрос — кого назначить вторым старшим офицером в 8-ую батарею, нужно было дать туда офицера, во первых непьющего и во вторых — требовательного по службе. Оба эти условия вытекали из характера командира 8-ой батареи милейшего Владимира Александровича Воронкевича, он любил выпить и времяами запивал дней на десять, правда, редко это с ним бывало, но все таки бывало. На это время нужен был надежный заместитель, так как первый старший офицер — капитан Медвадовский был в командировке в Артиллерийской Школе. Второе условие вытекало из чрезвычайной доброты Воронкевича, которой пользовались худшие солдаты батареи. Чувствовалась слабость власти; необходимо было дать противовес. Выбор остановился на мне.

Явившись в батарею, я застал там полную чашу в хозяйственном отношении и некоторую разболтан-

ность в строевом. Не скажу распушенность, но... нижние чины обращались к командиру помимо своих прямых начальников. Авторитет фейервейкеров стоял очень невысоко. Нередко я встречал солдата моей полубатареи одетого в новое обмундирование, с чемоданом в руках, и на вопрос: “Куда ты собрался”, следовал веселый ответ: “В отпуск, Ваше Благородие, командир отпустил”. — А кто же тебе разрешил обратиться к командиру? Этот вопрос, видимо, сильно удивил того: “Я, Ваше Благородие, третьего дня носил командиру на квартиру газеты, так и попросился...”

— Но ведь у вас установлена очередь отпусков, ты, значит, у кого то украл очередь.

— Не могу знать, Ваше Благородие, а только командир разрешил и я еду.

В канцелярии батареи я поднял этот вопрос. “Дядя”, так обычно звали Владимира Александровича офицеры, уверял меня, что он отпустил его, так как он очень хороший солдат и очень слезно просился в отпуск. По справкам же оказалось, что сол-

дат этот штрафованный и находится в батарее “под надзором”.

Когда уговоры мои на “Дядю” не подействовали и такие отпуска повторялись, я решил действовать по закону, о чем и предупредил командира. Случай вскоре представился: встречаю опять одного с чемоданом — та же история. Тогда я, за обращение к командиру не по команде, наложил на него взыскание — воспрещение отлучки со двора на 30 суток.

— Раздевайся, сдай каптенармусу второсрочную одежду и доложи своему взводному.

Как командир ни упрашивал простить, я настоял на своем.

— Дорогой Владимир Александрович, ведь из за него страдают другие. Зачем же тогда было устанавливать очередь отпусков? Отменить мое наказание никто не может, так как оно наложено справедливо и я не вышел из предела предоставленной мне власти.

Результат такого оборота оказался неожиданный. Когда какой-нибудь солдат просился у Воронкевича в отпуск, он дружелюбно хлопал его по плечу и говорил: “Ничего не могу поделать, иди к штабс-капитану Приходкину, может быть он разрешит...” И солдаты стали обращаться ко мне, но тут уж я быстро ликвидировал это явление: как без разрешения взводного обратился ко мне, так четыре наряда и получай, а взводному два паряда, за беспорядок во взводе. Но все это было как то по хорошему, никто не сердился, никто не обижался — солдаты были хорошие, веселые, доверчивые, но... малость разболтаны.

Стал я присматриваться к фельдфебелю, вначале предполагал в нем причипу разболтанности. На вид нестроевой, пеказистый, с небольшой бородой, никогда на солдат не кричал, но слушали его без отказа. В нем было что-то такое, что доставляло ему всеобщее уважение и солдат, и офицеров. Скромный, даже немного как будто застенчивый, он всегда всякие вопросы разрешал просто и быстро. В грамоте был не силен; природный ум помогал ему сразу определять, выгодна ли для батареи та или иная комбинация, или нет. Чувствовался в нем большой хозяин и убедился я в этом через два месяца после прибытия моего в батарею.

Первого октября батарейный праздник — Покров Пресвятой Богородицы. После обычного в батарее молебна, на который пришли все офицеры и фельдфебеля бригады, командир пригласил их разделить с батареей трапезу. На батарейном дворе были поставлены столы для солдат и отдельно для господ офицеров. Особых блюд гостям не давали, что солдатам, то и гостям. Тут я впервые оценил нашего фельдфебеля. Все меню обеда составлял он, ни командир, ни заведующий хозяйством в это дело не вмешивались. Меня это удивило, но офицеры успокоили: “Лучше Федора Васильевича никто не устроит...”

И, действительно, лучше такого солдатского обеда я не видел никогда. Борщ со свиной (по полтора фунта на человека) с пирогами; на второе по четвер-

ти гуся с яблоками, на третье — компот из фруктов и по бутылке пива, а хлеб к обеду — белый.

Поразило меня то, что никто из гостей не удивился такому пиршеству. Командир бригады, генерал Владимир Гаврилович Ивановский, заметил мое удивление: “Удивляетесь... А мы привыкли — у Федора Васильевича всегда так”. Не сказал — у Воронкевича, а именно — у Федора Васильевича.

Ужин был в том же роде: борщ из фунта свинины, на второе бигос и на третье рисовый плов со сливами и вновь по бутылке пива и белый хлеб. Я поинтересовался у заведывающего хозяйством, из каких сумм они думают покрыть громадную передержку. Тот только усмехнулся: “Какая там передержка, еще и экономия будет”. — “Откуда?” — “Спросите у Федора Васильевича”.

Федор Васильевич в это время угощал бригадных фельдфебелей у себя на квартире, а для этой цели ему предоставлялись широкие полномочия в смысле расхода на угощение — расход на представительство.

Решил спросить его на другой день, а пока пошел в казарму поглядеть, в каком состоянии люди и как они себя ведут по случаю праздника. Из казармы слышалась песня: “В нашей батарее все народ хороший...”

При моем появлении, как только подалась команда СМІРНО, все стихло. Лежавшие на койках сразу поднялись, некоторые, правда, едва-едва. В такой день всегда бывают пьяные и все потом утверждают, что охмелели от пива: “какое-то здорово хмельное было”...

В дальнем углу, куда команда очевидно не долетела, два друга, обнявшись, пели батарейный тропарь: “Днесъ благоверни людие светло празднуем”. Пели не в лад, но с настроением, вероятно, тоже от пива. Сильно выпившим оказался только один — тот, которого я оставил без отпуска. Его удерживали на койке два товарища, чтоб не удрал из батареи. Увидя меня, он вырвался от них, хотел видно стать смирно, но “пиво” подвело — стал только на четвереньки и крикнул: “Ваше Благородие, Ваше Благородие...” Хотя с пьяными разговаривать устав не рекомендует, но я все таки остановился: “Что ты хочешь сказать?”

— “Желаю вам сказать... Ваше Благородие...” — он, вероятно, забыл, что хотел сказать, но потом вспомнил: “Желаю вам сказать, Ваше Благородие... УРА...”

Когда я выходил из казармы, ко мне подошел мой взводный: “Так что, Ваше Благородие, разрешите доложить, к вам желает обратиться бомбардир-наводчик Лебеда”. На всякий случай я спросил, не пьян ли он.

— Никак нет, он непьющий.

— Зови.

Подбегает и вытягивается:

— Честь имею явиться, Ваше Благородие.

— Что ты хочешь сказать?

— Ваше Благородие, разрешите по случаю праздника вас покачать, — и, не ожидая моего согласия, крикнул: “Ребята, на Ура нашего штаб-капитана”. Меня подхватили, покачали и на руках вынесли во двор. Когда опустили на землю и я их поблагодарил, Лебеда поклонился мне в пояс:

— И вам спасибо ото всех нас за отпускную очередь...

На второй день я узнал откуда в батарее берутся деньги на такое празднество. Весной Федор Васильевич скупает по деревням малых гусят. Целое лето, до Покрова, пасет их в батарейном саду “негодящий для службы” канонир Цигельман. Ни на какие строевые занятия его не берут, а словесность он “до известной степени” превзошел, даже Отче Наш выучил. Свой фруктовый сад в пять десятин, с озерцом посередине, батарея имеет за гроши тоже благодаря смекалке Федора Васильевича. Хозяин этого сада, он же и хозяин казармы батареи, забыл в контракте указать, что он имеет право прохода через батарейный двор в сад. Когда он хотел туда пойти, дневальный у ворот его не пропустил. Поднялся крик, но никакие адвокаты не смогли помочь хозяину-еврею. Федор Васильевич помог: он предложил сдать сад в аренду батарее и пришлось сдать за то, сколько дали, так как никто другой не мог садом воспользоваться.

До Покрова гусята делались уже большими гусями, часть их резали на Праздник, остальных продавали. Продавали также и пух с зарезанных гусей. Выручка оказывалась настолько большой, что покрывала все передержки.

Не могу не упомянуть об одном инциденте с этими гусями. В Житомире издавались две газеты: “Жизнь Воыни” — правая и “Воынь” — левая. Когда в “Жизни Воыни” появилась заметка по поводу батарейного праздника, с описанием солдатского обеда, “Воынь” поместила “рецензию” на этот обед, под заглавием: “Знаем мы этих фельдфебельских гусей”. На нее никто не откликнулся, но на следующий год, на молебен по случаю батарейного праздника 8-ой батареи, были приглашены представители печати “Жизни Воыни” и “Воыни”. От “Воыни” явился как раз тот корреспондент, который писал “о фельдфебельских гусях”.

Редактора “Жизни Воыни” М. А. Петровича усадили между командирами, на вопрос же корреспондента “Воыни”: “А куда мне сесть?”, ему ответили, что на обед его не приглашали — приглашали только на молебен, но, если он хочет посмотреть на “фельдфебельских гусей”, то препятствовать этому никто не будет — может убедиться, что гуси это не миф, а второе блюдо солдатского обеда.

Кроме гусей батарея имела всегда нескольких свиней и баранов. И все это — заботами Федора Васильевича.

Стал я приглядываться к нему и, надо признаться, — учиться. Что меня сразу удивило — у него не было коровы. Фельдфебель без коровы — явление редкое. Честность его была такова, что, когда

в батарее надо было достать денег до получения ассигновки и еврей-порядчик предлагал их, то векселя он не требовал, говоря: “Запачему мне он, нехай только Федор Васильевич скажут, когда прийти за деньгами, так з мене этого вже довольно будет”.

Такая была и его семья — жена и две дочери, Паня старшая, а младшую забыл, как звали. Жена никогда не выражалась и никто из солдат не называл ее *барыней-фельдфебельшей*, звали по имени и отчеству, и в батарею она никогда не совалась. Дочки — милые девушки (старшая окончила гимназию) обе вышли замуж за бригадных подпрапорщиков и в них, и в их матери был какой-то женский шарм, какая-то обаятельность натуры. На Пасху офицеры батареи, с Воронкевичем во главе, всегда ходили к Федору Васильевичу, поздравить его и его семью со Светлым Праздником.

Заботами Федора Васильевича в батарее хлеб месили особой “крутилкой-месилкой”, сделанной в батарее же, и хлеб лучший бывал всегда в 8-ой батарее.

Появилось в газете объявление о продаже овощей “огневой сушки”. Федор Васильевич просит командира дознаться, что это за “огневая сушка”. И, когда Воронкевич дознался, то в батарее появилась и “огневая сушилка”, благодаря которой батарея всегда имела запас сухих овощей со своего огорода, о котором скажу ниже.

Но чем Федор Васильевич прославился, так это изобретением походной кухни. Прежде на маневрах за войсками возили котлы и, вот придет какая-нибудь часть вечером на бивак, тут бы и хватить борща с кашей, но... пока вкопают котлы, да разведут огонь, так и аппетит пройдет — сигнал к обеду подадут иной раз в два часа ночи.

На батарейных кухнях печи занимали почти пол-кухни и дров на них расходовалось сверх нормы. Федор Васильевич придумал, вместо кирпичных громадных печей, сделать для котла железный кожух, кстати и завод подходящий был недалеко в Бердичеве, завод Плохецкого. Сразу стало свободно в кухне и дров шло меньше и додумался Федор Васильевич привинтить этот кожух на повозку, чтобы на ходу варить. Повозиться пришлось только с герметической крышкой, больше четырех месяцев ее делали, но зато вышла на славу, даже свисток к предохранительному клапану приделали. Как засвистит кухня, солдаты уже знают — борщ закипел.

Дошла эта выдумка до Драгомирова. Приехал он в Житомир в 8-ую батарею. В то время не вся бригада стояла в Житомире, 3-я и 4-ая батареи и Управление бригады — в Бердичеве.

— “Покажите-ка мне вашу кухню”. Показали, доложили, что изобрел ее фельдфебель батареи Балабин. Драгомиров приказал запретить батарее и выехать в поле с кухней. Проманежил батарею походом верст пятнадцать, прогонял ее по пахоте, остановил и потребовал пробную порцию. Попробовал и говорит: “Эх, к такому борщу да чарку водки...” А у ко-

мандира в кобурах маневренный запас был. — “Решите, Ваше Высокопревосходительство”. Поднесли ему “капитанскую” (большая чарка). Расхвалил кухню, пожал руку Федору Васильевичу, приказал выдать ему наградные, а потом в приказе по Округу объявил о желательности завести в войсках такие кухни.

Маленькая подробность, характеризующая Федора Васильевича. Приезжавший с Драгомировым французский военный агент предложил Федору Васильевичу продать Франции патент за 5.000 франков. Тот скромно заявил:

— “В России придумано, пущай в России и остается, а во франках я ничего не понимаю”. От пяти тысяч франков отказался.

За чертеж этой кухни каждая часть платила ему потом пять рублей.

Достойно внимания, как, опять таки благодаря ему, батарея получила за гроши шесть десятин поля, прилежавшего к батарейному саду. Пригородная земля отдавалась помещиками в аренду за 40 рублей десятина, платить такие деньги батарея, конечно, не могла, а получить такую землю было очень заманчиво. Что же придумал Федор Васильевич?

Земля эта принадлежала богатому помещику поляку — отставному лейб-улану Аршеневскому, у которого была единственная наследница, прехорошень-

кая племянница. А в батарее был, тоже не урод офицер Дорошевский, и тоже поляк. Мысль о том, что “не мешало бы”... подал Воронкевичу Федор Васильевич. Аршеневский был приглашен с племянницей на бригадный бал. Когда они появились в собрании, оркестр заиграл полковой марш лейб-улан. Одним словом, встретили его с таким вниманием, что отставной лейб-улан растаял, стал бывать на бригадных вечерках и принимать у себя наших офицеров. До свадьбы дело не дошло, но отказать Воронкевичу сдать батарее прилегающие к ней шесть десятин земли он не мог. Брать так, как платили ему евреи, 40 рублей за десятину, тоже не хотел и отдал по шесть рублей.

Подосел Федору Васильевичу “предельный возраст”. Пришлось кончать службу, прощаться с батареей, которой он посвятил всю свою жизнь, отдать всю свою душу. Проводы были торжественные.

Зная его безграничную честность и хозяйственные способности, капитан П. А. Крюков прогнал управляющего своим маленьким имением и взял на его место Федора Васильевича. Вместо прежнего убытка, имение каждый год стало давать тысячи две дохода.

Вот каков был Федор Васильевич Балабин.

Б. Д. Приходкин

СУВОРОВСКОЕ ЗНАМЯ

11-ый ГРЕНАДЕРСКИЙ ФАНАГОРИЙСКИЙ
ГЕНЕРАЛИССИМУСА СУВОРОВА ПОЛК.

Отступить... И замолчали пушки.
Барабанщик-пулемет умолк.
За черту пылавшей деревушки
Отошел Фанагорийский полк.

В это утро перебило лучших
Офицеров; командир сражен.
И совсем молоденький поручик
Наш четвертый принял батальон.

А при батальоне было знамя —
И молил поручик в грозный час,
Чтобы Небо сжалилось над нами,
Чтобы Бог святыню нашу спас.

Но уж слева дрогнули и справа —
Враг наваливался, как медведь...
И защите знамени со славой
Оставалось только умереть.

И тогда, — клянусь, немало взоров
Тот навек запечатлело миг! —
Сам генералиссимус Суворов
У седого знамени возник.

Был он худ и с пудренной косицей,
Со звездой был его мундир.
Крикнул он: «За мной, Фанагорийцы!
«С Богом, батальонный командир!»

И обжег приказ его, как лава,
Все сердца: святая тень зовет!
Мчались слева, подбегали справа,
Чтоб, сомкнувшись, ринуться вперед...

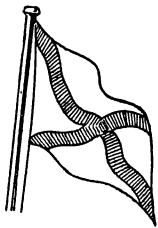
Ярости удара штыкового
Враг не снес: мы ураганно шли!
Только... командира молодого
Мертвым мы в деревню принесли.

И у гроба — это вспомнит каждый
Летописец жизни полковой —
Сам Суворов плакал: ночью дважды
Часовые видели его.

Арс. Н.

Поход и гибель линейного корабля „Пересвет“

ВСТУПЛЕНИЕ

Эскадренный броненосец «Пересвет», переименованный впоследствии, как и все остальные суда его класса, в «линейный корабль», был построен в С.-Петербурге на Балтийском заводе, спущен на воду в 1901 году и находился, еще в Русско-Японскую войну, в составе Порт-Артурской эскадры Тихого океана. Перед сдачей крепости Порт-Артура, он, наравне с прочими кораблями эскадры, был затоплен на порт-артурском рейде и достался японцам трофеем, вместе с крепостью.

После Русско-Японской войны, самолюбие японцев заставило их заняться ремонтом доставшихся им наших судов и потратить немало трудов и материальных средств (как например, при поднятии крейсера «Варяг», затопленного, после славного боя с японской эскадрой, в бухте Чемульпо) чтобы привести корабли в относительную исправность, дабы они могли двигаться и служить для второстепенных целей. Так случилось и с «Пересветом». Некоторое время, он нес службу в Учебно-Артиллерийском отряде, а потом был поставлен в резерв судов, так как японцы занялись своим собственным судостроением и, видимо, не имели возможности расходиться на капитальный ремонт своих боевых трофеев.

В 1916 году, наше морское командование решило приобрести у японцев 3 судна, из наших же старых кораблей. Какие высшие соображения руководили такой покупкой, мне не дано знать, а потому я и не буду касаться детально данного вопроса, но результатом этого решения было то, что мы приобрели у японцев, за значительную сумму денег, три старых и давно устаревших корабля из старой порт-артурской эскадры: «Варяг», «Полтава», названную «Чесмой», и «Пересвет», из коих был образован Отряд Особого Назначения, для посылки его из Владивостока в Белое море, во вновь создаваемый нами порт Александровск на Мурмане.

Не будучи свидетелем приемки этих судов, так как тогда я еще не получил назначения на «Пересвет» и был в С.-Петербурге, я не знаю всех подробностей передачи их нашему командованию. Как и кем была произведена эта приемка не знаю, но она была совершена недостаточно серьезно, требовательно и внимательно, как это будет видно из дальнейшего моего повествования. Защипав и замазавши непроницаемым толстым слоем краски все дефекты, японцы привели их во Владивосток, где состоялась

сдача, и наших многострадальных старых ветеранов вновь осенил славный Андреевский флаг.

Укомплектование кораблей личным составом было произведено из Европейской России, причем на «Варяг» пошли гвардейцы, на «Чесму» команду дало Черное море, а «Пересвет» был укомплектован чинами Балтийского флота. Несмотря на кажущуюся простоту укомплектования корабля личным составом для непосвященного в этот вопрос человека, дело это весьма сложно и имеет громадное значение для всей последующей жизни корабля. Казалось бы чего проще: штабом отдан приказ, в коем указана полная комплектация данного судна; живого материала, слава Богу, хватает и стоит лишь внедрить на каждый корабль нужное количество живых душ разных морских специальностей и дело в шляпе. Но это не так просто! Сколько хлопот, волнений, огорчений и досад приходится пережить старшему и специальным офицерам в период комплектования корабля! На какие только уловки не приходится им пускаться, чтобы достать себе того либо иного намеченного «человечка» или «специалиста», с которым судьба столкнула их по прежней совместной службе или о которых имеется хорошая рекомендация соплавателей. Но с ценными людьми не так легко расстанутся и их прежние начальники, и вот тут-то и сказывается отрицательная сторона комплектования корабля по способу снятия людей с других судов. Строжайшие приказы начальства выделить для укомплектования нового корабля с таких-то судов такое-то количество различных специалистов и мастеров, хороших по качеству, в большинстве случаев, не достигают цели, ибо надо иметь громадное гражданское мужество, чтобы расстаться с ценными людьми, в ущерб своему судну, и, на такой строжайший приказ начальства, обыкновенно отдаются люди, с которыми не так жалко расстаться, а иногда даже и желательно; тот же элемент, который добывается из береговых экипажей и кадров, особенно в военное время, не представляет высокого удельного веса по своему качеству. А вопрос комплектования корабля особенно важен с той стороны, чтобы его личный состав создал ту душу корабля, которая, вселившись с самого начала в безжизненный корпус судна, продолжала бы обитать в нем во весь последующий период службы судна, создавая ему ту или иную репутацию.

Укомплектовать корабли отряда пришлось спешно, доказательством чего служило то огромное количество претензий команды, с которым мне пришлось встретиться по вступлении в командование; на 730 человек команды, в книге, неудовлетворенных претензий было более трехсот — число мною невиданное за всю мою продолжительную службу во флоте; этот факт подтверждает и то, что коман-

да, пошедшая на укомплектование «Пересвета», была собрана со всего Балтийского флота, как говорится, «с бору да с сосенки».

С таким личным составом, «Пересвету» пришлось начать свою вторичную жизнь в Российском флоте. Офицерский состав также был мало знаком друг с другом и корабль не обрел еще своей души. Я не знаю, быть может на «Чесме» и «Варяге» был личный состав более однороден, знаком между собой и лучшего качества. Впереди оставалась надежда, что дни вооружения и приготовления к далекому плаванию быстро сплотят личный состав и ознакомят его между собой, но и здесь злой рок висел над «Пересветом». При возвращении во Владивосток с моря после пробы механизмов, благодаря нашедшему туману, «Пересвет» не попал в пролив Босфора и выскочил на камни у мыса Басаргина, основательно увесившись в расщелину между двух камней носовым подбашенным отделением.

Не место здесь разбирать и касаться обстоятельств этой катастрофы, дело это морской юридической инстанции; весьма вероятно, своевременно следствие и было произведено с выявлением виновных в катастрофе лиц, что и подтверждается сменой бывшего командира, на место которого состоялось мое назначение. Но считаю уместным коснуться вопроса о катастрофе с чисто профессиональной морской стороны, как человек много проплававший в этих краях и хорошо знакомый с местными навигационными условиями. Залив Петра Великого богат своими туманами и вход во Владивосток с моря при сильном тумане довольно труден, но знание рельефа дна и измерение лотом характерных отличительных глубин вполне гарантирует безопасный проход через Босфор во Владивосток. За шесть лет своей службы на Дальнем Востоке, особенно в бытность начальником подводных лодок в Тихом океане, когда отряды подводных лодок бывали разбросаны по трем летним базам, мне несколько раз в неделю приходилось выходить и входить во Владивосток на различных судах, совершенно не считаясь с состоянием погоды и моря, и этот способ ориентировки по лоту никогда не давал ошибки, а ходить приходилось в очень сильные туманы, как днем, так и ночью. Вообще, я не припомню ни одной аварии с посадкой судна на камни в этом районе, так как дальневосточники хорошо знали свои края и всегда помнили завет адмирала Макарова, напечатанный на морских картах, о необходимости пользоваться глубинами, подходя к Владивостоку; к сожалению, на «Пересвете», а также и в штабе адмирала, забыли этот завет и понадеялись на верность компаса и знание точности своего места, ибо, как мне удалось узнать впоследствии из рассказов офицеров, — лот был забыт и корабль очутился на камнях. Все попытки судов отряда и всех портовых средств оказались тщетными и «Пересвет» очень долго, что-то около месяца просидел на камнях; пронесшийся в это время, тайфун еще более укре-

пил его положение, благодаря волне и зыби, отражавшейся на корабле, ибо камни все более и более вдавливались в пробоины.

Все попытки к снятию его показали полное отсутствие опыта в этом деле у руководителей работ, а некоторые распоряжения начальства, как например, буксировка за корму всеми имеющимися в наличии порта плавучими средствами с придачей корабля «Чесма» были только во вред «Пересвету», так как этими толчками ему еще более разворотили пробоины. Отказавшись от дальнейших попыток, передали дело, выписанной из Японии, спасательной партии, а адмирал, не имея возможности терять время, оставаясь во Владивостоке, перенес свой флаг на «Чесму» и вместе с «Варягом» покинул Владивосток с сидевшим там на камнях «Пересветом», уйдя в дальнее плавание, для выполнения своей задачи.

I.

НАЗНАЧЕНИЕ НА «ПЕРЕСВЕТ»

В таком виде я застал положение дела, прибыв во Владивосток, после моего назначения командиром «Пересвета».

Назначение мое состоялось при следующих обстоятельствах. После спуска дредноута «Измаил», командиром которого я был назначен Высочайшим приказом, я находился в С.-Петербурге, следя за работами по постройке на корабле и заводах. При получении известия об аварии с «Пересветом», высшее морское начальство было поставлено в необходимость сменить его командира и находилось в некотором затруднении, так как свободных командиров судов I-го ранга не было, все находились при активном деле, в виду военного положения и выбор Морского министра остановился на мне, как более свободном.

Адмирал И. К. Григорович, вызвав меня к себе, сообщил, что временно желает командировать меня на «Пересвет» для выполнения задачи перевода его в Белое море, после чего я вновь буду возвращен на свой «Измаил», который предполагалось закончить и поставить в строй к 1918 году, но, Государь Император не считая возможным согласиться, чтобы это было сделано в виде моей командировки, в виду предстоящего большого плавания через иностранные воды и благоволил распорядиться о моем назначении командиром «Пересвета», согласившись с решением министра, по выполнении задачи и перевода «Пересвета», возвратить меня снова на «Измаил».

6-го июня 1916 года состоялся секретный Высочайший приказ о моем назначении и через два дня, по снабжении меня путевым довольствием, я выехал через Сибирь во Владивосток. Перед отъездом, Морской министр дал мне директивы озабочиться возможно скорейшим приведением в порядок «Пересвета», для выхода по назначению и ска-

зал, что впредь я нахожусь в его полном распоряжении, для чего все сношения должны производиться мною только непосредственно с ним, а все дальнейшие инструкции и указания будут высланы мне вслед.

Около 20-го июня я прибыл во Владивосток, где, явившись по начальству, тотчас же отправился на «Пересвет», где в этот день готовилась очередная попытка снятия его с камней японской спасательной партией.

С тяжелым сердцем, я поднимался по трапу корабля, где, на борту, были выстроены офицеры и команда, а у трапа встречал меня командир, мой однокашник по корпусу, капитан I-го ранга З—н, с которым судьба столкнула меня при таких печальных обстоятельствах, впервые после выпуска из корпуса. Из представленных мне офицеров оказался знакомым лишь один: лейтенант Кузнецов, плававший у меня, на крейсере «Жемчуг» ревизором. Искренне расцеловавшись с ним и познакомившись с офицерами, я обошел команду. Утомленные лица личного состава корабля, измочаленного напряженной работой, в продолжении месячной аварии, отдавали какой-то апатией и печалью, видимо, люди изверились в благополучном исходе попыток по спасению корабля. Невобразимый хаос на палубе, где в беспорядке валялись всевозможные обрывки перлин, тросов, многих разбросанных частей механизмов, строительного деревянного матерьяла, цемента и прочих вещей, болтавшихся без места, создавали режущий глаз беспорядок и грязь, так неприличные военному кораблю.

Критический момент попытки подходил. В помощь японцам, были присланы наличные буксирные средства порта. Я просил командира заниматься своим делом и забыть о моем существовании, а сам пошел осмотреть положение корабля и ознакомиться со всеми предпринятыми мерами к спасению «Пересвета». Картина, действительно, была безотрадная: «Пересвет» сидел основательно. Пройдя на бак, несколько приподнятый над кормовой частью, я удивился близости берега, который был буквально у самого штевня и на конце, брошенном за борт, можно было-бы прямо спуститься на берег; с кормы были поданы буксиры на катера, а у борта находился японский спасательный пароход. Японцы, прибыв во Владивосток, начали с того, с чего было следовало начинать с первого-же момента аварии.

Назначенный руководитель работами молодой японский корабельный инженер (фамилию его время изгладило из моей памяти) прибыл на «Пересвет», распорядился построить по чертежам деревянную модель корпуса «Пересвета». При помощи их-же водолазов, на 2-метровой доске, был нанесен, в соответствующем с моделью масштабе, весь рельеф дна, вдоль диаметральной плоскости корабля из глины, цемента и камней. Таким образом, была создана точная модель подводной территории под «Пересветом», на которую и была поставлена

деревянная модель корабля, что дало полную и безошибочную картину положения всего дела и указывало, что следует предпринять для выхода из положения. Корабль сидел своим носовым подбашечным отделением в расщелине между двумя большими камнями, как в седле, в остальном пространстве он был на плаву. «Пересвет» заклинился всей массой в эту расщелину с 8-узловой ходом — оба камня с обоих бортов образовали значительные вмятины в корпусе, а все предыдущие попытки по снятию его, совместно с пережитым тайфуном, значительно ухудшили положение: камни врезались в корпус и образовали две большие пробоины. Для каждого стало очевидным, что необходимо принять какие-то меры, чтобы вынуть корабль из этой расщелины, и, уже на свободной воде, отбуксировать его в направлении диаметрально-противоположном курсу, по которому он шел. Далее, дело было карандаша и вычислений, чтобы определить то необходимое усилие, при котором носовая часть может стать на свободную воду. Были произведены предварительные работы по снятию всех возможных грузов, для облегчения носовой части: сняты якоря, с цепными канатами, носовые башенные 10" орудия, разгружены все боевые запасы носовых погребов и всякая мелочь, которая представляла из себя некоторый вес, разобраны испорченные носовые турбо-динами, одним словом было снято с носовой части корабля все, что только было возможно; в порту нашлись две крепкие железные баржи, которые были подведены с обоих бортов, на траверз носовой башни и, соединенные между собой надежным найтовом, пропущенным под киль корабля, — приспособлены в качестве мощных понтонов, сначала для затопления, а потом для нагнетания в них воздуха, чтобы своей плавучестью приподнять нос корабля. Внутри отсеков, получивших пробоины, были поставлены бревенчатые крепления, в помощь непроницаемым переборкам и нужные пространства зацементированы. После обеда наступил решающий момент. Буксирные силы, поместившиеся за кормой, обтянули буксиры, а японский спасательный пароход начал нагнетать воздух в затопленные баржи. Все находилось на своих местах по авральному расписанию; я избрал себе наблюдательный пункт на баке, интересуясь подведенными баржами. Через непродолжительное время палубы баржей зашевелились, видимо, подкильный найтов обтянулся в тугую, все шло хорошо и через несколько минут «Пересвет», под действием кормовых буксиров, плавно и свободно двинулся с места, под громогласное радостное «ура» его измученного и потерявшего всякие надежды экипажа.

Картина утреннего тяжелого настроения мигом переменялась, мрачные лица окружавших меня матросов озарились радостными улыбками и до меня с разных сторон доносились веселые реплики: «новый командир принес нам счастье». Не рискуя разворачивать корабль, чтобы не увеличивать при хо-

де давление воды в затопленном отсеке, «Пересвет», за корму, отбуксировали во Владивосток в глубину Золотого Рога к новому сухому доку.

Принимая во внимание подавленность настроения старого командира, спешившего уехать из Владивостока в С.-Петербург как можно скорее, я не стал затягивать приемку судна. Получив от него главные секретные документы, книги, шифры и денежную отчетность, на третий день по приходе «Пересвета» во Владивосток, я телеграфировал Морскому министру и, явившись к местному морскому начальству, доложил о вступлении в командование, чтобы возможно скорее привести все в порядок для выполнения возложенной задачи.

А работы предстояло впереди немало! Помимо приведения всего в порядок, установки снятых орудий, погрузки боевых запасов, размещения на места всего снятого, немало беспокоило меня подводное повреждение корабля, так как пробоины и вмятины подводной части распространялись на длину 19-ти шпангоутов по обоим бортам и требовали их замены и починки. Местный Владивостокский порт, за неимением к тому средств и материалов, отказался произвести необходимый ремонт и, с согласия Морского министра, таковой был поручен японцам, для чего «Пересвет» должен был следовать в Японию. Одновременно с этими переговорами начальства, я получил телеграфно шифрованное распоряжение от него ввести «Пересвет» в док, для осмотра повреждений и принятия мер к временной заделке их, для предстоящего перехода в Японию, для капитального ремонта, но командир Владивостокского порта не согласился даже на ввод «Пересвета» в док для осмотра, ссылаясь на какую-то неисправность дока, не позволяющую ввода в него корабля; было-ли это так в действительности, я не знаю, но, после достаточно острого конфликта и разговора с ним, я вынес впечатление, что пребывание во Владивостоке вновь формируемого Отряда Судов Особого Назначения и причиняемые им хлопоты и работы по вооружению и снабжению судов в плавание, так надоели местному начальству, что у него появилось непреодолимое желание избавиться как можно скорее от этого беспокойного элемента и, в виду состоявшейся передачи ремонта японцам, выгнать «Пересвет» скорее с глаз долой из Владивостока. Командир порта, контр-адмирал Ш., сообщил, что, по докладу японского инженера, временно пробоины можно кое-как заделать на воде, и что он даст в конвоиры до Японии буксирный спасательный пароход «Свирь». Не считая возможным принять, без санкции Морского министра, столь рискованное решение командира порта, я шифрованно телеграфировал в С.-Петербург, на что и получил распоряжение от адмирала Григоровича не вступать в спор с местным начальством а, приняв все меры предосторожности, возможно скорее покинуть Владивосток и рискнуть перейти в Японию для ремонта. Пришлось плынуть на негостеприимство Влади-

востока и вступить в переговоры с японскими спасателями.

Японский инженер взялся заделать, с помощью своих водолазов, пробоины на воде и, благодаря деревянной обшивке подводной части «Пересвета» обшитой медью, можно было поставить заплаты на гвоздях из парусины, дерева и свинца. На корабле была установлена мощная бензинно-моторная водоотливная помпа, снятая с японского спасательного парохода, так как вся электрическая проводка судовых водо-отливных средств была разрушена.

Выйдя для пробы механизмов, на один час, в Амурский залив и убедившись, что машины вертятся после приведения судна в порядок, то-есть установки на места всего снятого и справившись с данными метеорологической станции, 14-го июня 1916 года я покинул Владивосток и без конвоира (японский пароход ушел раньше, а обещанная «Свирь» в данный момент отсутствовала из порта) вышел в море для перехода в Японию — порт Майдзуру, имея с собой на борту и японского инженера, которому был поручен дальнейший ремонт.

Покидая родные берега Дальнего Востока, так близкие моему сердцу по воспоминаниям прежней здесь службы и плаваний, я верил, что и на этот раз Японское море не будет жестоко ко мне и не накроет меня своим тайфуном, могущим быть весьма угрожающим при нашем положении.

II.

ПОРТ МАЙДЗУРУ

Переход из Владивостока до Майдзуру был совершен при благоприятной, хотя и пасмурной, погоде; море было совершенно спокойно и машины работали исправно, но пришлось идти черепашным шагом из опасения, чтобы сопротивлением воды не сорвать пластырную заделку наружных пробоин, почему мы только на третьи сутки с рассветом подошли к месту назначения, после 450 мильного плавания. Накануне вечером, ко мне подошел пароход «Свирь», указав сигналом, что прислан командиром Владивостокского порта для нашего конвоирования. В силу того, что мы уже подходили к цели и не нуждались в конвоире, я, с благодарностью сигналом, отпустил его обратно во Владивосток, под иронические улыбки личного состава, а в 8 часов утра мы уже стали на якорь на прекрасном рейде порта Майдзуру. Этот порт, относящийся к закрытым для иностранцев портам, отличается весьма живописным входом в него со стороны залива и великолепно закрытым, якорным убежищем для кораблей, хотя и с небольшим внутренним рейдом. Здесь находилась резиденция морского начальника района, вице адмирала Нава и прекрасна оборудованный порт с мастерскими и стапелями, на которых строились миноносцы, впоследствии перешедшие в Средиземное море и переданные союзникам. В порту стоял, на

достройке, один из первенцев — самостоятельной постройки кораблей дредноутного типа.

Едва мы успели отдать якорь, как ко мне явился молодой мичман японского флота, великолепно говорящий по-русски и командированный штабом начальника района в качестве переводчика в мое полное распоряжение на все время нахождения в Майдзуру. С подъемом флага, облачившись в парадную форму, я отправился со своим новым адъютантом на берег явиться местному начальству: начальнику района и командиру порта. В своих воспоминаниях не могу не остановиться на этих, интересных для меня, визитах. Адмирал Нава принял меня в своем служебном кабинете, за письменным столом, окруженный кипами бумаг. Отдав приветствие поклонением портрету японского Императора в морской форме во весь рост, висевшему тут-же на стене (этот жест всегда делается при визитах японцами на наши корабли перед портретом Государя Императора), я представился адмиралу, который, приветствуя меня с благополучным приходом, сказал, что он весьма доволен вновь встретиться со мной. Меня удивила память этого старого человека и наш разговор коснулся прошлого. Он, с большим вниманием, говорил о бое «Рюрика», последним командиром которого я был в бою Владивостокского крейсера отряда с эскадрой адмирала Камимура, 1-го августа 1904 года, во время Русско-Японской войны, упомянув, что тогда он командовал минной дивизией, потом, во время командования мною крейсером «Жемчуг», посланным в Китай во время 3-ей революции, находясь в Шанхае, в составе международной эскадры для защиты европейских интересов, мы были под его командой, как старшего адмирала, а свезенный с крейсера «Жемчуг» десант нес береговую службу совместно с японцами, на одном и том же участке.

Из тех времен, вспоминается мне смотровой визит его крейсеру «Жемчуг». Этот веселый адмирал, прибыв на крейсер и приветствуя выстроенную во фронт команду, отданием чести, был ошарашен дружным и молодцеватым ответом: «Здравия желаем ваше превосходительство», чего никак не ожидал и что ему, видимо, страшно понравилось, так как, спустившись в командирское помещение, он подробно интересовался значением этого крика матросов и, в шутливом тоне, заявил, что в первый момент он даже испугался. — Да, подумал я тогда, испугаешь такого морского зубра...

Указав мне, что порт Майдзуру очень небольшое и скучное место, и имея в виду, что ремонт займет достаточно продолжительное время, он просил, чтобы я со своими офицерами пользовался береговым морским собранием, расположенным очень уютно с живописным садиком и большой круговой террасой, на равном положении с японскими офицерами, бывая там без всяких приглашений, как у себя дома. Там мы найдем отдых после дневной работы и развлечение послушать музыку, так как два

раза в неделю в собрании играет портовый оркестр. Я, с благодарностью, принял его гостеприимство, но, впоследствии, когда мы стали ежедневно пользоваться Морским Собранием, произошел характерный инцидент на почве того, что японцы отказались брать с нас деньги за требуемые из буфета напитки и закуски; мне стоило больших трудов уговорить адмирала дать нам возможность платить и только мой довод, что мы должны будем лишить себя удовольствия посещать собрание — заставил его согласиться на мои условия, чтобы каждый из нас вносил установленный ничтожный членский взнос и расплачивался по буфету и кухне. Указав мне на то, что береговые жители порта мало знакомы с европейцами, так как порт до сего времени был закрытым, он разрешил свободный доступ команды в город, но просил только, на первое время, пока жители не ознакомятся с русскими моряками, не спускаться на берег команду в большом количестве, боясь каких-либо эксцессов и недоразумений. Однако такое опасение скоро отпало. Миролюбивое отношение японцев и матросов между собой ничем не нарушалось, и, во все продолжение стоянки в порту, не возникло ни одного недоразумения на берегу, и, под конец, отношения сложились вполне дружелюбные.

На мою просьбу: содействовать возможно скорейшему завершению работ по «Пересвету», он сказал, что все меры к тому приняты и распоряжения сделаны и что я смогу иметь непосредственное сношение с командиром порта по всем возникающим вопросам во всякое время, когда мне заблагорассудится.

Следующий мой визит был к командиру порта контр-адмиралу Камимура. Этот, высокого роста, человек, встретивший меня, хотя и любезно, по первому впечатлению, производил полный контраст со своим высшим начальником, особой серьезностью и деловитостью. С первых же слов свидания, он сказал, что все приготовления к принятию «Пересвета» в док сделаны, соответствующие назначения рабочей силы готовы, работы поручены японскому инженеру пришедшему со мной и что мне следует озаботиться распоряжением о выгрузке всех боевых запасов в портовые склады, в специально охлаждаемые и вентилируемые погреба; средства для перевозки им уже посланы на корабль; затем он сказал, что сделал распоряжение на набережной доке поставить большой барак, куда бы я поместил часть команды корабля, которую найду нужным, ибо, во-первых, в доке так жарко и душно, что спать по палубам и кубрикам для людей будет очень тяжело, а кроме того нахождение лишних людей будет мешать работам японцев, особенно по ночам. Он любезно предложил мне обращаться к нему по всем вопросам, касающимся работ и нашей жизни, во всякое время и без всякого стеснения, обещая удовлетворить все мои просьбы. В конце этого делового визита, разговор перешел на тему о прошлой

Русско-Японской войне; на мой вопрос, не родственник ли он тому адмиралу Камимура, с которым во время войны владивостокские крейсера имели бой 1-го августа 1904 года, он ответил, что он племянник того Камимуры и что я, как последний командир погибшего крейсера «Рюрик», должен иметь против его дяди, а косвенно, значит, и против него большую ненависть в душе, на что мне пришлось объяснить ему, что русские не принадлежат к тем народам, которые ненавидят своих боевых противников в мирной обстановке, и мы, моряки, всегда отдаем должное уважение храброму и честному противнику, а человеколюбие его дяди, проявленное им по окончании боя, когда, его распоряжением, с воды были подобраны все потопившие с «Рюрика» моряки, никогда не изгладится из памяти утопавших и ненависть к нему, а тем более к его племяннику, нет и не может иметь места в моей душе. После такого кирпичика любезности, мне показалось, что лик адмирала прояснился и стал более приветливым. В дальнейшем, у нас сложились вполне дружественные отношения и его наружная неприветливость и серьезность оказались лишь ошибкой моего первого впечатления.

Возвратясь на корабль, я застал у борта плавающие средства для выгрузки боевых запасов и работа закипела. Через двое суток, все боевые запасы были перевезены на берег и корабль был введен в сухой док. Но... поспешность не всегда бывает хороша. Японский инженер, при расчетах установки доковых блоков, несмотря на данные ему чертежи, видимо допустил какую-то ошибку и, когда «Пересвет» сел на киль, то получилась деформация и прогиб корпуса корабля, настолько значительные, что все 32 котла получили сдвиг и порвали свои трубопроводы; на мое предложение вновь поднять корабль на плаву и посадить его вторично более правильно, инженеры почему-то не согласились, а так как со вводом в док, он уже находился в их распоряжении и на их ответственности, то я не считал возможным спорить с ними и настаивать на своем.

По выкачке воды из дока, была осмотрена водонепроницаемая заделка пробочин и я не раскаялся в принятом мною решении идти из Владивостока в Японию самым черепашим ходом, так как пластырная заделка не везде выдержала сопротивление воды и была на значительном протяжении завернута в сторону обратную ходу судна, но, внутренняя заделка не допустила воды внутрь корабля. Что бы было, если бы в море не было тихой погоды, а нас накрыл на переходе тайфун? Если-бы что случилось, оно легло бы на совесть Владивостокского портового начальства, отказавшего в своем доке для осмотра «Пересвета» и поспешившего сплавить его поскорее с глаз долой.

Не задаваясь целью давать технического отчета, я не имею возможности подробно останавливаться на описании, скучных для рассказа, подробностей

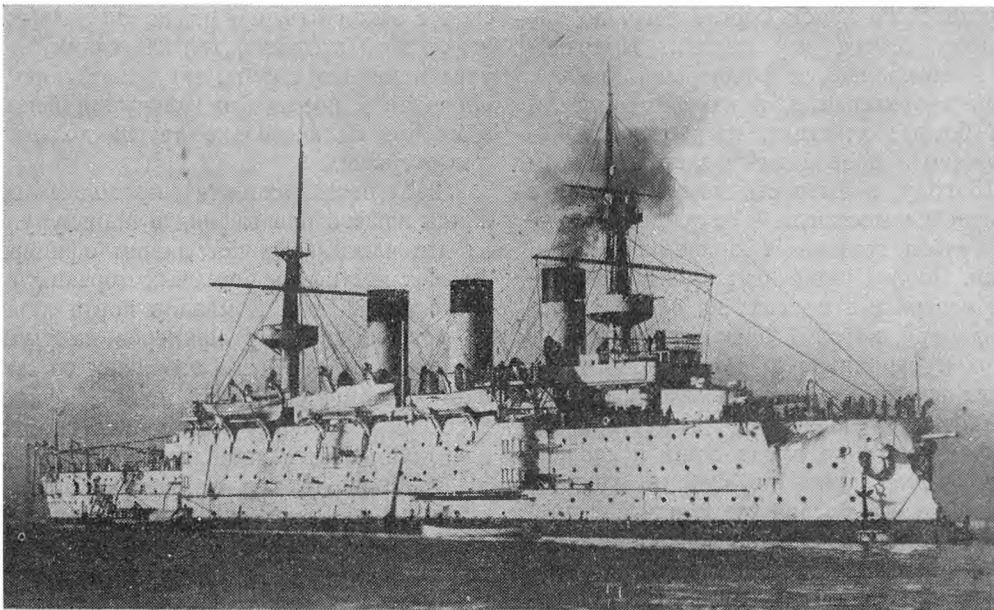
и деталей самого ремонта, упоминая лишь то, что может представлять действительный интерес, а потому перейду к общему описанию нашего пребывания в Майдзуру.

По установке корабля в доке, работы начались очень интенсивно. Японцы отказались от помощи нашей команды, так как располагали достаточным количеством своих портовых рабочих и специалистов, обращаясь к помощи нашей команды лишь, как к валовой силе в случаях надобности, и только ближайшие судовые специалисты принимали участие в наблюдении над производимыми работами, в своих частях, знакомясь с ними, большинство же рядовой команды оставалось на корабле без дела и эту часть людей я перевел для житья в поставленный на берегу около дока, барак.

Характер судовых работ с переборкой механизмов, электропроводкой и приведение в порядок всего хаоса, причиненного аварией, а также полученного при посадке в док, не позволяли производить никаких судовых учений без ущерба для текущих работ, а потому пришлось от них совершенно отказаться, но, тем не менее, судовой порядок наладить следовало и дела было немало. Отсутствие судовых расписаний дало немало работы старшему и специальным офицерам; чтобы занять людей, было обращено особенное внимание на шлюпочные ученья, так как гребные суда были все на воде вне дока. Ежедневно производились шлюпочные гребные и парусные ученья, с далекой посылкой шлюпок по бухте и шхерам, у входа в залив и порт. Благодаря жаркому времени, широко практиковалось купанье и обучение команды плаванию и под конец стоянки из личного состава не было никого, кто бы не умел хорошо плавать; для поощрения в этом деле, устанавливались состязания.

Тем временем ремонт шел на полный ход. Носовая подводная часть корабля была почти вся вскрыта, менялись погнутые шпангоуты, флоры. По перемене их, пришлось вновь закрывать обшивку, покрывать деревом и обшивать ее медью, параллельно приводились в порядок пострадавшие и разобранные вспомогательные механизмы отливной трюмовой системы. Особенно беспокоило старшего артиллерийского офицера то явление, что деформация корабля при постановке в док потревожила и носовую 10" башню, получившую легкий перекос. Но «ахать» и «охать» не приходилось, время было дорого, а потому многому приходилось не придавать значения, помня, что капитальный ремонт и добавочные работы по усилению теплосберегаемости судна для плавания в Северном океане — нам были обещаны по приходе в Англию и все внимание наше было обращено на то, чтобы работы «гнались во всю» для скорейшего нашего выхода в море по назначению.

При перестановке в док блоков, произошел аварийный случай, к счастью обошедшийся без человеческих жертв. Кругом дока были проложены рель-

Линейный корабль «Пересвет»

сы, по которым ходил небольшой самодвижущийся паровой кран на тележке; при встретившейся надобности переставить внутри дока два свободных блока, они были подцеплены краном, но, видимо, японцы ошиблись в расчете веса и, когда блоки были почти приподняты, их тяжесть перевесила устойчивость крановой тележки, при данном угле стрелы крана и это все сооружение полетело в док; управляющий краном японский машинист успел соскочить на стенку дока, а в доке команды уже не было, она вышла обедать, так что разлетевшиеся части крана и взрыв парового котла не задел ни кого, но сотрясение было заметно и переполоху было много, а сам этот случай, описанный одним из офицеров в письме к своей жене, был подчеркнут почему-то нашей главной военной цензурной комиссией в России и было предписано строже цензуровать письма, исходящие с корабля.

За время стоянки в Майдзуру, я получил от Морского министра секретные инструкции и предписания. Мне было предписано освежить несколько офицерский состав, при чем довольно прозрачно было указано желание высшего начальства на необходимость перемены старшего офицера, против чего я не протестовал в душе а, кроме того, старший штурманский офицер, при его хороших качествах специалиста, сам не пожелал идти в плавание после аварии с «Пересветом» во Владивостоке и сам просил о списании, на что я согласился с большим сожалением. Смена этим двум офицерам была выслана из Европейской России. Прислали прекрасного штурманского офицера лейтенанта Зорина, только что проделавшего этот поход на транспорте «Колыма» и в то же время очень хорошего певца, неоднократно, впоследствии, улаждавшего сво-

им голосом наш слух в моменты скуки и мрачного настроения.

Старший офицер был прислан по моему выбору и на его личности я несколько остановлюсь. Участник Цусимского боя в Русско-Японскую войну, он был интернирован со своим крейсером в одном из портов Дальнего Востока и, беззаботно нося мичманские погоны, увлек своими звездочками и милостью одну из местных звезд окружавшего их американского «небосвода» и, увлекшись сам, выбитый из равновесия, обезоруженный обстановкой своего корабля, не имея мужества и характера спокойно ожидать окончания войны, удрал с судна, а потом дезертировал в Австралию. Перенесенные им беды и невзгоды скитальческой жизни выработали и закалили его характер и он достиг в Австралии обеспеченного положения, женился и превратился в солидного делового человека американской складки. Однако, совесть его, видимо, мучила за былой легкомысленный поступок и вот, когда началась Великая война, он просил через наше морское начальство разрешения вернуться в Россию и принять участие в войне. Ответа на его просьбу не последовало и он решил за свой страх и риск вернуться в С.-Петербург. Несмотря на десятилетний срок давности, он был предан военному суду и приговорен к разжалованию в матросы и к смертной казни, но Государем Императором последняя была заменена посылкой на фронт. На фронте он попадает в пулеметную морскую команду при «Дикой» дивизии, под командой Е. И. В. Великого Князя Михаила Александровича. Беззаветная храбрость и полное презрение к смерти быстро выдвигают его в глазах начальства, он последовательно награждается четырьмя Георгиевскими медалями, потом всеми четырьмя

степенями Георгиевского креста, после чего, по ходатайству Великого Князя, ему выходит Высочайшая амнистия и возвращается офицерское звание, с производством в лейтенанты, в каком чине он вновь, за свои боевые действия, награждается Георгиевским оружием и производится в старшие лейтенанты. В 1915 году, в бытность мою в Одессе в составе готовившейся десантной операции на Турецкий фронт, судьба сталкивает, знакомит и сдружает меня с ним. Вполне понятно, с каким нетерпением я ожидал теперь его приезда на смену старшему офицеру, который благодаря своей сухости характера и непониманию матроской души, сильно вооружил против себя не только офицеров, но и команду. Хотя я заранее предвидел, что новому старшему офицеру, при его молодости и неопытности, будет трудно наладить правильный ход корабельной жизни, но его боевой стаж, почти с полным Георгиевским бантом и спокойный характер будут благотворно влиять на личный состав и в продолжении плавания создадут ту душу корабля, о которой я говорил выше, ну а в технических трудностях его работы, рассчитывал подсобрать ему лично и с помощью специальных офицеров. Я не ошибся в своих расчетах: с его прибытием, настроение офицеров и команды сделалось спокойнее, уравновешеннее, нервность пропала, исчезло применение физических мер воздействия и уничтожены всякие дисциплинарные взыскания, отражающиеся на самолюбии команды — вообще я был и остался до конца доволен своим выбором.

Инструкции, полученные мною от министра, были, почти подлинно, следующие: «Принять все возможные меры к скорейшему окончанию ремонта корабля, не задерживаться с выходом по назначению и возможно спешить по месту назначения в Англию — порт Гринок, где предполагается дать кораблю добавочный ремонт для северного плавания». Во время плавания и заходов в нужные порты, я должен был находиться, так сказать, под протекторатом английского морского командования, к каковому и обязан был обращаться во всех своих нуждах: по снабжению углем, материалами, в которых могла бы встретиться нужда, и ремонт в случае потребности. Освещение боевой обстановки мне было также обещано со стороны английского командования. Порты, в кои мне разрешено зайти в первую часть плавания, были: Гон-Конг, Сингапур и Коломбо. Дальнейший маршрут от Коломбо давался в двух вариантах: первый — через Суэцкий канал и Средиземное море, второй — вокруг мыса Доброй Надежды и Атлантический океан. Выбор маршрута мне должен был быть указан по прибытии нашем в Коломбо, в зависимости от боевой обстановки, добавочным распоряжением Морского министра.

Работы по ремонту шли усиленным темпом и еще ускорить их не представлялось никакой возможности, тем более, что японцы, чувствуя свою вину при постановке в док, из кожи лезли вон, чтобы

скорее закончить ремонт, но он задерживался именно от этой причины, так как сдвинутые котлы требовали немало работы по приведению их и трубопроводов в порядок и задержали наше пребывание в Японии на несколько недель дольше предполагаемого срока.

Любезность японцев продолжалась до самого конца нашего пребывания в Майдзуру. Адмирал Нава дал частный банкет нашим офицерам с участием всех местных и портовых морских чинов офицерского положения. Командир порта адмирал Камимура устроил поездку офицеров на рыбную ловлю с загонщиками в реке, а вторично, со старшими чинами порта, приветствовал меня с офицерами обедом в соседнем городке, в чисто японском стиле с переодеванием всех в японские кимоно, сидением на полу на подушках и т. п.; за этим обедом были подарены на память каждому офицеру золоченные чарочки для японской водки, очень изящно сработанные в мастерских порта с выгравированными монограммами и датой и, наконец, он просил моего разрешения отправить нашу команду в две очереди на прогулку и рыбную ловлю в окрестности порта, для каковой цели предоставил пароход и угощение. Эта прогулка была роковой для некоторых нижних чинов. Но имеемым у меня секретным агентурным сведениям, после беспорядков на Отряде в бытность его еще во Владивостоке, при перетасовке нижних чинов штаба, на «Пересвет» попал известный процент неблагонадежного элемента и у них были, видимо, дальнейшие планы на производство беспорядков, но эта ячейка была так законспирирована, что определить ее членов не представлялось возможным. По окончании прогулки. Первая поездка была совершена благополучно, но при посылке второй партии, когда команда возвращалась в порт, после полученного развлечения и некоторого угощения наших хлебосольных хозяев, офицер, посланный с командой, донес мне секретным рапортом, что группа нижних чинов, фамилии которых были перечислены, под дирижерством нескольких унтер-офицеров попыталась развлекаться революционными песнями, что и пришлось ему прекратить. Не оглашая этого инцидента, после собранных мною негласных поверочных данных об этих людях, я решил от них избавиться и накануне выхода в море, без объяснения причин, списал всю эту группу с корабля, отправив ее во Владивосток, как неблагонадежный элемент, — это произвело известное впечатление, а быть может этим была дезорганизована нарождающаяся на корабле ячейка, но больше революционного запаха не было слышно во все плавание.

Наконец, выяснился день нашего выхода из дока; но впереди предстояло еще несколько дней работы по приемке угля, провизии, материалов и обратной погрузки на судно боевых запасов. Здесь японцы поднесли новый сюрприз. Большая часть боевого запаса была японского изготовления и на корабле не было никаких инструкций для обращения

с ним. В переданной портовым японским артиллерийским офицерам инструкции относительно хранения японских порохов, было указано, что необходимо постоянное и неослабное наблюдение за температурой боевых погребов, так как их порох имеет свойство сохранять свою сопротивляемость, от разложения, лишь до известной температуры, не помню сейчас точное количество указанных градусов, что-то около $+40^{\circ}$, после чего он быстро начинает разлагаться и становится опасным для самовозгорания, почему на всех японских судах и береговых складах устроены специальные охлаждающие вентиляции, коих на нашем «Пересвете» нет, и нам рекомендовалось очень внимательно следить за температурой в погребах и охлаждать их всеми возможными способами. Такая рекомендация сильно озабочивала старшего артиллерийского офицера, ибо хотя на судне у нас и имелась положенная вентиляционная система, но она брала лишь наружный воздух с той температурой, коей он обладал, и приспособлений охладить его не было; японцы предлагали поставить специальные рефрижераторы, но это задержало бы нас еще на порядочное время и стоило бы немалых денег, вследствие чего Морским министром не были разрешены эти работы и было предписано уходить так, как есть. Пришлось немало поработать судовым парусникам для увеличения комплекта различных виндзелей, дабы достигнуть максимума вентиляции всех нужных помещений, ну а для понижения температуры нам оставалась возможность обращаться в своих молитвах в небесную канцелярию.

Наконец, наступил давно жданный день вывода нас из дока и «Пересвет» вновь оказался на свободной воде. Началась спешная погрузка всего, а нам была пора подумать ответить прощальным обедом японцам за их гостеприимство и хлебосольство. Так как время не позволяло сделать отдельных приемов на корабле для чинов начальника района и порта, то было решено, за день до ухода, сделать общий обед тем и другим.

На корабль был прислан военный портовый оркестр; оба адмирала приняли наши приглашения и с 7-ми часов вечера на корабле собрались все приглашенные чины, имевшие касательство к «Пересвету». Адмирал Нава просил извинения за то, что он опоздает на обед, так как должен присутствовать на каком-то празднике, где будут состязания военных чинов в беге на дистанцию около двух километров и просил, не ожидая его, приступить к обеду,

что и было сделано. Не стану распространяться о гостеприимстве наших моряков; скажу лишь, что все было сделано, как следует, без расчета на экономию. Достаточно давнее знакомство с присутствующими создало уютную обстановку искренней симпатии и доброжелательства между хозяевами и гостями и дало то непринужденное веселье, которое создается в подобных случаях. В середине обеда прибыл и адмирал Нава. Несмотря на жаркую погоду и парадную форму, присутствующие просили адмирала соблюсти обычай и догнать нас в явствиях и питиях. Мне от души было жалко этого веселого старика, ибо он сказал, что просит к себе снисхождения, так как очень устал от состязаний и на мой вопрос ответил, что лично принял участие в беге и пробежал положенную дистанцию, но, конечно, прибежал последним и очень устал; это было встречено громкими аплодисментами и смехом присутствующих, но не избавило его от положенного питья «чарочек», что к концу обеда привело всех наших гостей в повышенное настроение, а адмирал, с шутилой досадой, заявил, что, несмотря на все его старания на всех его банкетах, ему так и не удалось ни разу нарушить стойкость русских моряков и пожелал нам быть такими-же упорными и при боевой обстановке.

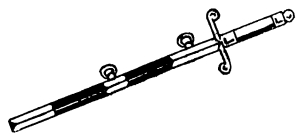
На следующий после обеда день, приемки были закончены, я сделал прощальные визиты по начальству, причем испросил разрешения адмирала при выходе в залив, где буду пробовать машины, испытывать свою артиллерию боевыми выстрелами и решил, что, если все будет благополучно, не возвращаться уже более в порт, а следовать по назначению.

Полученный легкий перекося носовой башни не давал нам уверенности в ее исправности при стрельбе, почему я и сделал свой выход условным. Японские инженеры ручались за то, что «Пересвет» разовьет до 17-ти узлов ходу, а адмирал Камимура, который командовал «Пересветом» под японским флагом, в бытность его в учебно-артиллерийском отряде, с восторгом отзывался о прекрасных качествах наших башенных 10'' орудиях и высказал уверенность, что все обойдется благополучно.

С подъемом флага, мы снялись с якоря и вышли в море, распрощавшись с берегами сказочной Японии.

К. Иванов-Тринадцатый.

(Продолжение следует).

Маленькое воспоминание о генерале С. Л. Маркове

Оно относится к тому времени, когда молодой капитан генерального штаба С. Л. Марков в 1908 году был назначен преподавателем военной географии во Владимирском военном училище в Петербурге, курс которого я окончил в 1909 году.

Накануне его к нам прибытия, преподаватель военной истории и тактики полковник Иностранцев нас, юнкеров, предупредил: “На днях к вам придет новый преподаватель военной географии капитан Марков. Бойтесь его, он очень строгий и требовательный”.

Нас это очень заинтересовало и мы стали задавать Иностранцеву разные вопросы. Среди этой маленькой беседы, он нам рассказал одну довольно замечательную историю.

Штабс-капитан Марков, после блестящего окончания военной академии, получил секретную и очень опасную командировку в Германию с задачей снять фотографии с усовершенствованных фортов крепости Торн.

Почти в конце своей работы, Марков заметил за собою слежку и, не теряя присутствия духа и находчивости, он использовал единственное средство спасения-выгребную солдатскую яму того форта, на котором себя почувствовал в опасности. Как он в нее залез, как он высидел в ней довольно значительное время до наступления ночи, не потеряв сознания, и не задохнулся? Можно только удивляться характеру и силе воли этого человека. Его исчезновение настолько удивило немцев, что они в конце концов решили искать его в другом месте. Никому из них и в голову не могло прийти, что шпион мог укрыться в выгребной яме.

Когда Марков убедился, что поиски прекратились или пошли по другому направлению, он ночью вылез из ямы и благополучно, сохранив свои ценные работы, возвратился в Россию. За эту работу получил он какую-то внеочередную награду, был произведен в капитаны и назначен преподавателем в наше училище.

Преподавателем капитан Марков оказался, действительно, строгим и требовательным, географические карты он признавал только немые, его репетиции

предшествовались для юнкеров “паническим страхом”. Первая репетиция дала общий средний бал 5 с половиной при 12-ти бальной системе, это произвело на всех юнкеров такое впечатление, что в часы его репетиций приходили юнкера из других рот и классов, чтобы видеть и понять его требования. Насколько он был строгий, показывает случай со мной. Я сдал свою первую репетицию очень неплохо и он уже было сказал мне “садитесь”, но потом вдруг остановил меня и говорит: “Впрочем, покажите мне на карте город Арис”. Я показал. На второй вопрос, что этот город представляет из себя в военном отношении, я ответил, подумавши, что в этом отношении он никаких препятствий не представляет.

“Ну вот, юнкер, хотел поставить вам 11, а теперь получайте 9. В следующий раз может быть и хуже. Вы были невнимательны на моей лекции, когда я говорил об этом районе. Арис с юго-востока имеет заблаговременно поставленные образцовые провололочные заграждения.”

Помимо своей строгости, он был и суховат: никогда он с юнкерами не шутил, всегда официален, корректный и спокойный. Юнкера к нему относились с уважением, но недолюбливали, зато военную географию знали.

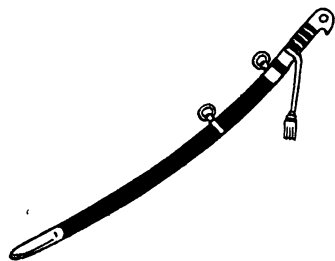
Надо-же было произойти такому совпадению: в 1914 году нашему 16-му Финляндскому стрелковому полку в октябре месяце пришлось брать этот город Арис. Я сказал своему командиру полка: “Насколько я помню из географии, здесь должны быть сильные провололочные заграждения”. Командир полка, тоже генштабист, ответил: “Совершенно верно, память у вас не плохая, только этот город уже несколько раз был в наших руках, но все же мы это проверим”.

Ночью разведчики выяснили, что заграждения существуют, только деревянные его колья настолько прогнили, что ломались довольно легко и тотчас-же эти заграждения были сорваны, свернуты в кучи и утром полк, почти без сопротивления, занял город.

Счастливым городок, три раза русские его занимали и он ни разу не был поврежден.

Я. Демьяненко

СВЕТ И ТЕНИ

покорения

Западного Кавказа

100 лет тому назад борьба с горцами Кавказа, начатая битвой в 1800 году (когда русские войска стали поперек дороги идущего на Грузию многовекового врага и в сражении на реке Иоре разбили полчища (Омар-Хана-Аварского) — все еще продолжалась.

После сдачи вождя горцев, имама Чечни и Дагестана, Шамиля (25 августа 1859 г.), военные действия были перенесены на Западный Кавказ, где черкесские племена, и особенно Шапеуги, получая помощь от Турции и Англии, имея обезпеченный тыл (Черное море), упорно защищали свои насиженные гнезда. Фанатизм Шапеугов, их стремительные и страстные атаки встречали со стороны Главнокомандующего войсками, действовавшими против них, графа Евдокимова — непреклонную волю и строго разработанный план постепенного проникновения войск в неприступные трупцы мрачных ущелий и покрытых вечными снегами негостеприимных горных вершин.

Граф Евдокимов не принадлежал к числу тех мягкосердечных начальников, которые проигрывают сражения, не решаясь требовать от своих войск громадных жертв. Сын простого армейского солдата, Евдокимов поступил 17-лет юнкером в знаменитый Тенгинский полк и прошел на Кавказе суровую школу войны. За взятие укрепленной резиденции Шамиля Веденя, он получил орден Св. Георгия 3-й степени и был возведен в графское достоинство.

Журналы времен покорения Западного Кавказа представляли такую поразительную цепь кровавых происшествий, что на одном из них Государь (Александр II) наложил резолюцию: “Вижу по всему, что горцы пока не унывают”. В то время Абадзехи (черкесское племя), потеряв надежду остановить наступательное движение русских, перенесли войну на наши сообщения. Это был возврат к тем удачам, полным отваги, набегам, которыми отличались их предки, и наши потери даже превышали цифры потерь при экспедициях. Разбросанные по всей русской оборонительной линии, наши малые команды не могли держаться и зачастую гибли до последнего человека. Такое положение дел смущало многих, даже на Кавказе, но не смущало графа Евдокимова, которого гуманные соображения не могли сбить с занятой позиции. “Еще несколько сот человек погибнет — и конец жертвам...” говорил он.

Тяжела и смутна была жизнь в то время на линии.

На постах и “бекетах” кордонной линии требовалась неустанная бдительность, так как при малейшей оплошности они первыми становились жертвами нападений хищников. Поэтому малейшие признаки: пыль, поднятая ветром, шум прибрежного камыша, шелест кустов, тревожный крик птицы — все обращало на себя внимание человека и заставляло его настораживать слух и зрение. Вот картина водопоя на реке Белой. Для охраны водопоя вызывались вперед наездники и разставлялись цепью в воде у противоположного берега. Под их прикрытием входили в воду эскадроны по очереди, с таким расчетом, чтобы один поил лошадей, а другой стоял на берегу в полной боевой готовности. Цепь наездников зачастую вела при этом жаркую перестрелку.

Получив от Наместника на Кавказе князя Барятинского руководство покорением Кавказа, Евдокимов заявлял: “Первая филантропия — своим. Я считаю себя в праве предоставлять горцам лишь то, что останется на их долю после удовлетворения последних русских интересов.” К подчиненным ему войскам он предъявлял суровые требования, переходящие иногда за пределы справедливости. Нижегородский драгунский полк поразил приказ Евдокимова, в котором он резко выразился, что “Результат Ачхойского боя мог быть более полным, если бы у драгун было более исправное оружие”. Замечание это он основал на показаниях лазутчиков, которые сами видели более 200 горцев, вернувшихся из Ачхойского дела с шашечными ранами. Евдокимов поставил это в вину (!) дивизиону, полагая, что “эти люди могли-бы быть не только ранены, но и изрублены на смерть”. И он угрожал даже прислать особого офицера для проверки в полку оружия. А между тем число раненых горцев вдвое превышало число участвовавших в бою драгун — не говоря уже о том, что против дивизиона Нижегородцев были тысячные массы горцев под начальством самого Шамиля и драгуны дрались один против двадцати. Оправданием Евдокимову может служить тот факт, что, будучи капитаном и Нойсабулинским приставом, в 1842 году, во время возникших между горцами волнений был ранен в сел. Унцукуль в спину кинжалом. Обернувшись и сильным ударом разрубил горца почти на двое. Горцы потом долгое время удивлялись этому удару.

Закаленным в бою войскам приходилось бороться не только с противником, идущим в бой с полным

презрением к смерти, не только с суровой природой, но также и с лихорадкой, которая свирепствовала в долинах и ущельях этого края. "Дивизион" князя Амилахвари на р. Белой не был настоящим дивизионом: в двух эскадронах едва набиралось 40 человек, способных сесть на коня. Этим 40 человекам приходилось кормить, поить и чистить 200 лошадей.

Но сознание долга и сила духа в дивизионе были таковы, что и в беспомощном состоянии он выполнял боевые задачи.

Летом 1860 года дивизион Нижегородцев охранял кордонный участок Белореченской линии в районе Майкопы. Это был участок, против которого были сосредоточены большие силы абадзехов. 14 июля 1860 года, в самый полдень, вдруг послышались глухие и частые удары пушечных выстрелов — и это в то время, когда больные лежали в страшном пароксизме. Поспешив со здоровыми драгунами на выстрелы, командир дивизиона кн. Амилахвари приказал поручику кн. Щербатову, тоже лежащему в лихорадке, в случае, если стрельба будет продолжаться, посадить всех больных и идти с ними на выстрелы. Стрельба не прекращалась и кн. Щербатов, посадив больных на коней, поспешил на выручку ушедших. Во время скачки, на каждых 50-100 шагах кто-нибудь валился с седла, а те кто слезали помочь ему, потом не имели сил сами взобраться на коней.

А через четыре дня, на той-же реке Белой, жара была такая, что кони и наших, и горцев, измученные уже скачкой, не могли двигаться. Горцы не могли уйти от преследования — наши не могли их настигнуть и броситься в шашки.

Евдокимов проводил на Кавказе политику Ермолова, который, явившись на Кавказ в 1816 году и ознакомившись с положением дел, заявил, что "Кавказ — это громадная крепость с миллионным гарнизоном. Взять ее штурмом нельзя — будем вести осаду". После его ухода от этой тактики отошли. Войска посылались в труднейшие, дорого стоявшие экспедиции, покрывали себя славой, несли громадные потери и возвращались зачастую на исходные позиции, а горцы возвращались в свои аулы. И после 20-ти летней борьбы Шамиль не был побежден. В 1843 году он был даже в зените своей славы.

До самого прибытия на Кавказ (1845 г.) нового Главнокомандующего кн. М. С. Воронцова, его предшественники делали попытки брать кавказскую твердыню "в лоб" и только даром губили прекрасные русские войска. И даже Воронцов вначале последовал этой тактике, совершив труднейшую экспедицию в знаменитый Ичкерийский лес и далее в аул Дарго. Обошлась эта "дарчинская" экспедиция русским войскам очень дорого: они лишились 4-х генералов, 186-ти офицеров и 4.000 нижних чинов!

Назначенный в 1856 году Главнокомандующим Кавказской армией кн. Барятинский выработал план покорения Кавказа и выполнял его с пунктуальной точностью. Наступательное движение на Западный

Кавказ возобновилось. Войска разрушали аулы, уничтожали запасы горцев, а жителей выселяли в тыл на равнину в места, отведенные им для постоянного жительства. Большинство горцев не желало покидать свои насиженные гнезда и упорно, пядь за пядью, защищало свою родную землю. Нельзя без содрогания читать описания разрушений аулов, предания огню имущества жителей, вытаптывания урожаев и ухода жителей в горы, где их ожидали холод и голод.

Но надо иметь в виду, что кавказские войска лучше чем кто либо знали, что горцы являлись оружием в руках врагов России турок и англичан. Планы ослабления России у англичан и турок были широкие. На Кавказе не забыли, как в 1778 году 50-ти тысячная турецкая армия Батал-Паши, в изобилии снабженная всеми боевыми средствами, опирающаяся на сильнейшие крепости на кавказском побережье Черного моря (Сунджук и Анапа), рассчитывавшая на поддержку горцев Кавказа (черкесов, кабардинцев, ногайцев), двигалась на Северном Кавказе в сторону Астрахани. Батал-Паша надеялся соединиться там с магометанским населением устья Волги и на помощь постоянного врага России Ага-Магомет-Хана персидского. Если-бы этот маневр удался, то Кавказ был-бы отрезан от России, а единоверная с нами Грузия опять подпала бы под иго персов и турок — своих постоянных врагов. Эта удача приблизила бы и облегчила высадку в Крыму союзников и вообще отодвинула бы юг России до границ до-петровских. Почему же эта операция не удалась? Не удалась она благодаря героизму кавказских войск (тех самых полков, которые в описываемое время вели бои на Западном Кавказе). Историк И. Лавров, описывая результат этого нашествия, оставляет сухой, официальный язык и говорит: "Произошло чудо в решетке..." Чудом он назвал тот факт, что 50-ти тысячную армию остановил, разбил и обратил в бегство русский отряд силою в 3.000 человек!

В экспедициях под начальством Евдокимова служили еще те самые офицеры и солдаты, которые в 1853 и 1854 г.г. участвовали в отражении и обращении в бегство армий турок, которые двигались на Тифлис и численность которых в три раза превышала наши силы. Если бы этой победы не было, то Тифлис и Баку (с ее нефтью) были бы в руках союзников и во время Крымской войны союзники опирались-бы не только на горцев Кавказа, но и всего Закавказья.

Не надо забывать, что Севастополь был возвращен России взамен "неприступного Карса", взятого русскими войсками. Всякий раз, когда Россия ослабевала, на Кавказе появлялись турки. После революции 1917 года появились не только турки, но и англичане (в Батуме, Тифлисе, Баку, Петровске и даже в горах Дагестана). После Ермолова бывали главнокомандующие, которые пытались задабривать подарками вождей горцев, но эту политику горцы разсматривали, как признак слабости, и усиливали свои атаки.

Художник Т. Горшельд, проделавший с Шанеугским

отрядом Нижегородского драгунского полка всю кампанию 1860 года, оставил записки с описанием набегов, в которых он участвовал. Немец по происхождению, он всей своей художественной деятельностью принадлежал России — русским интересам. С большой симпатией он, как никто другой, воспроизводил тип кавказского солдата, казака, горца, запечатлевал карандашом или кистью многие эпизоды героической борьбы на Кавказе. Рисунки его пользовались общей, заслуженной известностью в целой Европе. В истории Нижегородского полка приводятся его воспоминания:

“Набег 6-7 августа 1860 г. Войска двигались беззвучно, как привидения. И все-таки это движение было обнаружено. На окрестных пригорках запылали сигнальные огни. Просвистали пули. Кавалерия ринулась на большой аул (более 1.000 дворов), расположенный в ущельи. Это был знаменитый аул Сухунокоян. Дальше начинались леса — туда и бежали жители, разбуженные зловещими сигналами. Имущество они спасти не могли и подоспевшая пехота зажгла аул со всех сторон. Пока разбушевавшееся море огня истребляло последние остатки горцев, кавалерия пронеслась вперед и захватила скот, притаившийся за соседней горой. В эту минуту появилась большая масса шапсугов и 3-ий эскадрон, рассыпав наездников, завязал перестрелку. Только когда скот был отправлен назад, кн. Амилахвари (командир дивизиона) послал поручика Махатадзе и приказал 3-му эскадрону отступать. Махатадзе скакал через лужайку, поросшую густым кустарником. Здесь, на глазах всего отряда, произошел оригинальный случай — в кавказском духе. Из кустов выскочили два шапсуга и напали на Махатадзе. Один кинулся на него с обнаженной пашкой, другой выстрелил почти в упор из ружья. Махатадзе моментально зарубил обоих и поскакал дальше исполнять приказание. На обратном пути он увидел маленькую девочку, сидевшую возле одного из убитых, и, схватив ее на седло, привез к отряду. “Издали” — рассказывает Горшельд — “я принял этого ребенка за обезьяну, так худа и грязна была она”. Сначала она плакала, однако громадный, усатый драгун, которому ее поручили, скоро утешил ее, точно он всю свою жизнь был нянькой. Эта прелестная Афизе (дочь полка) оставила потом глубокий след в истории Нижегородского полка (но об этом в другой раз).

2-ой набег был сделан 17 августа, но на этот раз драгуны сожгли только несколько пустых аулов и, истребив небольшую партию шапсугов, привез с собой 4 неприятельских тела, из которых одно было обезглавлено — это был опять богатырский удар Махатадзе. Через четыре дня большой набег. В рукопашной схватке ранены пор. кн. Эристов и Махатадзе. Последний срубил налетевшего на него шапсуга, но и сам был ранен пистолетным выстрелом. Еще через несколько дней он участвовал в новом деле. Отбито было 1.000 голов скота, сожжено 17 аулов. В одном из аулов было захвачено много арб, нагру-

женных невымолоченным хлебом. В следующем набеге опять отбито большое стадо, которое было между двумя аулами. Пока драгуны возились около стада, казаки ворвались в аул и все, что не успело бежать, пало под их ударами или было захвачено в плен. Посреди этой суматохи были убиты и женщины, и дети. Кн. Амилахвари, предвидя возможность подобных сцен, послал Махатадзе остановить кровопролитие и вывести казаков из аулов. Махатадзе пустился напрямик и наткнулся в лесу на 18 черкесских девушек, оценевших от ужаса при виде русского всадника. Махатадзе, говоривший по черкески, успокаивал их насколько мог и приказал трубачу проводить их к отряду. На пути им встретились казаки, возвращавшиеся из аулов уже разграбленных и превращенных ими в груды угля и мусора.

Много посторонний зритель мог-бы наблюдать здесь тяжелых, трогательных и полных драматизма сцен, которые способны были оставить впечатление на целую жизнь. “Я видел” — рассказывает Горшельд, — “как один казак, с рыжей бородой во всю грудь, вез на седле раненую, почти совсем обнаженную женщину. Другой держал на руках ее шестинедельного младенца, к которому она то и дело протягивала руки. Казак подавал ей ребенка на несколько минут, так как она наверно уронила бы его. Тут же, на седле перед другим казаком, сидел простреленный в грудь мальчик, курчавый и необыкновенно красивый. Меховая шапочка и короткая канаусовая рубашка, насквозь пропитанная кровью, составляли всю его одежду. Он был в агонии и скоро скончался на руках казака, который тихо спустил его на траву. Все, которые проезжали мимо, останавливались и крестились. Далеко растянулись казачьи сотни, возвращавшиеся домой с богатой добычей. Драгуны прикрывали отступление”. Горшельд говорит еще о многих экспедициях, цель которых была “истребить все остальные аулы”, о захвате 1.000 голов скота, об “истреблении, вместе с пехотой, полей, покрытых роскошным клевером”...

Историк Нижегородского драгунского полка генерал В. А. Потто (написавший капитальный труд “История покорения Кавказа”, биографии видных кавказских генералов — кн. Амилахвари, Лазарева и др.) замечателен не только талантливым изображением картин войны, но и тем, что яркими красками рисует быт кавказских войск, быт горцев и бедствия, которые горцы испытывали при покорении их русскими войсками. Зная, что написанная им история Нижегородского драгунского полка будет в руках у шефа полка Государя Николая II-го, он назвал горцев “настоящими хозяевами страны”, как мы увидим ниже.

В сентябре 1861 г. Государь Александр II посетил расположение русских войск на р. Фарс. В этом лагере Государь принимал делегацию горцев, которые обратились к нему с речью, в которой говорилось, что они счастливы приветствовать русского монарха

на землях, которые столько веков принадлежали их предкам, но покорность они изъявляют только условную. Они соглашались на возведение на своих землях укреплений, но не хотят постройки станиц.

Этой делегации Государь заявил, что дает месячный срок, в течение которого они должны решить — желают ли переселиться на места, указанные им на Кубани, где они получают землю в вечное владение, сохраняют свое народное устройство и суд — или же пусть переселятся в Турцию. После этого заявления сцены, полные трагизма, происходили в среде горцев по ту сторону реки Фарса. В то время, как в русском лагере шло ликование, по случаю присутствия Государя, часть горцев приходила к убеждению, что надо покориться решению, другая часть бралась за оружие и клялась не вкладывать его в ножны.

“Государь в лагере на р. Фарс долго любовался на снеговой хребет Кавказа, на его лесистые предгорья и на русский лагерь широко раскинувшийся до самого Маврюк-чая, урочища замечательного своей священной рощью. В этой роще жил вождь горцев Магомет-Амиш и под се столетними дубами и чинарами любил собирать абадзехов для вершения своих народных дел. Теперь на этих самых местах стояли русские войска. Абадзехи же, настоящие хозяева страны, шапеуги, убыхи и представители других племен, теснились по ту сторону Фарса”.

“В начале 1861 года, под личным начальством Евдокимова, войска совершили большой набег на долину Шабаша, чтобы выгнать из нее все шапеугские селения, которые вернулись на плоскость, загнанные суровой зимой опять в развалины своих аулов.

Этот набег был для них равносильен смертному приговору, потому что в горах, куда могли бежать несчастные семьи, стояли сильные морозы и бушевали вьюги, грозившие смертью на каждом шагу... Но характер войны, обрекавший на гибель целые племена, исключал гуманные чувства. Евдокимов даже считал нужным заблаговременно поставить во все эти соображения молодого принца Вильгельма Баденского (брата Вел. Княгини Ольги Феодоровны — жениха дочери Вел. Княгини Марии Николаевны), который участвовал в этой экспедиции. Войска уже не застали жителей, а только жгли пустые аулы с покиннутым в них скудным имуществом.

Но не всегда войска уничтожали скудное имущество: долина реки Хабль была полна запасов пшеницы, проса, кукурузы. Аулы были окружены фруктовыми садами, а в покинутых саклях замечались следы богатства и даже роскоши. Кроме огромных запасов хлеба, которые жители не успели вывезти, в соседних рощах хранились целые склады воска, меда, меди и тысячи ульев, свидетельствовавшие, что пчеловодство было одним из любимейших промыслов края. Все это огромное пространство тоже было предано огню и мечу...

Возникает вопрос: сохранил ли русский солдат те мягкие, симпатичные черты, которые всегда были при-

сущи характеру простого русского человека? Не утратил ли он их, будучи надолго (при тогдашних сроках службы) оторван от мирной деревенской жизни, выполняющий суровые требования покорения горцев, испытывающий естественное ожесточение в боях, видящий гибель своих товарищей?...

На этот волнующий вопрос дает ответ историк Потто, описывая привязанность и любовь солдат к животным. Сколько Жучек, Капитанок и других симпатичных песиков бывали неперенными членами рот, эскадронов, батарей!...

У Нижегородцев была собака “Мурзик”. Она принадлежала, собственно, 3-му эскадрону, но была любимицей всего полка. Пристала она щенком, выросла и никогда не отставала от эскадрона. Ходила она с эскадром и на штурм Карса 17-го сентября 1855 года. Этот штурм был для наших войск неудачным. Под губительным огнем турок, солдаты Белевского и Виленского полков валились не по одиночке, а кучками — друг на друга. Когда за чертой обстрела собрались остатки Виленского, Белевского и Тульского полков, то командир Нижегородцев кн. Дундуков-Корсаков, как старший, принял над ними начальство. “Господин штабс-капитан, поставьте вашу роту в порядок!” — обратился он к одному офицеру, окруженному кучкой солдат. — “Это не рота, а Виленский полк.” — ответил офицер, указывая на знамена.

В то время, когда буквально таяли остатки этих полков, чтобы помочь пехоте, были вызваны охотники (по 8 человек от эскадрона). Охотников оказалось больше, чем требовалось. Просились в охотники и два штрафных драгуна: “Дозвольте иттить, желаем кровью загладить наши преступления”. С этими охотниками пошел и Мурзик. Напрасно охотники бросались в интервалы между укреплениями, они были встречены перекрестным огнем двух флеш. Пытаясь все таки прорваться вперед, они были обстреляны убийственным огнем, залпами батальона арабистанцев. Потеряв убитыми офицера (князя Грузинского), 10 драгун, ранеными офицера и 11 драгун, охотники отступили последними и вынесли знамя Виленцев, которое лежало на груде тел... И все-таки, среди этой суматохи, драгуны не забыли подхватить на седло жестоко израненного Мурзика. В лагере его вылечили. Раны эти не произвели на него никакого впечатления и он продолжал ходить в сражения. Был он и в знаменитом Ачхойском сражении, когда белые кителя атакующих Нижегородцев утонули в море полчищ горцев Шамиля.

“Сам погибай, а товарища выручай...”, гласит Суворовское “Поучение воину перед боем”. Оно отражает присущую русскому человеку готовность спасать погибающего. Описания боев любого полка полны примеров выручки солдатами своих офицеров и товарищей ценой потери жизни. Забота об офицерах в бою принимала иногда на Кавказе настолько своеобразный характер, что уместно будет отметить случаи,

описанный в истории Нижегородского драгунского полка.

“Во время перестрелки на реке Белой, случился эпизод, свидетельствующий о тех своеобразных отношениях между солдатами и офицерами, которые могли сложиться только в особых условиях войны и притом только в такой чудной армии, какою была наша кавказская. Для объяснения этого эпизода нужно сказать предварительно, что все убитые и раненные на правом фланге (отряда, действующего против шапсугов) офицеры, по какой-то странной случайности, принадлежали к 3-му эскадрону. Там были убиты — князь Вахвахов, кп. Амилахвари, а потом и кн. Щербатов, и ранен Гизети и два князя Эристовы. Это и дало повод 4-му эскадрону слегка подтрунивать над 3-м, который будто-бы *не умел беречь* своих офицеров. Когда после шашечного дела в лесу началась перестрелка на Белой и драгуны залегли в прибрежных кустах, то кн. Щербатов, обходя цепь, наткнулся на взводного вахмистра 3-го эскадрона Свиридова, уже седого шеврониста, образцового солдата но всегда угрюмого и ворчливого, который, несмотря на повторенный приказ, продолжал стоять. “Свиридов!” крикнул кн. Щербатов, — “что ты не слышишь разве приказа, — ложись!?” “А сам-то почему не ложитесь?” — буркнул Свиридов. “Молчи, не смей говорить, ложись!” Свиридов продолжал стоять и, насупив серые брови, что-то ворчал себе под нос. Выведенный из терпения кн. Щербатов взял его за плечи: “ложись!” Но крепыш Свиридов в один момент сгреб офицера под себя, положил его на землю и преспокойно уселся на него верхом. “Желаете, ваше сиятельство, чтобы и вас подстрелили в цепи? Не бывать опять такому сраму! и без того 4-ый эскадрон не дает нам проходу. Как хотите, а я вас не выпущу до конца перестрелки — за нами наблюдать

вы можете и лежа, дело свое сделаем.” — “Свиридов, пусти меня, а то я положу тебя сейчас на месте из револьвера”. — “Стреляйте, если у вас рука подымится на старого солдата”. — “Я представлю тебя рапортом”. — “Как хотите, это уже ваше дело.” Щербатов осматривается по сторонам и видит только ласковые и самодовольно улыбающиеся рожи лежащих кругом драгун 3-го эскадрона, как видно апробирующих (во то время французский язык был в моде. Офицеры например говорили: “я не мог ему секуривовать”, авт.) самодурство вахмистра. Стрелковая цепь действовала между тем, как по нотам, отгоняя неприятеля от Белой и перестрелка прекратилась. Только тогда выпущен был из под пресса и кн. Щербатов, который тотчас же рассказал о случившемся князю Амилахвари, конечно, не в виде жалобы. “Ну, это совсем по-Свиридовски”, заметил, улыбнувшись, кн. Амилахвари, и потом, проходя с кн. Щербатовым мимо Свиридова, внушительно, но мягко, не повышая голоса, сказал ему: “А ты, старый чорт, совсем из ума выживаешь”. Свиридов вытянулся в струнку и, насупив по своему обыкновению брови, испустил какое-то невнятное рычание. Амилахвари только махнул рукой и вместе с Щербатовым расхотелся.

Всему бывает конец: в диких ущельях рек Мцмта и Псху прозвучали последние выстрелы на Кавказе (в мае 1864 г.), о чем гласила телеграмма Наместника Великого Князя Михаила Николаевича на имя Государя Императора, в которой говорилось: “Отныне на всем Кавказе нет ни одного человека не покоренного Вашему Императорскому Величеству...”

Г. Тамуртов (Жук)

Пожалованный, но никогда не полученный штандарт

В библиотеке св. кн. Д. В. Голицына, в его имении Вяземы Звенигородского уезда, Московской губернии, хранились различные документы, относящиеся к эпохе Отечественной войны, когда кн. Голицын командовал кирасирским корпусом, в который входили две дивизии: 1-ая, ген. Депрерадовича: полки Кавалергардский, Лейб-Гвардии Конный, Лейб-Кирасирские Ею и Ее Величеств и Астраханский, и 2-ая, ген. Дуки: полки Глуховский, Орденский, Малороссийский, Екатеринославский и Новгородский.

В числе этих документов имелся “Журнал по распоряжению генерал-лейтенанта и кавалера князя Голицына исходящих бумаг”.

Среди разных бумаг этого журнала находился рапорт кн. Голицына Цесаревичу Константину Павловичу следующего содержания:

“Имея счастье под главным начальством Вашего Императорского Высочества командовать корпусом кирасир, неперменным долгом моим считаю поставить в виду Вашего Императорского Высочества подвиги им совершенные.

“В продолжении кампании кровавые и жестокие битвы, увенчанные победами, сопровождаемые славой и истреблением врага, все без изъятия, ознаменованы отличною храбростию и знаменитыми подвигами кирасирского корпуса.

“Ни буйственным стремлением, ни превосходством сил, ниже самую артиллерию, никогда он побежден и разбит не был, но по справедливости слу-

жил твердым оплотом, надеждою и новым поощрением к бою, тесным и отступающим рядам нашим.

“Предводившие кирасирскими полками, господа генералы, штаб и обер-офицеры гордятся подвигами их и Монаршими наградами им Всемиловейше за то пожалованными, но сами полки не получили никакого отличия.

“Полки КАВАЛЕРГАРДСКИЙ и ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННЫЙ, в самом жару сражения и буйства нападающего неприятеля, хвалясь могут спасением линий наших от поражения при Бородине 26-го августа. Под сильными картечными выстрелами, неоднократно вновь устроившись, возобновляли они атаку, удерживая собою стремление неприятеля и истребили его.

“Полки ЛЕЙБ-КИРАСИРСКИЙ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ЕКАТЕРИНОСЛАВСКИЙ, ГЛУХОВСКОЙ и МАЛОРОССИЙСКИЙ — отнятием в бою пушек неприятельских 24-го и 26-го того же августа и поражением оного.

“Прочие полки — сильным к тому содействием и повсеместным истреблением конных и пеших колонн неприятельских.

“Каждая кирасирская атака поправляла дело! Храбрость кирасир увенчана была поражением неприятеля! Описание происходивших действий и неоднократная благодарность Главнокомандующего о том свидетельствуют!

“В вознаграждение отличных подвигов, твердости и храбрости их, чрез сильное предстательство Вашего Императорского Высочества испрашиваю и ожидать осмеливаюсь отличной награды от Его Императорского Величества полкам: КАВАЛЕРГАРДСКОМУ, ЛЕЙБ-ГВАРДИИ КОННОМУ, ЛЕЙБ-КИРАСИРСКОМУ ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОМУ и МАЛОРОССИЙСКОМУ — ЭТАНДАРТЫ СЯТОГО ГЕОРГИЯ.

“Полкам: ОРДЕНСКОМУ, ЛЕЙБ-КИРАСИРСКОМУ ЕЕ ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, НОВГОРОДСКОМУ и АСТРАХАНСКОМУ — ГЕОРГИЕВСКИЕ ТРУБЫ, удостоверяя, что отличная награда сия послужит им поощрением впредь к таковым же отличным подвигам — при первом случае заслужат они то своею кровию”.

“Месяц декабрь 1812 года 25 числа № 394”.

Все испрашиваемые князем Голицыным награды были утверждены Императором Александром. Георгиевские штандарты были пожалованы согласно существовавшим образцам и полковым штандартам.

Подобно прочим полкам, Кавалергардам было пожаловано шесть Георгиевских штандартов. Один белый, полковой, для шефского эскадрона и пять зеленых для прочих пяти эскадронов.

В рукописной книге “Магазин Образцов Комитета Главного Интендантского Управления. Интендантский музей. Отдел рисунков и чертежей № 1406” на листе 86 помещено изображение и описание пожалованного полку штандарта.

“Штандарт Георгиевский. Надпись на полотнище в один ряд “За отличие при поражении и изгнании

неприятеля из пределов России. 1812 года” и далее под рисунком штандарта имеется приписка (сохранено правописание подлинника) “Лейб-Гвардии Кавалергардскому полку один штандарт белый, пять зеленых. Сделаны и отправлены 1814 года марта 27 дня”.

Несмотря на отметку в книге, что штандарты отправлены, Кавалергарды их никогда не получили, равно, как не получили их и полки Лейб-Гвардии Конный и Лейб-Кирасирский Его Величества. Почему?

Дело в том, что Гвардейским кирасирским полком, а таковыми в 1814 году явились только эти три полка, образец штандартов был изменен.

Для двух полков Старой Гвардии — Кавалергарды и Конногвардейцы — вместо прибывших к древку полотнищ, был введен образец хоругвей и полотнище, прибитое к поперечной перекладине, было подвешено к древку на металлических цепях. Одновременно было изменено и число штандартов в полках. Вместо шести — по одному на эскадрон, оставлено только три — по одному на дивизион. Лейб-Кирасирскому Его Величества полку — Молодая Гвардия — был дан также измененный образец штандарта — прибывной, желтый с синими углами. Эти три новых штандарта — желтое полотнище с серебряным орлом посередине, серебряными вензелями Государя по углам, с серебряными же надписью и бахромой — были освящены и переданы полку только в 1817 году.

Кроме вышеупомянутых штандартов, Кавалергарды, за все время своего существования, имели следующие штандарты. Пожалованные Императором Павлом I: один штандарт подвесной, пожалованный Кавалергардскому Корпусу в 1799 г., три штандарта прибывных, пожалованных Кавалергардскому Корпусу в том же 1799 году, три штандарта подвесных, пожалованных Кавалергардскому полку в 1880 году.

В июле 1851 года Император Николай I пожаловал полку четыре новых Георгиевских штандарта, взамен старых, приурочив прибывку их к 25-летию юбилею Шефства Императрицы Александры Феодоровны. Три штандарта предназначались трем действующим дивизионам, четвертый запасному или резервному. Штандарты были образца 1817 года, слегка измененные.

В 1860 году, в царствование Императора Александра II в полках был оставлен только один штандарт, полковой, а в 1867 году изменено наверху в гвардейских кирасирских полках: прежний орел, державший в когтях правой ноги так называемые “перуны”, а в левой лавровый венок, был заменен новым орлом без перунов и венка, с укороченной шеей и увеличенными крыльями. К одной металлической цепи, державшей полотнище, добавлена вторая.

Наконец последний Георгиевский штандарт был пожалован Императором Николаем II, 11-го января 1899 года по случаю 100-летнего юбилея Кавалергардов, как строевого полка. Штандарт сохранил в общих чертах старый образец. Была изменена расцветка полотнища. Вместо желтого, гвардейского, дан пол-

ковой малиновый Мальтийский цвет и вместо государственного орла на полотнище помещено изображение иконы св. и пр. Захария и Елисаветы.

Этот штандарт является единственным штандартом Гвардейской конницы, сохранившим изображение полковой иконы. С 1900 года все знамена и штандарты имели образ Нерукотворного Спаса.

Кроме последнего штандарта, находившегося в строю полка, все прочие, старые штандарты хранились в полковой церкви в С.-Петербурге на Захарьевской улице. На первом клиросе стояли 7 штандартов, пожалованные Императором Павлом.

От трех, пожалованных в 1800 году и проделавших с полком все походы 1805, 1812, 1813, 1814 годов, остались только древки и орлы.

На левом клиросе стояли 7 штандартов, пожалованные Императором Александром I и Николаем I. От Александровских штандартов, участников походов: Польского в 1831 году и Венгерского 1849 г. (полк дошел только до Вилькомира), сохранились лишь древки, орлы и лоскутки полотнищ.

Говоря о штандартах вообще, нельзя не упомянуть о том, по меньшей мере странном, изменении, внесенном Императором Павлом I в период его увле-

чения фрейлиной Анной Лопухиной. До этого времени, на всех Российских знаменах и штандартах имелась надпись "С нами Бог".

Император Павел I изменил эту надпись. Вместо нее, все знамена и штандарты, за исключением только одних Кавалергардских, получили новую надпись: "Благодать". Анна, по-еврейски, значит благодать.

Как было воспринято это нововведение в войсках, видно хотя бы из стихов Преображенца С. Н. Марина (впоследствии начальника внутреннего Преображенского караула в Михайловском замке в трагическую ночь 11-го марта 1801 года).

В одном из своих стихотворений — пародия на оду Ломоносова "Бог", Марин пишет:

Могу ли тайну ту понять,
Что Анна греческа по-русски
Святая значит Благодать?

Могли ли руки твои дерзки
Украсить шапки гренадерски,
Знамена, флаги кораблей
Любезной имени твоей?

В. Н. Звезницев

Охотники Л.-Гв. Преображенского полка на штурме Воли

25 АВГУСТА 1831 ГОДА

Лейб-Гвардии Преображенскому полку не пришлось принять прямого участия в штурме Воли, но, чтобы, хоть отчасти смягчить горечь Гвардии, Паскевич решил каждому полку назначить 110 охотников (10 унтер-офицеров и 100 рядовых) при 4-офицерах.

На долю этих охотников выпала честь идти во главе штурмующих колонн.

Начальником охотников 1-й Гвардейской бригады был назначен полковник Л. Гв. Преображенского полка Василий Иванович Ростовцев (в 1830 г. переведен из Л. Гв. Егерского полка), а при охотниках полка находились: поручик Александр Петрович Языков (вышел в полк в 1823 г. из Пажеского Корпуса), подпоручик Федор Николаевич Хозиков (в 1827 г. из Школы Гвардейских Подпрапорщиков) и пра-

порщики: барон Александр Георгиевич Розен (переведен из 2-го Егерского полка в 1830 г.) и Алексей Егорович Челищев (в 1831 г. из Школы Гвардейских Подпрапорщиков).

Охотники шли в голове колонн генерал-майора Лидерса и были направлены на укрепление, вооруженное 4-мя орудиями. Три ряда волчьих ям и ров защищали его с фронта, горжа была замкнута прочным палисадом. Преображенцы прошли ямы, опустились в ров и под сильным огнем вырвали несколько палисадов и тем проложили себе путь на вал. Ни 12-ти футовая высота вала, ни чрезвычайная крутизна бруствера, ни мужество поляков, ничто было в силах защитить укрепление.

Батальоны штурмовой колонны во время поддерживали охотников и мигом весь гарнизон, кроме 80 человек взятых в плен, был переколот.

В 11-м часу колонны Лидерса бросились на штурм Воли, имея попрежнему во главе Преображенских охотников. После отчаянного и долгого боя, Воля была взята. Поручик Языков первый взобрался на вал, за какую честь он заплатил 11-ю ранами, от которых 7 месяцев пролежал в постели. Прапорщик барон Розен, в числе первых забравшийся на

вал, был заперто сброшен прикладами в ров. Из 119 Преображенцев 20 было убито и 86 ранено.

Невредимых осталось только 4 человека.

Полковник Ростовцев, Языков и Розен были пожалованы орденом Св. Георгия 4-й степени, кроме того барону Розену Государь повелел постоянно носить находившийся на нем обер-офицерский нагрудный "Нарвский" знак, сильно помятый прикладами.

Хозиков и Челищев были удостоены ордена Св. Владимира 4-й ст. с бантом.

Впоследствии, Языков в звании Генерал-Адъютан-

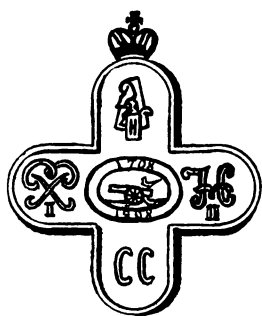
та был зачислен вновь в списки полка. Почти все нижние чины были награждены знаком Отличия Военного Ордена.

Такие исключительные потери, превышавшие 96% в победоносной части не знают примера. Не следует забывать, что обыкновенно считалось, что часть потерявшая 30% убитыми и ранеными и не потерявшая своей боеспособности должна считаться отборной, что же сказать о части, потерявшей в победном бою более 96%?

С. Андоленко

Из воспоминаний старого улана

„КУЗЬКА“

Была в Смоленском уланском полку личность, ни по своему служебному положению, ни по происхождению, собственно говоря, совершенно не замечательная, но игравшая все же известную роль во внутренней жизни полка. Личность эта была — полковой классный фельдшер Кузьмин, или попросту "Кузька", правая рука пол-

кового эскулапа и "заведующий" полковым лазаретом. Не знаю и не могу сказать определенно, знал ли ктонибудь из офицеров полка его имя и отчество, — мне кажется, что нет, ибо за всю мою службу в полку я кроме "Кузьки" другого обращения к нему не слышал.

В мирное время "Кузька" носил, предписанный ему по форме, мундир чиновничьего покроя, китель и серую офицерскую шинель с узким серебряным погоном, с одним черным просветом и одной звездочкой, положенной для чина коллежского регистратора. Фуражка была с круглой чиновничьей кокардой на околыше, превратившаяся во время войны сама собой в кокарду офицерского образца.

Благодаря своей долголетней практике его познания на поприще медицины были более чем удовлетворительны, но нуждающиеся в медицинской помощи в большинстве случаев обращались к нему, не желая якобы беспокоить полкового врача. И должен сказать, что его помощь всегда была положительна. В обращении с уланами у него составились свои особенные примеры. Он великолепно знал солдатскую душу и симулянтов у него не было. Уланы его просто таки обожали.

Параллельно своей "медицинской" деятельности в полку он был и ревностным "строевиком", принимая всегда активное участие во всех маневрах, подвиж-

ных кавалерийских сборах, боевых стрельбах и т. п. Он не ограничивался спокойным сидением на лазаретной линейке, а всегда ездил верхом и во всякое время, и во всяком месте всегда был под рукой.

Обладая покладистым характером, прекрасной души человек, всегда готовый помочь чем бы то ни было, большей балагур и забавник, "Кузька" был прекрасным товарищем и снискал себе не только любовь всех офицеров, но и известное уважение.

В мирное время, по особой традиции ему было разрешено посещать офицерское собрание и, правда, за большим офицерским столом, хотя он и сидел на самом левом фланге, но его присутствие было официально признаваемо вполне нормальным, понятно за исключением официальных собраний, касающихся общества г.г. офицеров.

Во время боевой стрельбы, когда полк уходил по эскадронно на фольварк Люлишки, "Кузька" весь период стрельбы проводил на фольварке, исполняя обязанности "старшего врача" и в заботах о продовольствии г.г. офицеров. Между прочим он прекрасно, приготавливал шашлык и всевозможные отменные закуски.

Но вот грянула война. По плану мобилизации полковой врач немедленно же выехал в предназначенный для него какой то госпиталь и "Кузька" остался один. Как он проводил план мобилизации санитарной части полка, мне не известно. 23-го июля отгремел первый бой под Вержболовом-Кибартами и в полковой лазарет привезли первых раненых, на этот раз исключительно немцев. Между ними был тяжело раненый командир батальона 33 фузилерного полка, один командир роты и около 20-30 немецких солдат.

Посланный вечером командиром полка полковником фон-Крузенштерном узнать о размещении этих раненых и о их состоянии, я, придя в лазарет, был удивлен тем, что там увидел. Стараниями "Кузьки" полковой лазарет "развернулся", можно сказать, в настоящий госпиталь, имея всего лишь двух фельдше-

ров, он организовал и устроил палаты с откуда-то добытыми кроватями, чистым бельем и одеялами, и сам в белоснежном халате, “исполняя должность старшего врача”, неутомимо появлялся то тут, то там, приказывая и распоряжаясь.

Раненые немецкие офицеры и солдаты на мой вопрос, как они себя чувствуют, просили передать свою благодарность “полковому врачу, так отечески заботящемуся и облегчающему их страдания всевозможными способами”.

Наконец прибыл в полк и вновь назначенный полковой врач, доктор Сает, из глухих дебрей Минской губернии, из городка Слонима, и “Кузька”, сияющий от радости, сообщал всякому встречному, что “ну теперь то меня уже здесь не оставят — пойду с полком”. Он между прочим боялся, что его оставят при лазарете.

Полк выступил в Восточную Пруссию и “Кузька”, будучи опять же правой рукой доктора Саета, почти что ненавидящий военной службы, находился при штабе полка, уходя однако часто в “самовольную отлучку” в эскадроны и передовую линию. Для этого он всегда находил достаточно причин, а доктор Сает был ему за это очень благодарен.

Кроме своих “медицинских способностей” “Кузька” обладал и “способностями хозяйственными” и в находившейся под его непосредственным ведением лазаретной линейке, где царил образцовый порядок, у него был неисчерпаемый запас “медикаментов для здоровых, но изнуренных улан”. В его полевой фляжке сохранялись всегда “глоток”, а в особой сумке какого-то неопределенного образца и “закусочка”, но только для “исключительных случаев”.

Во время первого прусского похода пополнение его “неприкосновенных запасов” происходило без особых трудностей. В дальнейшем же, когда мы вновь возвратились в разоренную войной часть Пруссии, один Бог знает, как и откуда он пополнял эти свои “запасы”.

Я помню январь 1915 г., — снегообильный и морозный. Полк находился в бою у кирпичного завода Спуллен. Немецкий тяжелый снаряд попал в расположение коноводов 2-го эскадрона — были убиты и много ранены. “Кузька” был тут как тут. Он и перевязывал, он и поил, и кормил раненых из своего “неисчерпаемого запаса”. Сам заядлый курильщик, он находил и папиросы, и махорку, давая их как “лекарство”. Вечером, уже в темноте, погребал убитых. На следующий день я был тяжело контужен тяжелым снарядом — “Кузька” тут как тут и глоток из его волшебной фляжки привел меня в чувство. На утро я был эвакуирован, ибо спина моя вздулась и представляла из себя нечто вроде детского воздушного шара со всеми цветами радуги.

Весной 1915 г., когда полк был переброшен в северную Литву, в район р. Дубиссы, “Кузькина” деятельность увеличилась еще больше. Ввиду непрерывных походов и недостатка в офицерском составе, ему было поручено заняться временно офицерским соб-

ранием. И пужно отдать ему справедливость, он с этой “должностью” справился блестяще.

К своей лазаретной линейке он “прикомандировал” повозку офицерского собрания и офицерскую походную кухню. Так как в этот период непрерывной подвижной войны полк почти все время был в разгоне и почти никогда не ночевал вместе, то офицерская кухня готовила на походе только для штаба полка и, остановившись на ночлег, приготавливала холодную пищу, которая могла легко выдаваться в эскадроны, по мере надобности, — а в голодных ртах никогда недостатка не было, несмотря на то, что эскадронные командиры обыкновенно сами кормили своих офицеров. Поэтому в собранской повозке почти всегда было холодное жареное или вареное мясо, какая либо птица или мясные консервы.

В конце апреля, проходя через м. Шавляны, полк остановился на его окраине на небольшой привал. Командир приказал подтянуть кухни и выдать уланам обед. Понятно и “Кузька” был тут как тут, со своей лазаретной линейкой и собранской повозкой. День был хотя и весенний, но сырой и холодный — настоящий апрель, — аппетит понятно колоссальный и мы в ожидании чего-либо съедобного с нетерпением толпились у повозки. “Кузька” с каким то лукавым видом потарапливал собранскую прислугу. Сам же не отходил от своей лазаретной линейки. “Ну, “Кузька”, — ты что ж, не проголодался? Или уже закусил под сурдинку?” — смеялись офицеры. Но вот на повозке уже все было разложено и можно было приступить к “подкреплению телесному”. Гордо, как победитель, подходит “Кузька” к повозке и из своей обширной сумки начинает вынимать “мерзавчики” казенной водки, в запечатанной посуде и с настоящими этикетками. Первого “мерзавца” он передает командиру полка, а остальные ставит на повозку, заявляя: “господа, по “мерзавцу” на двух — больше нету”. Всеобщее удивление и радость были понятно неопишуты, а рюмка-другая как раз пригодилась в этот сырой день. “Откуда же, “Кузька”, ты раздобыл эту благодать?”, спрашивали офицеры. Оказалось, что, проезжая через местечко, “Кузька” заметил вывеску “Казенная винная лавка № 17”. Недолго думая, он направился с заднего крыльца к сидельцу лавки, узнал, что у него есть несколько ящиков водки, но в “малой посуде” и опечатанных акцизным контролером. “Кузька” торжественно заявил, что все это “казенное вино” реквизируется для полкового лазарета, подкатил свою лазаретную линейку с флагом Красного Креста, снял с ящиков печати, погрузил все в лазаретную линейку и, дав расписку и поблагодарив “за помощь”, степенно поехал догонять полк. Через некоторое время это местечко было занято немцами, а “казенное вино” спасено “Кузькой” для общего блага.

Осенью 1915 г., когда фронт стабилизировался, Смоленский полк, занесенный судьбой в Пинские болота, обосновался в дер. Локница, получив определенный участок обороны на фронте 4-го кавалерий-

ского корпуса. В малонаселенной болотисто-лесной местности с бедным населением пищучков, было очень трудно купить что-нибудь для офицерского собрания. Но “Кузька” и здесь умудрялся получить то куренка, то десяток яиц, то утку или гусака, а иногда даже целого теленка. Имея среди своих “пациентов” местных жителей, он получал свой “гопорар” натурой и отдавал все на кухню офицерского собрания.

Попутно с заботой о раненых, больных и здоровых чинах полка, не забывал “Кузька” и мертвых, считая своей обязанностью, где только было можно, руководить погребением убитых, отмечая в своей специальной книжке имена убитых и места их последнего упокоения.

В такой разнообразной деятельности протекала Кузькина служба, умевшего примениться ко всякой обстановке. Со временем пропали его звездочки на погонах, оставив один гладкий просвет, а грудь его украсилась несколькими боевыми орденами с мечами.

Но вот как гром грянула “великая-безкровная”. “Кузька” как то сразу переменялся, — пропало балагурство, веселое настроение никогда не унывающего “Кузьки”. Он сделался задумчивым, молчаливым, необщительным и на все вопросы, лишь отмахиваясь, спешил регироваться, бурча себе под нос “пропало все, пропала Россия”.

Полк стоял в это время в составе дивизии, в резерве 6-ой армии в Бессарабии, в районе Болграда, в деревне Тараклия. Подходила Пасха. В спокойной от военных действий обстановке, но в нервном беспокойстве от все увеличивавшихся результатов революционного приказа № 1, настроение в полку было не из блестящих. Не было уверенности в завтрашнем дне, чувствовалась какая то неопределенность при виде всевозможных комитетов, митингов и все увеличивающегося числа чужих дезертиров, появлявшихся в районе полка.

Но все Пасху встретили как подобает, по старой традиции. Разговлялись за столом, слегка напоминавшим стол мирного времени, в офицерском собрании, помещавшемся в довольно большом классе местной школы. Когда кончилась официальная часть, хотя и довольно “сухая”, не хотелось расходиться. Да и куда было идти? — Импровизированное офицерское собрание было все же единственным местом, где пол-

ковая офицерская семья чувствовала себя “как дома”. И вот тут-то произошло нечто совершенно особое. Неожиданно появилась собранская прислуга — вестовые еще мирного времени — несшие с торжественным видом подносы с установленными на них “бокалами” всевозможных типов. На вопросы офицеров “это для чего?”, — ведь положенное было уже выпито, — люди отвечали: “так что не могим знать, доктор Кузьмин приказали”. Общее педоумение. Расставив “бокалы”, прислуга скрылась. Через некоторое время она появилась снова, неся большие глиняные кувшины местного производства с какой то жидкостью. За ними появился “Кузька”, смущенно улыбаясь. “Бокалы” наполнялись влагой слегка розоватого цвета, но с весьма приятным винным ароматом. “Кузька” подошел со своим “бокалом” к командиру полка полковнику Вилькману, извиняясь за нарушенную субординацию и просил “откушать бокал пасхального вина”. Полковник Вилькман, слегка улыбнувшись, произнес несколько слов и, подняв “бокал”, выпил за всех присутствующих. На всех лицах появилось выражение неожиданного удовлетворения, — вино оказалось превосходным и общее настроение как то сразу изменилось к лучшему. Пошли догадки и распросы. Оказалось, что “Кузька” каким то образом разузнал, что на побережье Черного моря, верстах в стах от нашей деревни, находилась французская колония, где якобы имелось хорошее вино. Не помню теперь уже, ездил ли он сам туда или посылал когонибудь. Во всяком случае за день до Пасхи оттуда прибыла бочка вина в 40 ведер и по баснословно дешевой цене — по рублю за ведро.

Все это было проделано “Кузькой” под большим секретом и дружеская беседа за стаканами этого прекрасного белого, с легким розовым оттенком, вина затянулась очень надолго.

Это была — последняя вспышка “Кузькиной” энергии и последняя дружеская беседа.

Вскоре после Пасхи “Кузька” отпросился в отпуск и мне лично не пришлось его уже больше увидеть. В полк он никогда не вернулся.

Часто вспоминая доброе старое время, вспоминается мне и “Кузька” — простой и сердечный русский человек с прекрасной душой.

П. Бассен-Штиллер

Воспоминания г.г. офицеров 269-го пехотного Новоржевского полка

Река Нарев, г. Гродно и г. Сморгонь

После Наревских июльских боев 1915 г., уничтоживших более трех четвертей Новоржевского полка, было принято решение свести оставшихся чинов в один сводный батальон. Этим батальоном командовал подпоручик Первышин, а ротами прапорщики. Старый кадр погиб, да и из молодых прапорщиков, пополнивших армию в декабре 1914 года и до весны 1915 года, немного осталось. В память этой, почти полностью погибшей молодежи и совершенно забытой в своих воспоминаниях военными писателями, хочется отметить, что все они пошли на фронт по горячему желанию, усердно учились, старались изо всех сил усвоить и понять дух Русской Императорской Армии, были дисциплинированы и храбры, а, если, по своей неопытности, и совершали ошибки, то платили за это своей кровью. Вспоминается такой случай, — в последний день январских боев 1915 г., еще под Таурогеном, (граница Восточной Пруссии), одна из полурот первого батальона нашего полка, под командой такого молодого прапорщика, фамилию его я к глубокому сожалению забыл, был он выпуска 1-го декабря 1914 года, 4-ой роты Алексеевского военного училища, находясь в арьергарде, отступила без давления противника, раньше чем был получен приказ командира роты. К счастью никаких последствий это отступление для нас не имело, так как полк был уже в полной безопасности, но, как и полагалось, командир роты сделал строгое внушение молодому прапорщику, а тот, сознавая весь позор своего поступка, придя к себе в халупу, застрелился. Эта смерть произвела тяжелое впечатление на полк, но показала, что для новой офицерской молодежи, честь полка была так же дорога, как и для старого кадрового офицера. Впоследствии, эти молодые фендрики в последующих боях показали не только свою храбрость и умение умирать, но и умение руководить взводами, ротами и даже батальонами. К августу 1915 года из 11-ти молодых прапорщиков, прибывших в Новоржевский полк в начале января 1915 г. (5 Алексеевского военн. училища, и 6 Александровского военн. училища), остался невредимым только один, да и он кончил войну инвалидом.

Из прибывшего пополнения составилась 2-ой батальон. Фельдфебелей и унтер-офицеров дали из 1-го батальона. Офицеров старых не было и в командование ротами 2-го батальона вступили только что прибывшие прапорщики, да и батальоном командовал некоторое время тоже прапорщик В. Ф., но считавшийся уже старым офицером полка, так как состоял в полку с января 1915 года.

3-го и 4-го батальонов в это время совершенно не существовало. Вот что представлял наш полк в августе 1915 года.

Командиру полка, полковнику Филимонову, кажется никогда еще не приходилось испытывать такие трудности. Будучи уже совершенно больным, он всегда был с нами и руководил каждым движением полка и твердой рукой вывел полк с малыми потерями к Гродно.

Отступление Русской Армии в июле и августе 1915 года можно назвать ее Голгофой; отсутствие снарядов для артиллерии, пулеметов и даже иногда патронов заставляло отбивать и задерживать противника винтовкой и своими телами. Это стоило нам почти полного уничтожения кадрового состава Русской Армии. Дух оставшихся в живых заколебался и требовались исключительные усилия со стороны командного состава полка, дабы сохранить и вновь поднять на должную высоту падающую дисциплину и боеспособность, внушить веру в себя и победу над врагом.

Наш полк, со своим любимым командиром полка, выдержал это трудное испытание с честью. Ни разу он не отводился в тыл для приведения в порядок, как то подчас случалось с другими полками, даже первой очереди.

Движение полка почти до самого Гродно в течение двух недель прошло в сплошных боях, причем фланги были всегда открыты. Никаких соседних частей мы не знали. Порой казалось, что мы остались одни, оторвавшись от всей Армии. После дневных боев приходили жуткие ночи. Люди нервничали в это время особенно сильно. Артиллерия и пулеметы противника нас растреливали почти безнаказанно. Отвечать тем же мы не могли — снарядов и даже патронов у нас почти не имелось. Нужны были героические усилия, что-бы удержать на позиции солдат. В критические минуты ночью офицеры выходили на бруствер окопов и спокойно проходили фронт своей части под обстрелом противника и это успокаивало солдат. Обычно за два-три часа до разсвета полк снимался с позиции, так-как фланги окружались и справа и слева начинающими вспыхивать пожарами, — это сжигали сено или дома уходившие от немцев жители и отходившие войска.

С выходом на линию Гродно все это кончилось и мы должны были погрузиться в вагоны и через Вильно пройти на Свеняны. Полковник Филимонов из Гродно уехал на короткую побывку для приведения в порядок в конце растрепанных первов. Во временное командование полком вступил подполковник Сакен.

Наше передвижение поездом закончилось быстро — железная дорога на Вильно была в нескольких местах перехвачена немцами. Командир нашего 36-го Армейского корпуса в исполнение приказа повел нас пешим порядком на Свеняны. Через день связь на-

шего корпуса с командованием армией и фронтом прервалась. Мы шли в полном неведении о совершающихся событиях на фронте и в тылу. Было известно одно, — что большие массы германской кавалерии и пехоты сосредотачиваются у Свенцяи и ген. Орановскому только с нашей конницей было бы трудно сдерживать этот грандиозный удар противника..

Наши пехотные дивизии 25-я и 68-я усиленными маршами, от 40 до 50 верст в сутки спешили к Свенцянам, далеко огибая Виленский район с востока. От быстроты нашего движения зависило спасение положения на Свенцяном участке, но путь был настолько велик, что мы придти во время не успели. Не доходя примерно 100 верст до Сморгони, мы обнаружили в нашем глубоком тылу немецкую кавалерию брошенную крупной массой в Свенцянский прорыв.

На другой день у нас начался непрерывный бой с противником. Наше неожиданное появление разрушило планы зарвавшейся германской конницы. Решительными натисками мы опрокинули и погнали врага. 6-го сентября утром мы подошли к Сморгони.

Весь день 6-го сентября 269-й полк простоял в резерве в полуразрушенной деревушке. Погода была ясная и хорошая. Позно вечером в полку был получен приказ взять на развете следующего дня, т. е. 7-го сентября Сморгонь. Этот приказ огдан в категорической форме: — взять во что бы то ни стало. Поводом к такому более чем определенному приказанию явилось очень тяжелое положение наших гвардейских и армейских частей отходивших в это время от Вильно на Сморгонь.

В соответствии с полученным приказом оба батальона нашего полка должны были атаковать Сморгонь с востока, при этом 1-й батальон оказался правофланговым, а 2-я рота, которой командовал прапорщик Федуленко, — самой крайней. В роте в это время насчитывалось примерно 120-140 бойцов.

Нужно отметить, что никакой артиллерийской подготовки перед нашим наступлением не было. На участке нашего 2-го батальона наша артиллерия помогала сбивать пулеметы противника. На участке же 2-ой и соседней с нею роты, пулеметы немцев били по ним безнаказано. Наше наступление остановилось, роты залегли и вели перестрелку. Прапорщик Федуленко обратился к командующему батальоном с просьбой о помощи со стороны нашей артиллерии, но получил отказ. Истинная причина отказа прапорщику Федуленко осталась неизвестной. Надо полагать, что либо не было снарядов, либо высшее начальство опасалось ставить батарею на нашем совершенно открытом фланге: кто был правее нас ни прапорщик Федуленко, ни командующий батальоном не знали. Разведка и постоянное наблюдение, высланные от 2-ой роты в этом направлении, ни своих, ни противника не обнаруживали.

Бой принимал затяжной характер. Наступать в лоб прапорщик Федуленко не мог, так-как местность была совершенно открытая. В середине расположения 2-й роты проходило шоссе, ведущее на Сморгонь,

и два пулемета противника простреливали все пространство этого участка. Противопоставить этим немецким пулеметам свои было невозможно по той простой причине, что их при 2-й роте вовсе не имелось. Опасаясь за свой открытый правый фланг и тыл, прапорщик Федуленко, в целях выполнения поставленной задачи, — захвата Сморгони, приказал своему левому флангу роты сосредоточить огонь на пулемете немцев, что стоял на позиции левее шоссе. С левого участка командир роты снял не более 15-ти солдат и приказал скрыто обойти левый фланг немцев. Отползши в тыл, эта маленькая группа через час произвела обходное движение и открыла огонь во фланг. Видимо, у немцев резервов не было, т. к. они не смогли препятствовать этому обходу.

Прапорщик Федуленко ясно увидел в бинокль, как немецкая связь забегала от своих цепей в тыл, очевидно с просьбой о помощи. Не желая упускать этой удобной минуты, прапорщик Федуленко выскочил на шоссе и крикнул: “За мной, в атаку!”... Рота поднялась и с громовым “УРА” бросилась в штыки. За ней сразу же поднялись и остальные роты 1-го батальона и так же с громовым “УРА” бросились на позиции немцев. Чуть позднее пошел в атаку и 2-ой батальон.

Не более одной-двух минут слышали Новоржевцы свист пуль. Немцы не выдержали и побежали, побросав свои пулеметы.

Перескочив через окопы и ворвавшись на улицу Сморгони, Новоржевцы встретили олабое сопротивление русскому штыку. Быстро продвигаясь вперед, прапорщик Федуленко с ротой оказался в тылу немцев, занимавших другие участки линии своего фронта. Продвинув часть роты на площадь местечка, где мы захватили пленных, кажется, штук 50-60 велосипедов, немецкие самокатчики предпочли удирать от нас на своих на двоих, прапорщик Федуленко кинулся с другой частью роты в поперечную улицу, где показались отступающие немцы. Одним залпом мы остановили врага и заставили сдаться. В наши руки попали конные и пешие пулеметчики, а также конная четверка с зарядным ящиком для пулемета. Немецкий офицер, бывший с этим отрядом, был убит первым нашим залпом. Быстро продвигаясь вперед по этой улице, прапорщик Федуленко обнаружил, что при нем осталось мало сил. Прапорщик послал извещение командиру батальона о своем успехе и просьбу о поддержке. Вскоре мы увидели группу бегущих на нас немцев человек в 60-70. Чипы 2-ой роты, с прапорщиком Федуленко во главе, открыли по ним оружейный огонь, а затем бросились в штыки. Удара этого немцы не выдержали и сдались.

Победа была полная. Прапорщик Федуленко срочно отправил пленных в тыл и, оставив взвод на этой улице, сам лично бросился к площади, так-как опасался немецкой контр-атаки. На наше счастье на площади все было благополучно и находившийся там взвод 2-й роты спокойно охранял свою добычу

— взятые велосипеды и захваченного в бою прекрасного коня. Двигаться дальше прапорщик Федуленко, однако, не решался, так-как вырвавшись вперед, он не знал теперь, что сделали его соседи слева, но, видя свои трофеи и панику у противника, прапорщик за свой левый фланг не особенно беспокоился. Вправо же от площади он послал сильную разведку. Поджидая сведений о противнике от этой разведки и подкреплений из своего тыла, прапорщик Федуленко находился на площади местечка Сморгони, когда он увидел своего командующего батальоном подпоручика Николая Первышина с саблей наголо в сопровождении ординара.

Сразу же по взятии Сморгони нашим бойцам был дан короткий отдых.

Впоследствии выяснилось, что 2-я рота под командованием прапорщика Денисова на своем участке взяла в плен человек 40 солдат и 3 или 4 офицера, остальные две роты взяли в плен по 10 или 15 немцев.

К часам 18-ти того-же 7-го сентября из-за реки Вилии немецкая артиллерия открывала огонь по

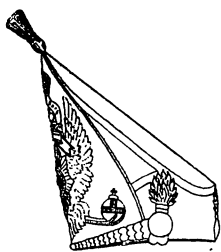
Сморгони. Нам всем стало очевидно решение оправившихся германцев перейти в контр-наступление и вернуть себе Сморгонь. Наш полк получил приказ перейти в наступление.

Едва роты 1-го батальона, рассыпавшись в цепь, повели наступление к реке, немецкая артиллерия начала их жестоко засыпать шрапнелью. Но быстро наступивший вечер прекратил эту бойню. Саперы навели мосты и ночью, без потерь, наши войска перешли на ту сторону. Противник отступил и только днем 8-го сентября начал оказывать сопротивление, но оно легко было нами сломлено.

За взятие Сморгони были награждены: временно командующий полком полковник Сакен — Георгиевским оружием; командир 1-го батальона подпоручик Первышин орденом Св. Вел. Побед. Георгия; адъютант полка шт. капитан Дубинин, к-р 2-го батальона шт. капитан Вершинин, к-р 2-ой роты прапорщик Федуленко и к-р 3-й роты прапорщик Денисов орденом Св. Владимира 4-ой степени с мечами и бантом.

Федуленко

Г Р Е Н А Д Е Р К И

К началу нынешнего века головные уборы именуемые “гренадерками” сохранились лишь в трех полках: в русском — Л.-гв. Павловском и в двух прусских — Первом Гвардейском пехотном и Первом Гвардейском Гренадерском Имп. Александра, но в 18-м веке гренадерки или, как их тогда называли гренадерские шапки, имелись во всех армиях. Гренадерские шапки были присвоены гренадерам — особого рода солдатам, назначением которых было метание ручных “гренад”. Так как метание “гренад” требовало большой физической силы, в гренадеры отбирались самые рослые и сильные солдаты. С течением времени поэтому слово “гренадер” стало синонимом отборного солдата. Кроме “гренад” гренадеры были вооружены “фузеями”. В бою гренадеры по команде выходили вперед и, закинув за спину “фузеи”, метали “гренады”. В остальное время они сражались, как обычные пехотинцы. Метание “гренад” производилось обычно при штурме укрепленных позиций. При этом, выходящие вперед гренадеры подвергались большой опасности. Треугольные шляпы, бывшие в те времена обычным головным убором солдата, при метании “гренад” и при закидывании за спину “фузеи”, представляли неудобства. Поэтому для гренадер были введены специальные го-

ловные уборы, получившие название “гренадерских шапок”.

Существовало несколько основных видов гренадерских шапок. Одни из них имели форму колпака или католической митры, другие имели форму меховых шапок с суконным верхом или плюшем, третьи имели вид кожаных касок с медным “налобником” и кожаным “задником”.

Вот что говорит о гренадерах в своем “Дневнике” английский писатель Евелин: “29-го июня 1678 года. — Теперь у нас введен новый сорт солдат именуемый гренадерами, ловкими в метании ручных гранат. У каждого их целая сума. Шапки у них меховые, как у янычар, что придает им весьма свирепый вид. А у иных колпаки, подобные шутовским, да и одежда их такова же — вся желтая да красная”.

В России гренадеры, а вместе с ними и гренадерские шапки, появились при Петре Великом. Наши первые гренадерские шапки были заимствованы Петром от шведов. Они состояли из кожаной тульи с налобником и задником. Налобник покрывался медной бляхой с выбитым изображением двуглавого орла. Сзади помещалась другая медная бляха меньшего размера, в которую, в парадном строю, вставлялось страусовое перо. Подобного же рода шапки носились бомбардирами и пионерами.

До тех пор пока главным боевым назначением гренадер было метание “гренад”, они не сводились в

отдельные полки, а распределялись по пехотным полкам. Количество гренадер, придаваемых полку, изменялось, в зависимости от тактических взглядов высшего командования. Например, при Петре Великом в Преображенском и Семеновском полках их было по одной роте, но при Анне Иоановне гренадеры распределялись по “фузелерным” ротам, в каждую по 16 гренадер. В правление Анны Леопольдовны они вновь были сведены в гренадерские роты — по одной в каждом полку, но при Елизавете Петровне гренадерские роты были уже в каждом батальоне, таким образом каждый полк имел три гренадерских роты. К середине 18-го века метание ручных гранат стало “выходить из моды” — не могу сказать точно, что служило этому причиной, то ли увеличение дальности ружей, то ли сокращение осадных операций и замена их большими полевыми сражениями — автор не тактик, а “формовед” — пусть читатели-тактики восполнят этот пробел. Во всяком случае, ко времени Семилетней войны метание ручных гранат сильно сократилось, а гренадеры превратились в отборных пехотинцев. Даже “гренадных сум” у них уже не было, однако, им были сохранены их гренадерские шапки. Одновременно с этим гренадеры стали отчисляться от пехотных полков и сводиться в отдельные гренадерские полки.

В России первые гренадерские полки были сформированы в 1756 году. Всего было сформировано 4 полка: 1-й, 2-й, 3-й и 4-й гренадерские, на укомплектование которых были отчислены гренадерские роты третьих батальонов всех пехотных полков.

Гренадерские шапки, носимые гренадерами этих полков, мало чем отличались от гренадерских шапок эпохи Петра Великого. Несколько увеличился только налобник с покрывающей его медной бляхой. Бляхи эти сплошь покрывались рельефным орнаментом, изображающим двухглавого орла, окруженного воинской арматурой. Шапки Лейб-Кампанцев отличались тем, что имели вызолоченный прибор, были обтянуты красным сукном и украшались страусовыми перьями.

“Император Петр III-й, питавший особое уважение к Королю Прусскому Фридриху Великому и находя полезными его воинские учреждения, желал ввести их в Российской Армии и в кратковременное свое царствование установил, как в ее устройстве, так и в одежде и в вооружении, значительные перемены, в коих для образца были приняты прусские войска, покрывшие себя славою в продолжительной борьбе с главнейшими державами Европы” (Висковатов).

Были изменены “на немецкий манер” и гренадерские шапки. Задник исчез совсем, налобник, с покрывающей его медной бляхой, стал еще выше, верх шапки принял коническую форму. Общий вид шапки принял приблизительно тот вид, который сохранился до наших дней. При Петре III-м изображение двухглавого орла имело на груди два щита — на одном изображался российский герб, а на другом голштинский. Под ним помещалось вензе-

левое изображение императорского имени, окруженное воинской арматурой. С двух сторон шапки помещались медные “пылающие гренады”. Сзади помещалась медная бляха, также изображающая “пылающую гренадку”, окруженную воинской арматурой. Конический верх и околыш шапки в различных полках был различных цветов. Верх украшался гарусной кистью. Шапки голштинских гренадер отличались тем, что вензелевое изображение императорского имени не имело цифры “III”, так как Имп. Петр III-й был первым голштинским государем, носившим имя Петра.

В начале царствования Императрицы Екатерины II-й гренадерские шапки сохранили ту же форму — изменен был только орнамент покрывающей налобник медной бляхи. Голштинский герб исчез с груди русского орла, так как Екатерина II-я отказалась от прав на голштинский престол “за себя и за сына”. Вензелевое изображение имени Имп. Петра III-го было заменено вензелевым изображением имени Царствующей Императрицы. Так продолжалось до 1786 года, когда были конфирмованы новые штаты и табели, совершенно изменившие тот характер одежды, который в русских войсках был первоначально введен Петром Великим. Инициатива этих перемен исходила от, всемогущего в то время, светлейшего князя Потемкина-Таврического. Реформа эта является совершенно необычайным явлением в истории развития военных форм. Обычно изменения военных форм происходят путем эволюционным. Они обычно совершаются одновременно в различных армиях и находятся в тесной связи с соответствующими изменениями штатского костюма. Формы же, введенные в русской армии князем Потемкиным, совершенно не зависели от западно-европейских форм и были основаны единственно на его личном понятии о практичности военной одежды. В “Армии Князя Потемкина” гренадеры шапок не носили, а носили присвоенные всем родам оружия, им самим придуманные каски.

Имп. Павел I-й по вступлении на престол немедленно отменил эти формы. Новый Император, подобно своему отцу, был поклонником всего прусского и не замедлил вновь ввести в русской армии формы прусского образца. Гренадерам были возвращены их шапки, с заменой вензеля Императрицы Екатерины II-й вензелем царствующего Императора. Фузелерам фузелерных рот гренадерских полков были даны особого рода “фузелерные шапки”, которые отличались от гренадерских тем, что имели закругленный верх — отличие, которое было сохранено до наших дней. При Имп. Павле I-м число гренадерских полков достигло 12-и, в том числе и учрежденный 19-го ноября 1796 года Павловский гренадерский полк, — тот самый, который “...примерною службою, ознаменованною многими доблестными военными подвигами, обратил на себя Всемилоостивейшее внимание Венценосных приемников своего Образователя”. (Штабс-Капитан Гувальт “ИСТОРИЯ ЛЕЙБ-ГВАРДИИ ПАВ-

ЛОВСКОГО ПОЛКА" СПб 1852 год) и которому, единственному из всех полков российской армии, суждено было сохранить до наших дней свои славные гренадерки. При Имп. Павле I-м, однако, гренадерские шапки носились не только гренадерами гренадерских полков, но и гренадерами гренадерских батальонов мушкетерских полков, так что, по крайней мере, половина всей нашей пехоты имела гренадерские шапки.

Имп. Александр I-й, по вступлении на престол, повелел обрезать у нижних чинов пукли, а косы иметь длиною только в четыре вершка. 30-го апр. 1802 года была подтверждена новая табель "мундирным, амуничным и оружейным вещам Гренадерских полков". Гренадерам была дана шапка нового образца — та самая, которой суждено было сохраниться до наших дней. Вот ее описание: "Гренадерская шапка — почти той же формы, как и при Имп. Павле I-м, именно: с бляхою из медной латуни, наперед; с тремя медными же гренадями, назад и по бокам, — имела на первой, т. е. на бляхе, почти во всю ее величину, вычеканенное изображение двуглавого Российского Орла, с Св. Георгием на груди; верхушку — по цвету воротника и обшлага, а околыш — по цвету погон. Отторочка (вокруг бляхи и по низу околыша) была черная; обшивка на верхушке белая, из нитяной тесьмы; кисть же по особому росписанию" (Висковатов). Из этого описания видно, что гренадерские шапки у различных полков были различных цветов, — у Павловского гренадерского полка воротники и обшлага были красные, а погоны белые, поэтому верхушки их шапок были красные, а околыши белые.

Наступала тяжелая година. Россия вступала в многолетнюю войну с Наполеоном. Русская армия усиленно преобразовывалась и увеличивалась. В 1806 году Павловский гренадерский полк вошел в состав 2-й дивизии и вместе с ней выступил к границам Пруссии. Он принял участие в сражениях при Пултуске, Прейсиш-Эйлау и Фридрихсфельде. "Доблестные подвиги Павловского гренадерского полка, в продолжении сей кампании оказанные, обратили на себя Государственное внимание Государя Императора" (Гувальт). 20-го января 1808 года состоялся знаменитый, единственный в своем роде, Высочайший указ, данный Военной коллегии:

"Отличное мужество, храбрость и неустрашимость, с каковыми подвизался, при неоднократных сражениях в течение минувшей противу Французов войны, Павловский гренадерский полк, преобрели ему неоспоримое право на Мою совершенную признательность и уважение к редким его подвигам. Всякий шаг, им в сражении сделанный, служил к прославлению его и все чиновники оказали вообще и в полной мере долг свой, а достойный их начальник обогатил кровью свое ратное поле. Мне лестно и утешительно изъяснить здесь, что полк сей таковыми действиями украсил славу знаменитейшего Основателя своего, которого имя ему столь прилично и присвоено.

Желая предать сие потомству и вознаградить заслуги по достоинству, Повелеваю, чтоб в почесть оного полка, ныне состоящая в нем шапки оставить в нем, в том виде, в каком сошел он с места сражения, хотя б некоторые из них были повреждены; да пребудут они всегдашним памятником отменной его храбрости и Монаршего к нему благоволения".

В силу этого указа Павловский гренадерский полк сохранил свои гренадерские шапки, когда, как во всех других гренадерских полках, а также и в гренадерских батальонах мушкетерских полков, они были заменены киверами. Тут существует, однако, некоторая неясность, — гренадерские шапки были заменены киверами еще в 1805 году, т. е. до начала кампании. По всей вероятности приказ этот не успели выполнить и войска выступили в поход в шапках старого образца. По заключении Тильзитского мира, однако, эта мера была проведена во всех полках, за исключением Павловского. Интересно подсчитать какое количество шапок имелось в Павловском гренадерском полку ко времени Указа 20-го января 1808 года: офицеры в эту эпоху гренадерских шапок не носили, а носили шляпы. Не носили их также и все пестровые чины, — мастеровые, фурлейты и денщики. Гренадерские шапки имелись у 423-х гренадер, а фузелерные — у 1.269 фузелер. Кроме того гренадерские шапки имелись у 9 музыкантов, 39 барабанщиков, 24 "флейщиков" и 120 унтер-офицеров, всего 1884 шапки. Вспомним слова Указа, что шапки оставались в полку "в том виде, в каком сошел он с места сражения, хотя б некоторые из них были повреждены" и, действительно, в полку хранились шапки, пробитые одной, двумя и даже тремя неприятельскими пулями. Вдохновенные слова Пушкина "Сиянье шапок этих медных, насквозь прострелянных в бою" относится, конечно, именно к этим шапкам, так как обычно "прострелянные" шапки, кивера или каски не носились. Штабс-капитан Гувальт дает точное количество этих "прострелянных" шапок — в 1852 году их было: пробитых тремя пулями — 8, пробитых двумя пулями — 179, пробитых одной пулей — 414, всего — 601, т. е. около одной трети всех шапок. На этих шапках были выбиты имена солдат, на коих они были во время получения пробития. Шапки эти сохранялись и носились вплоть до наших дней.

В 1811 году гренадерским шапкам были приданы медные чешуи на подбородные ремни.

"Высочайшим приказом, данным 13-го апреля 1813 года, в городе Дрездене, Его Императорскому Величеству благоугодно было Всемилостивейше причислить Павловский гренадерский полк, за оказанные им в течение всей кампании 1812-го года отличия, к составу Императорской Гвардии, увековечив доблестные подвиги полка дарованием ему Георгиевских знамен и сохранением его прежнего наименования. Таким образом Павловский гренадерский полк получил название Лейб-Гвардии Павловского." (Гувальт).

В 1825 году гренадерские шапки были даны также и офицерам Лейб-Гвардии Павловского полка, одинаковой формы с шапками нижних чинов, с той только разницей, что весь металлический прибор у них был вызолочен, а обшивка верха и околыша была из серебряной тесьмы.

“Это была последняя милость, которою Его Имп. Величество удостоил Лейб-Гвардии Павловский полк. 19-го ноября того же 1825 года, в Таганроге, Император Александр скончался.” (Гувальт).

Новый Император, чтя волю своего почившего брата, сохранил Лейб-Гвардии Павловскому полку его славные шапки. Даже когда, в 1844 году, во всей армии были введены, взамен киверов, каски, это не коснулось Лейб-Гвардии Павловского полка, за исключением того, что в 1846 году штаб и обер-офицерам Лейб-Гвардии Павловского полка было Высочайше дозволено носить вне строя каски: при мундирах с султанами, при сюртуках без оных.

В продолжении многих лет Лейб-Гвардии Павловский полк оставался единственным в мире полком, сохранившим гренадерские шапки, во всех других армиях мира они были отменены. Правда, что существовал и поныне существует другой вид гренадерских шапок, а именно медвежьи шапки, на подобие тех, которые носились гренадерами Наполеона I-го и нашими Дворцовыми гренадерами, и которые и поныне носят английской гвардией.

У нас сложилось представление, что Лейб-Гвардии Павловский полк и носившиеся им гренадерки тесно связаны с Имп. Павлом I-м, что Павел I-й был какой-то особенный “гренадерский царь”. Представление это ни на чем не основано. Правда, что Павловский гренадерский полк был учрежден этим Императором и что он носил его имя. Это и все, особенно принимая во внимание кратковременность царствования этого Императора. Лейб-Гвардии Павловский полк состоит в гораздо более тесной связи с Имп. Александром I-м, который сопричислил его к гвардии и который даровал ему его знаменитые гренадерки, которыми он всегда выделялся из всех полков.

Такова история русских гренадерок. Теперь обратимся к истории гренадерок в Пруссии. Прусская военная история тесно связана с русской и, как уже было сказано выше, устройство, одежда и вооружение ее армии зачастую служили образцом для русской армии. Однако и Пруссия не редко перенимала для своей армии русские образцы одежды и вооружения. Особенно сильно было русское влияние на прусскую армию в I-й половине 19-го века. Наибольшей силы это влияние достигло в 1813-1815 г.г., когда, поразившая полчища Наполеона, русская армия освободила Пруссию от французского ярма. В эти достопамятные годы, прусская армия вливалась в русскую, находилась под командой русского Главнокомандующего и составляла ее вспомогательный корпус. В прусской армии были сформированы “Казахи” полки. Ее кирасиры были одеты в русские ки-

расы и вооружены русскими палашами. Впоследствии эти черные, обшитые красным шнуrom, русские кирасы хранились, как полковые регалии, в прусском “Гарде дю Кор” (которые соответствовали нашим кавалергардам) и, вплоть до первой Мировой войны, носились в особенно торжественных случаях.

Мы уже знаем, что во второй половине 18-го века прусские гренадерские шапки были подобны русским. Даже орнамент покрывавший налобник блях отличался только тем, что имел прусского, одноглавого орла, взамен русского, двуглавого, да прусские, королевские вензеля, взамен русских, императорских. Гренадерские шапки были упразднены в прусской армии в то же время, что и в русской, с той только разницей, что в России они были сохранены в Л.-гв. Павловском полку, когда как в Пруссии их ношение после 1810 г. совершенно прекратилось. От этого времени и до 1824 года Л.-гв. Павловский полк оставался единственным в мире полком, носившим гренадерки. Приказом по прусской армии от 30 марта 1824 года, гренадерки “русского образца” были даны 2-му батальону Первого Гвардии пехотного полка, а 10 августа того же года их ношение было распространено и на 1-й батальон. Гренадерки эти были совершенно подобны нашим “павловским”, — тот же красный верх, тот же белый околыш, та же обшивка белой тесьмой, та же бляха из латуни, те же три медные гренады назади и по бокам. Только взамен двуглавого орла на бляхе были выбиты корона и звезда орд. Черного Орла. Сперва гренадерки носились только нижними чинами, но в 1826 году их ношение было распространено и на обер-офицеров. Офицерские гренадерки отличались от солдатских тем, что имели вызолоченный прибор и финифтяные звезды с короной. Кроме того офицерские гренадерки имели серебрянные с чернью помпоны и позументы.

В 1843 г. ношение гренадерок было распространено и на фузелерный батальон. Фузелерные гренадерки, подобно русским, имели закругленный верх. Вместо “гренад” по бокам и назади околыша, они имели прусских орлов.

Приказом по прусской армии от 27-го января 1889 года, 3-й и 4-й ротам 1-го батальона были даны напашочные знаки с надписью «*Semper Talis*», позднее эти знаки были распространены на весь I-й батальон.

9-го февраля 1894 года Первому Гвардии пехотному полку были даны гренадерки нового образца. Эти новые гренадерки были точной копией гренадерских шапок эпохи Фридриха Великого, а посему и весьма сходны с теми, которые носились у нас во второй половине 18-го века. Они имели, покрывающие налобник бляхи или щиты из белого металла, сплошь покрытые орнаментом из воинской арматуры. Околыш был также из белого металла. Верх у 1-го и 2-го батальонов был красный, а у фузелерного батальона — желтый. Верх гренадерок был украшен кистью или помпоном, который был бело-красного цвета в 1-м и 2-м батальонах и бело-желтого у фузе-

леров. Офицерские гренaдерки отличались тем, что имели высеребренный прибор, серебряные с чернью позументы и серебряный помпон. Эти гренaдерки носились в строю, как обер-офицерами, так и конными штаб-офицерами. Нашапочный знак был сохранен, но был не накладным, а выбивался на щите. 1-й и 2-й батaлионы имели знаки с надписью «*Semper Talis*», а фузелеры — с надписью «*Pro Gloria et Patria*».

Прежние, “русского образца” гренaдерки были переданы в Первый Гвардии Гренaдерский Имп. Александра полк, причем нашапочные знаки были сняты. Этот полк в своих “русских” гренaдерках и с вензелем русского Имп. Александра на эполетах оставался символом старой русско-прусской дружбы.

Е. Моло.

Б И Б Л И О Ф И Л Ы

Коллекционирование всех старинных книг и гравюр — неосуществимо даже для государственных библиотек и потому каждый серьезный библиофил (но не библиоман) вынужден, в конце концов, избрать какую-то специальность.

Создать хорошую коллекцию *военных* изданий — задача чрезвычайно трудная. Еще в дореволюционной России невозможно было найти в продаже, например, гравюры А. Зубова; вспомним, хотя бы “Изъявление триумфального входа его Царского Величества в Москау”... после Полтавской победы 21 декабря 1709 года или “Торжественной въ водъ въ Санктъ Пітербухъ” шведских кораблей, взятых после боя при Гренгаме в 1720 г.” или — “Феерверкъ который учиненъ для Славнаго мира скороною шведскою вмоскве 28 Генваря 1722 г.”. То же самое можно сказать и о военных уставах эпох Императриц Екатерины I, Елисаветы Петровны, Екатерины II и Императора Павла I; эти небольшие книжечки, в 8° или 16° долю листа, имели прекрасно раскрашенные гравюры, изображающие современные формы; печатались они в очень ограниченном количестве экземпляров и в продажу не поступали; наткнуться на них можно было лишь в старинных помещичьих библиотеках; в начале текущего века один из великих князей заплатил за устав Павла I — более 500 рублей. Уже тогда, гравюры Скотти или Вендрамини на события 1812 г. были почти ненаходимы, так же, как и гравированные карикатуры на французов Теребенева, Иванова или Венецианова.

Первое классическое (впоследствии были выпущены и 2-ое, и 3-е) издание Висковатого “Историческое описание одежды и вооружения российских войск”; начатое в 40-х годах прошлого века и выходявшее в продолжении последующих лет, составившее в общем более 30 фолиантов большого размера — в комплекте имелись лишь в трех библиотеках: генералов Ф. Г. Козянинова и П. П. Потоцкого и полковника Потемкина.

Участь моих библиотек неизвестна: 1-ая осталась в Петербурге, 2-я — в Вильне (начало трагедии этой было описано фельетонистом, покойным М. Осоргиным, в 1940 г.). Поэтому, когда одни из проживающих ныне в России библиофилов сообщил

мне, что ему с трудом удалось достать книжицу (тираж... 40.000 экземпляров!) хорошо нам обоим знакомого, еще ныне здравствующего, букиниста Ф. Г. Шилова “Записки старого книжника”, я, очевидно, вспыхнул к ней невыразимым любопытством, о чем в деликатной форме сообщил ему и — он мне ее прислал!

Каждому любителю старой русской книги рекомендую ее прочесть; даже нам, старым петербургским библиофилам, она на многое открывает глаза; сколько знакомых фамилий и собраний книг и гравюр! Кому не памятли книжные лавки этих Шиловых, Ключковых и Соловьевых на Литейном проспекте и более мрачные, но не менее притягательные, закоулки Александровского и Апраксина рынков! Какие только типы книжников (и продавцов, и покупателей) не воспроизвел Шилов! Им подробно описаны участи собраний таких корифеев, как П. Е. Рейнбота, П. Я. Дашкова, Е. Тевяшова, А. Е. Бурцева, М. А. Остроградского, Г. Геннади, Д. А. Ровинского и проч., и проч.

Но вернемся к более нам близким — военным темам.

В самом конце прошлого века, в Петербурге, на библиофильском горизонте, появился молодой, красивый, со средствами капитан П. П. Потоцкий; он сосредоточился на гравюрах, литографиях, фарфоре с военными сюжетами и на видах Петербурга и Малороссии; будучи уже пожилым (и вложив свои средства в созданный им собственный музей) — генералом, он служил в Артиллерийском музее. Шилов рассказывает, как он посетил его в ужасном 1919 году; генерал жил “плохо и голодно”..., он рискнул посоветовать генералу: “Павел Платонович, ведь это же никуда не годится, продавайте гравюры и книги”. От старого собирателя последовал ответ: “Не могу; умру, а не продам”, но жизнь свое взяла: впоследствии он с болью в сердце начал продавать музеям свои дублеты. Затем мечта генерала исполнилась: город Киев предложил ему перевезти весь его музей к себе, назначив его пожизненным директором. Мало того: получив от Киева аванс за свой проданный музей, генерал успел еще купить часть прекрасной библиотеки Великого Князя Константина Павло-

вича, очутившейся на... Александровском рынке. Музей генерала был уложен в... тринадцать вагонов и доставлен в специально приготовленный в Киево-Печерской Лавре дом, названный "Музеем имени П. П. Потоцкого".

Шилов, за 70 лет деятельности в поисках более или менее редких книг, вспоминает о многих поразительных находках; в этом ему много помогали "ходячие антиквары", бороздившие в те времена по всей необъятной России; один из этих ходячих как-то забрел в имение Жеребцовых, в Бежецком уезде Тверской губернии и купил там, между прочим, старинный комод, в котором он нашел около пуда разнообразных документов, которые Шилов купил за глаза; оказалось, что среди них были и письма А. А. Аракчеева к тетушке Н. Н. Жеребцовой, в имении которой он прожил свое детство. Как известно, сожительница Аракчеева Настасья Минкина была убита дворовыми за свою невероятную жестокость, по этому поводу Аракчеев пишет какому-то другу: "дорогой друг, я нахожусь в ужасном несчастье, не стало моего друга Настеньки и виновник смерти — ее любимый повар; более 40 человек моей дворни отдано под суд". А тетке Аракчеев писал: "Тетупка — матушка Настасья Никитишна, вот Бог даст мы с Вами скоро свидимся и первой к Вам приедет мой друг Настенька. Примите ее ласково, она тихая, скромная и вдобавок боится, а я Вам расцелую ручки и пальчики. Вы пишете выслать Вам шляпку за 30 руб. Мы с Настенькой решили купить Вам шляпку по крайней мере за 100 рублей". Этот кусочек Аракчеевского архива Шилов передал для обработки ярославскому помещику И. Н. Ельчанинову, автору нескольких трудов по истории Ярославского дворянства. В 1918 г., во время Ярославского восстания, сгорели и аракчеевский, и ельчаниновский архивы и библиотека. Библиотека же Аракчеева, великолепная, украшенная гербовым эксмбрисом с девизом "Без лести предан", попала на рынок...

Каждый собиратель книг, гравюр и литографий, как русских, так и "россияк", посвященных России и русскому быту, знал библиотеку просвещеннейшего, доступного Павла Яковлевича Дашкова, жившего в своем доме на Михайловской площади, в Петербурге (я до сих пор, с особым коллекционерским удовлетворением отмечаю в моем каталоге гравюр те из них, коих "у Дашкова — не было". В. Р.). Вскоре П. Я. убедился, что одолженное не всегда ему возвращалось... А, так как этот культурнейший человек распределял графику, по содержанию, в отдельные папки, он решил... вырезать, из самых даже ценных книг, нужные ему листы, в итоге — огромное количество изуродованных книг!.. Что случилось с этим выдающимся собранием, Шилов, почему-то, не говорит, но он не без ехидства отмечает, что после смерти Дашкова, у начальника архива Министерства Народного Просвещения К. А. Военского (историка и тоже книголюба), очутился ряд ценнейших документов из собрания покойного, а у н-ка архива Ве-

домства Учреждений Императрицы Марии Шумигорского (историка) оказались весьма редкие письма, а историк Божерянов (автор "Невского проспекта") впоследствии распродал ряд ценных видов Петербурга (раскрашенные листы Патерсона!) — тоже когда то бывшие у Дашкова...

Из многих пикантных описаний Шилова выделяется история старых архивных документов Министерства Внутренних Дел, продажа коих с аукциона была заранее опубликована в соответственных печатных органах. Приобрел весь этот архив некий "картузник" (склеивавший бумажные мешки) по 3 рубля за пуд; тут же Шилов и еще один букинист предложили картузнику по 100 рубл. за пуд, не менее, как за 60 пудов, которые и были отобраны в сарае, где были свалены все 330 пудов "макулатуры" этого Министерства, предназначенной на "картузы"... Шилов обнаружил в своей половине купленного: более полпуда дел по Санкт-Петербургскому ополчению 1812 г. 1 5 пудов интереснейших дел, касающихся Сибири! Ряд секретных дел по польскому восстанию и около 1/2 пуда сектантских дел эпохи Александра I; и вот заварилась каша, ибо сектантством заинтересовался некий чиновник того же министерства внутренних дел, купил их, но тут же донес тому же министерству, что у Шилова появились в продаже ценные материалы из министерского архива. К Шилову в магазин является начальник архива министерства, в чине штатского генерала, и с места, угрожающим тоном, говорит, что архивными делами "торговать нельзя" и потому архив будет "отобран" (?!). А еще через несколько дней Шилова вызвал к себе... начальник уголовного розыска. "Как попали к вам архивные дела?" спросил он. Выслушав подробный рассказ букиниста, этот благоразумный чиновник с места начал поносить... чиновников министерства, "по невежеству" разбазаривших такое множество (секретных?) документов.

Как-то ловкий друг Шилова, букинист М. И. Сизов, устроил поездку в Боровический уезд Новгородской губернии: там, мол, продается библиотека самого Суворова; оказалось, что это была библиотека внука фельдмаршала, петербургского губернатора; затем они отправились в Куселевское имение; священник показал им в церкви чудесный подписной барельеф Императрицы Екатерины II, работы Шубина, помещавшийся в задней стене церкви. Священник согласился продать барельеф, ибо нужны деньги на ремонт церкви, но надо испросить согласие архиерея, а архиерею он отвезет старинные царские врата; согласие было получено. Заехали к другому священнику: Сизов прошел в ризницу, отобрал три старинные ризы и заплатил за них 15 рубл., а Шилов нашел на клиросе... дониконовские книги и... запрещенные возглашения Иоанна Антоновича и Константина Павловича (как известно, первый, до насильственной кончины был лишь номинальным императором, в царствование Елисаветы Петровны, а второй был провозглашен императором по недоразумению); за все это

было уплачено 25 рубл. — к радости священника. На колокольне обнаружили колокола (вероятно небольшие) с надписью “*Anno Domini, 1601*”; Сизов взял и их в свой мешок... Тот же Сизов купил в одной из церквей Вологодской губернии очень старинные царские врата и с большим заработком перепродал их в Феодоровский собор в Царском Селе. Ему же попалась старинная икона, заплатил 100 рублей, а продал за 30.000 рублей, ибо оклад оказался из массивного золота...

Был у Шилова еще один дружок — антиквар Габиخت; в молодости Габиخت был лакеем, а затем поваром у одного из князей Долгоруких. Много путешествуя за границей с князем, он наловчился и в антикварном деле, стал поставщиком антиков для разных знатных княжеских знакомых и родственников, и в конце концов, с согласия патрона, открыл свой антикварный магазин на Каменноостровском проспекте; как-то он купил меньшиковский архив за 500 рублей (от Александра Даниловича, сподвижника Императора Петра I — до командующего (так неудачно) войсками в Крыму, до февраля 1855 г.!). Как мы знаем уже, в те времена архивами не особенно интересовались... У Габихта был дружок — управляющий гр. Орлова-Давыдова и он просил его сделать выставку архива в одной из графских зал; случайно архив попался на глаза Императору Николаю II, была назначена комиссия и архив был куплен для Морского министерства — за 30.000 рублей.

Шилов купил архив двух братьев почтдиректоров (петербургского и московского) Булгаковых, известных перлюстраторов, заносивших в свои книги копии с писем, которые оказывались уничтоженными в оригиналах. Например, копия с письма Императора Александра I Кутузову: “Михаил Илларионович, на место Беннигсена следовало бы назначить генерала (?) Чичагова, мною весьма уважаемого, но, по моему, он не подходит, поэтому назначьте Чичагова к себе. Дайте ему лестное назначение, а командиром на место Беннигсена назначьте такого-то, а это письмо уничтожьте”. В этой книге были по 200 копий с перлюстрированных писем. В архиве Бумаковых почему-то оказались документы генерала Алексеева, между прочим рескрипт Императора Александра I, согласно коего Алексеев должен был обследовать дороги в Польше, в случае войны с Наполеоном, и надо было избрать такие дороги, дабы войска не нанесли особого ущерба населению, а в другом рескрипте Император несколько расширяет задачу: “Генерал Алексеев, из того, что я вам пишу, вы видите, как я вам доверяю. Помимо рескрипта, данного мною вам об устройстве и выборе дорог, вы, главным образом, смотрите, какое имеют настроение поляки по отношению нас и французов, и дайте им понять, что мы все усилия приложим для их благоустройства, а также дайте понять, что чья возьмет — Божьё волён... Но, если они будут придерживаться французской ориентации, то... разорены будут наверное. В ваше распоряжение даются все военные и граждан-

ские власти. Александр”. (Прелюбопытный документ!... А, может быть, и в те времена, но по простецки, люди были не менее наивны, как и в данное время? ВР). В этом архиве оказалось около 500 донесений ген. Алексеева, адресованных или самому Императору, или его министру двора кн. Волконскому, “рисующих политическую атмосферу”...

Интересны подробности приобретения и этого архива Шиловым; 96-летняя старушка фрейлина Булгакова решила почистить свой архив и кое-что выбросила; находчивые тряпичники все подобрали и уместили в сарай на Петербургской стороне, где можно было купить все: и кости, и инкунабулы, и тряпки, старинную мебель и еще более пожилые рукописи... Порывшись, тряпичники отобрали 2 пуда старинных бумаг и продали их за 150 рублей Шилову, но от какого-то станка “для выжимания белья”, красного дерева, он отказался. Потом этот станок купил гр. Ферзен: оказалось, что это был печатный станок, купленный Царем Петром I в Голландии...

Очевидно, перечислить все удачные и даже “редчайшие” находки Шилова здесь нет возможности, но укажем еще на одну: попала в его руки переплетенная тетрадь и в ней были: “дела” Царицы Евдокии Лопухиной, дела Царевича Алексея Петровича и “листочки Полтавской баталии”, в которых перечислялись все взятые в этом сражении пленные, пушки и пр. Сам Шилов пишет, что дело Лопухиной и полтавские листочки он увидел в первый раз в жизни...

Кто такой этот Шилов? Один из тех Ярославских мальчишек, которых сотнями “извозчики” доставляли в столицы для обучения в мастерских и торговых заведениях. Еще в деревне бывший пекарь, научил его азбуке и читать псалтырь — вот и все. В начале 90-х годов прошлого века поступил он “мальчиком” к букинисту М. П. Мельникову (тоже полуграмотному); через несколько лет, уже у другого книжника, он начал получать крохотное жалование, вскоре открыл свою собственную лавку и исподволь из него выработался самоучка, но настоящий знаток антикварной книжной торговли. Еще долго после революции ему удалось сохранить свое собственное торговое дело, но все же пришлось поступить на службу и много он принес пользы русским книжным хранилищам; теперь он на пенсии.

Прочтя с увлечением воспоминания старого знакомца Ф. Г. Шилова, я попросил моего обязательного петербургского корреспондента осветить мне, в каком положении ныне находится библиофильство в Петербурге, и вот, что он мне ответил: ... “эта благородная страсть у нас очень распространена. Многие представители старшего поколения владеют первоклассными библиотеками, но и молодежь у нас очень любит книги. Собирают книги по всем отраслям знания. Здесь имеется и ряд хороших магазинов, торгующих антикварными книгами; наилучший называется “Лавка писателей”; он помещается там, где

когда-то был магазин Поповой, напротив Аничковского дворца. Он, правда, дорогой, но там можно приобрести первоклассные книжные редкости; второй хороший антикварный магазин помещается на углу Литейного проспекта и Жуковской улицы, там — уютнее. Книголюбы объединяются в разных обществах; в частности, у нас имеется “Дом ученых” во дворце Вел. Кн. Владимира Александровича на Дворцовой Набережной, основанный еще в 20-х годах. Там, среди разных секций, имеется и секция коллекционеров; среди подсекций этой секции имеется секция библиофилов и собирателей книжных знаков; заседания отбываются по вторникам, когда читаются разные доклады на эти темы. Иногда доклады бывают в отделах эстампов Публичной Библиотеки и в музеях. В этом месяце, последнем месяце сезона, среди докладов будут наиболее интересные: “50-летие концертной жизни Петербурга, по личным воспоминаниям” (у докладчика профессора, доктора исторических

наук А. В. Предтеченского — лучшее собрание афиш, программ, меню) и “Три неизвестных гравюры 1725 г.” — доклад будет происходить в кабинете эстампов Публичной Библиотеки, докладчик доктор искусствоведения В. К. Макаров...”

А здесь, в Англии? От 17-го июля в городской библиотеке (и картинной галерее) гор. Нова (Sussex), “The Anglo-Russian Circle”, устраивает выставку “Russian Artland Life” (дореволюционная художественно-бытовая выставка). Большинство инициаторов этой выставки состоит из англичанок и англичан, родившихся в России, не забывших нашего языка, сохранивших восторженное воспоминание о жизни в России. Мои собрания старины (так и 40 других участников) — уже на месте. Постараюсь поделиться с читателями нашего журнала сведениями об этом отрядном явлении.

Владимир фон-Рихтер

„НАУКИ“ и „КАПОНИРЫ“

СТРАНИЧКА ИЗ ЖИЗНИ НИКОЛАЕВСКОГО КАВ. УЧИЛИЩА 1915-16 Г.Г.

Мы уже больше двух месяцев в Славной Школе. Уже приняли присягу и ходим в воскресный отпуск — в шпорах! В Училище мы надеваем их лишь на час езды — еще не заслужили. Шпоры даются к-ром эскадрона или дивизиона за хорошую езду и день получения их остается навсегда в памяти получившего: он даже спит первую ночь — в шпорах. Отпуск — тоже не дается даром: чтобы иметь право показаться в городе в форме Училища “молодой” должен усвоить тьму премудростей. Во-первых — быть всегда безукоризненно, по форме, одетым; неаккуратно застегнутая пуговица на шинели, чуть сдвинутая на-бок пряжка, пятнышко на белоснежных замшевых перчатках — позор для юнкера Гвардейской Школы: она славится своей отчетливостью, подтянутостью и дисциплиной! За малейшее упущение юнкер не только не попадает в отпуск, но и зарабатывает “час боевой”, а то и покрепче! Во-вторых — надо уметь лихо становиться во-фронт, знать — кому надо становиться; знать — как держать себя в театре, в ресторане, и какие из них посещать можно, а какие нельзя; надо уметь быть всегда на-чеку, зорким и внимательным, помнить всегда и везде, что мы представляем Школу! Это все — не так-то легко усвоить. Только после строгих проверок со стороны взводного, сменного офицера и самого к-ра эскадрона юнкер получает, наконец, право ходить в отпуск.

Мы уже втянулись в обыденную жизнь Училища. Утром, после молитвы и чая — 4 часа классов. Учебная программа отжата до максимума: преподаются лишь предметы, непосредственно связанные с военным

делом. После классов — обед и сейчас же строевые занятия: езда, вольтижировка, пулеметное дело и т. п. День рассчитан по минутам, т. ч. иногда не успеваешь даже руки вымыть.

Час администрации. Ее преподает ген. Даровский, — высокий, сухощавый старик, с суровым лицом. Он требователен и заставляет свой предмет учить, но добивается знания не взысканиями и баллами, а остроумными замечаниями и выговорами, действующими на самолюбие юнкеров.

Его побаиваются и в то же время любят.

Старший по классу стоит в дверях и выглядывает в коридор. — “Идет!” громким шепотом объявляет он — шум в классе стихает. Генерал входит, хмуро выслушивает рапорт старшего и, поздоровавшись, усаживается в кресле на кафедре. — “Идет!” — ворчливо начинает он: — “это в облаках на медведя так кричат — идет!” Он недоволен — мрачно просматривает журнал и обводит класс глазами. Взор его обследует камчатку и останавливается на затылке “майора” Абаладзе, устроившегося уютно подремать, склонясь на парту. — “Прошлый раз я вам докладывал” — начинает генерал: — “что командиру части жаренные рябчики сами в рот не валяются — вы должны будете все — требовать” — он голосом подчеркивает слово “требовать” и на мгновение смолкает. — “Вот и скажите мне, вы!” — он направляет указательный перст в сторону Абаладзе, который, получив в бок толчек от соседа, торопливо поднимает голову и, встретив пристальный взгляд Д., старается укрыться за сидящим впереди юнкером. — “Да-да! Вы! Не

прячьтесь, пожалуйста! Вы! Как ваша фамилия?” — “Абаладзе, Ваш-диц!” — “Вот и скажите мне, вы, господин Абаладзе: как и на основании чего составляется требование?” — “Господин Абаладзе”, мысли которого были весьма далеки и от жареных рябчиков, и от формы требований, чувствует себя неловко и незаметно толкает ногой соседа, чтобы подсказывал, но тот не успевает. Вы не изволите считать нужным слушать, что я говорю, господин Абаладзе?!” — “Никак нет, Ваш-диц, я...” — “Вы большой нахал, господин Абаладзе!” — “Никак нет, Ваш-диц!” — “Как — никак нет, когда я вам докладываю?” — голос генерала повышается: — “изволите повторить десять раз: я — административный неуч!” — “Я — административный неуч...” — невеселым тоном произносит майор Абаладзе. — “Десять раз!” — “Я — административный неуч... Я — административный неуч...” Даровский, закрыв глаза, считает, загибая пальцы. — “В следующий раз — попрошу знать”, — говорит он по окончании. Никаких дальнейших неприятностей майору Абаладзе не предстоит, но как составляется требование — он будет знать твердо.

Лекция продолжается; Даровский внимательно следит за лицами юнкеров и, заметив, что один из расположившихся ближе к камчатке занят чем то на своей парте, тотчас же обращается к нему: — “Вот и скажите мне, вы! Какие виды приварочного довольствия вам известны?” Застигнутый врасплох юнкер вскакивает, смущенно молчит и, надумавшись, неуверенно произносит: “Соль...” — Даровский терпеливо ждет, постукивая пальцами по кафедре. — “Хлеб...” — так же нерешительно сообщает юнкер. — “Вы чувствуете себя, как несчастный путник, в бурную ночь застигнутый грозой в дебрях Гвианы: садитесь.” — Тут тоже не будет никаких взысканий; но перспектива почувствовать себя несчастными путниками заставляет нас подтянуться и быть внимательными. Иногда Даровский меланхолически прерывает “плавающего” юнкера словами: — “Это называется — отвечать, положив руку на плечо Николая Чудотворца. Садитесь.” И больше — ничего. Но предмет его мы знали.

Несколько минут перерыва и в класс входит магистр ветеринарных наук Лавринович, преподающий иппологию. Он — крупный, полный человек, с седеющими висками, с приятным, выразительным лицом, быстрыми движениями и речью. Иппология — наука о коне — конечно, несравненно интереснее и ближе сердцу кавалериста, чем нудная и сухая администрация; но и она не усваивалась бы так исправно, если бы не талант этого исключительного лектора. Он умеет скучные и бледные страницы учебника превратить в занимательные и яркие картинки жизни. — “Представьте себе, что знаменитый араб “Сметанка” приехал в гости к знаменитому англичанину “Гальтимору”. Посидели, поговорили; хозяин угощает гостя овсом. Тот попробовал — говорит: “Вкусно. Это

что же такое?” — “Овес”. — “И вы всегда его едите?” — “Каждый день”. Гость хорошо покушал и уехал очень довольный.

Некоторое время спустя “Гальтимор” решил отдать визит. Приехал; “Сметанка” предлагает ему ячменя. Тот жует; жестковато, но ему нравится и он съедает все. Прошло несколько часов — вдруг у гостя боли в животе — колики, все сильнее и сильнее. Схватился он за живот, катается по-полу, кричит: — “Батюшки! Помираю! Доктора! Доктора!” Побежали за доктором, но пока тот пришел, пока-да что — бедный “Гальтимор” помер!” — грустно заканчивает Лавринович: “Вот какая вещь — ячмень, на непривычный желудок”. Все это рассказывает с жестикуляцией и мимикой, и так врезается в память, что вот сейчас, 40 лет спустя, это вспоминается, как бы слышанное вчера! Все лекции его проходили при напряженном внимании слушателей и час летел незаметно. На оценку он был строг, но умел сроднить нас со своим предметом и мы его, действительно, знали. А его пояснения насчетковки — чтобы не позволять кузнецу “баловать рашпилем” и тем портить “глазурь”; или следить за правильной величиной подковы: “А то бедная лошадь зацепится, особенно при переходе через гать, заторопится, дернет и так и сорвет копыто!” — на лице Лавриновича гримаса нестерпимой боли! Все это остается в памяти неизгладимо. Ни одна из остальных “наук” — тоже интересных — артиллерия, фортификация, даже теория езды, читаемая самим к-ром эскадрона, ротм. Помазанским, не оставляли таких сильных впечатлений.

Из строевых занятий, ведущихся после обеда, мы увлекаемся фехтованием и — не все — гимнастикой. Фехтование ведут великие мастера своего дела — чиновник Попов при помощнике Монахове; оба они, как первоклассные фехтовальщики, преподающие и в Офицерской Школе, известны не только в России, но и за-границей.

Попов — коренастый, почти толстый человек лет 40. Он всегда весел и все выпады и удары — и свои, и чужие — сопровождает энергическим возгласом: — “Аахх-га!” Он педантичен и лишь нескольким юнкерам — прилично фехтующим — позволяет биться вольным боем, остальных все морит на скучных позициях, выпадах и защите. “Толстенный, а хитрый”, восклицает он, получив неожиданно от юнкера, после обмана на голову, удар по локтю; этот удар на состязаниях считается за половину, но нанести его самому Попову — великая удача для юнкера. Попов — несравненный фехтовальщик и любит показать свое искусство: фехтуя с посредственным бойцом, он повертывает голову назад и курит папирску. Как угадывает он нападение своего противника — чутьем ли или прикосновением эспадрона — Аллах его ведает, но не дает нанести себе ни одного удара.

Монахов держится скромно, молчалив и необщи-

телен. Разговорившись, он жалуется на материальные обстоятельства и большую семью — это не дает ему возможности, как должно, тренироваться, чтобы выступить на Европейском состязании, где он, конечно, имел бы шансы на видный успех.

Гимнастику преподает чех — “конь с ручками”, как зовут его юнкера, подражая его неправильному русскому говору. Этому заметно отдаются душой далеко не все: по среди нас есть несколько перворазрядных гимнастов, в большинстве из кадет.

Езда и вольтижировка в счет не идут: это смысл нашего существования и лишиться часа езды было бы для юнкера большим огорчением.

Самое веселое время нашего дня — это два часа “капониров” перед вечерним чаем. Предполагается, что эти часы юнкера используют для подготовки к репетициям; но таких благоразумников среди нас немного и большинство занимается делами, к наукам не относящимся — пишут письма или читают. Дежурный офицер обыкновенно сидит в одном из классов, а поддержание порядка в других поручается старшим в группах — это значит, что юнкерам предоставлен коротенький срок свободы. Несмотря на то, что среди нас много людей уже вполне взрослых, — есть даже несколько “женатиков” — всех захватывает мальчишеский дух, шаловливый и задорный.

Вот рядом со мной сидит юнкер Демьянович — в общезнании “Демьянуша”, он же “цилиндрон”; это мальчик 18 лет, поступивший в Школу тотчас же по окончании, кажется, реального. Он милый, добродушный и шляповатый, за что и имеет кличку “цилиндрон” — от цилиндра штатского человека. На нем сегодня не по его росту большая гимнастерка и рукава ее доходят ему до конца пальцев — по своей шляпности он не обратил на это внимания при получении в пейхгаузе. У соседей тотчас же возникает блестящая идея: оттянуть эти рукава и завязать узлом. Идея приводится немедленно в исполнение — короткая борьба, безшумная и Демьянуша пленен и сидит беспомощно, со стяннутыми позади руками. Он в пол-голоса добродушно ругается, но сделать ничего не в состоянии. И вдруг команда: “Встать, смирно!” — в класс входит дежурный офицер. По счастью Демьянуша находится в глубине класса и его из-за спин других не видно. Дежурный сегодня “Дунька”, молодой сотник с фронта, численный к эскадрону. Его все любят — он приветлив, весел и добр; но все же он — дежурный, а это меняет дело. К общему облегчению он ограничивается лишь появлением и уходит. Демьянушу спешно освобождают от уз. Некоторое время класс сидит тихо, пока какой нибудь предприимчивой натуре не придет в голову новая безподобная фантазия.

Юнкер Петров, в проплом — кадет, удравший из корпуса на фронт, попавший там в плен и бежавший из Германии с важными сведениями, за что награжден Георгием, подымается и направляется к вы-

ходу. “Ты куда?” осведомляется старший. — “Курить”. Во время капониров курить запрещено, но любителей сильных ощущений это то и прельщает. — “Не ходи! Только что Дунька по коридору прошел — влипнешь!” Но он все таки отправляется в уборную, гасит свет и закуривает в укромном уголке. Не успевает он выкурить и пол-папиросы, как кто то быстро входит в уборную и щелкает выключателем. Не видящий из-за перегородки, кто вошел, Петров шопотом посылает крепкое ругательство: “Дурак! Тут Дунька мотается — потуши скорей! Увидит дым!” Вошедший также шопотом отвечает: “Сейчас!” и действительно тушит. Желая узнать дерзкого нарушителя своего кейфа, Петров высовывает голову из-за перегородки и к своему ужасу узнает в удаляющемся самого Дуньку! Разстроенный он бросает недокуренную папиросу и мрачно спешит в класс, предвидя горькия последствия. Но милый Дунька не подвел.

Впрочем, не всегда капониры приятны для юнкеров: в дни репетиций сердца очень многих начинают биться усиленным темпом; на иппологии вызывают засевшие в памяти “Сметанки”, “Гальтиморы”, на администрации — помогают дебри Гвианы и Св. Николай; а вот на артиллерии, конно-саперном, топографии приходится труднее. За столом сидит грузный пожилой полковник с бакенбардами, артиллерист; перед ним юнкер — стоит в сильном смущении. Полковник упорно стремится уличить его в знакомстве с “некоторой силой — РО”, но пока безуспешно. В конце концов, с несомненной ясностью устанавливается его полная невинность и полковник в рубрике отметок с грустью выводит скромную цифру, обозначающую, кроме потери отпуска, новое свидание по тому же вопросу на ближайших днях. Но следующий юнкер не только знает эту злосчастную силу, но даже подробно, со всеми чертежами, докладывает историю развития баллистики. Полковник расцветает: “Вы прекрасно знаете предмет! Прекрасно! Я ставлю вам двенадцать! Но...” — он приостанавливается: “это не повлияет на отметку: я об этом на занятиях не упоминал; скажите — какой вес пули нашей трехлинейной винтовки?” Он слегка закрывает глаза и откидывается на спинку кресла, как гастроном, мечтающий закончить роскошный ужин самым нежным и лакомым куском. Юнкер в явном затруднении. Полковник тихо начинает: — “Три... три...зо...зо...золо...” — Три золотника!” подхватывает юнкер. “Верно! Совершенно верно! Вы прекрасно знаете предмет! Прекрасно! Двенадцать! Можете итии!” Страдающий за свой любимый предмет полковник счастлив. — Как немного нужно иногда для счастья человека!

В тот же вечер ставится “скрипка”: виновник торжества угощает всю свою смену пирожными.

А. Арсеньев.

„ПОЧЕМУ Я ИГРАЮ В БРИДЖ?“

Весной 1916 года Лейб-Гвардии Конный полк находился в резерве Северного фронта на р. Двине. В это время, на Южном фронте, готовилось наступление, которое по замыслам Высшего командования должно было быть как бы повторением Брусиловского прорыва. Для этого, в районе реки Стохода, было сосредоточено большое количество войск, в том числе весь Гвардейский корпус. 1-я Гвардейская дивизия, в полном составе, была перекинута туда же и должна была быть брошена в тыл противника в случае удачных действий нашей пехоты, которая занимала исходные позиции в окопах вдоль Стохода.

Нас расположили в перелесках в непосредственной близости от фронта и мы ждали наступления в полной боевой готовности. Настроение у нас было приподнятое и мы с нетерпением ждали момент атаки. Но ожидание было и томительное, т. к. при полном бездействии мы подвергались налетам неприятельской авиации, которая бросала в нас бомбы.

Наступление пехоты не увенчалось успехом. Германское командование успело прислать на помощь австрийским войскам, занимавшим позиции, сильные немецкие части, а местность, по которой должна была наступать пехота, была очень болотистой и крайне неблагоприятной для атакующего. Несмотря на всю доблесть и проявленные чудеса храбрости, пехотные части, понеся огромные потери, не смогли окончательно прорвать фронт.

Кавалерии так и не пришлось непосредственно принять участие в этих боях, кроме Кирасир Его Величества, которые были посланы поддержать наступление пехоты на стыке 2-й и 3-й Гвардейских дивизий. Они пошли в атаку, но из-за болот не смогли далеко продвинуться и с потерями (особенно большими в конском составе) вернулись обратно.

Бои в этом районе прекратились, обезкровленную пехоту перевели в другое место, севернее, а кавалерию спешили и посадили в окопы вдоль Стохода, ставшего теперь второстепенным фронтом. Получив приказание занять окопы, наш полк дошел в конном строю до раскинувшегося на правом берегу Стохода леса и в районе станции Переспа спешился, оставил коноводов в лесу и двинулся на позиции сменять пехоту. Смена могла происходить только с наступлением темноты, так как позиция была под артиллерийским и ружейным обстрелом.

Нашим 5-м эскадрон, в который при его сформировании я был переведен из 3-го, командовал штабс-ротмистр Куселев, и в нем, кроме меня, были офицеры поручики Зиновьев (Андрей) и гр. Граббе и корнет барон Кнорринг. Безшумно перейдя по сходням болотистый Стоход, эскадрон сменил не помню какой пехотный полк и занял участок на легкой возвышенности, расположенной между двумя рукавами

Стохода, вправо от железной дороги Ровно-Ковель, в 25 верстах от последнего.

Позиция состояла из двух линий окопов. Главная, упираясь в железную дорогу, шла перпендикулярно к ней и состояла из хорошо оборудованных окопов с ходами сообщения и хорошими землянками. Вторая линия находилась на довольно большом расстоянии впереди у самого берега второго узкого, но болотистого рукава Стохода. Эта линия окопов была очень примитивной, полна воды и добраться до нее можно было только ночью и ползком. Каждую ночь эта линия окопов занималась одним взводом с офицером и этот взвод оставался в ней 24 часа, питаясь консервами и будучи все время на чеку, спать конечно не приходилось.

Зато в главной линии окопов было совсем сносно. На фронте было спокойно и противник ограничивался посылкой в разные промежутки времени нескольких тяжелых снарядов и пристреливался из винтовок по неосторожно высывавшимся Конно-Гвардейцам. Вечером к берегу Стохода из леса подъезжали походные кухни и под покровом темноты мы получали горячую пищу. Связь со штабом полка поддерживалась ординарцами, которые ходили по железно-дорожному пути, хотя это было далеко не безопасно, так как железнодорожная линия была под прямым обстрелом.

Что было неприятно, это вода для чая, которую брали из Стохода, и она сильно отдавала трупным запахом. В этом месте при наступлении погибло около батальона. Эскадроны сидели в окопах по две недели, потом сменялись и оттягивались на неделю к коноводам. Вспоминаю, с несколько неловким чувством, случай, происшедший во время нашего сидения в окопах.

Однажды, когда мы, молодые офицеры, сидели вечером в одной из землянок, ординарец привел к нам какого-то саперного капитана. Мы встретили его довольно холодно: “неизвестный сапер... пришел из тыла понюхать пороха”. Но отношение наше изменилось, когда он снял шинель и мы увидели на его груди Георгиевский крест. Этот капитан объяснил нам, что он прислан осмотреть окопы и окружающую местность и, выпив с нами стакан чая, ушел. А на утро мы узнали, что, выйдя от нас, он был убит на соседнем участке.

В один прекрасный день я был назначен занять передовую линию окопов со своим взводом. Когда уже стемнело, я, во главе своих людей, вылез из окопов и двинулся вперед. Продвигались мы сперва согнувшись, потом ползком среди мелкого кустарника и я, смотря вперед и не обращая внимания на землю, попал рукой во что-то очень липкое. Это оказался труп разложившегося немецкого солдата. Сутки в передовых окопах прошли без приключений, но, конечно,

из за сознания ответственности, непосредственной близости с противником, неприятного пребывания в окопах с водой и бессонной ночи, я вернулся в следующую ночь “домой”, то есть в главные окопы, усталый и завалился спать в своей землянке, покрывшись буркой.

Спал долго, а днем меня разбудил вестовой: “Так что Ваше Высокоблагородие, вас командир эскадрона требует”. — Зачем? “Так что в бридж играть”. Я рассердился: “Скажи, что я устал и не могу”. Повернулся на другой бок и заснул сладким сном.

Через двадцать минут опять вестовой: “Так что Ваше Высокоблагородие, Вас командир эскадрона требует”. — Зачем? “Так что по делам службы”, а сам ухмыляется.

Чертыхаясь, я встал, надел шашку и отправился по ходу сообщения в землянку командира эскадрона, которая была в каких-нибудь 150 шагах от моей. Прихожу. “Честь имею явиться”. — “А... проснулся, садись, у нас не хватает четвертого.”

Я стал ругаться, отнекиваться, но уж нечего было делать и я остался. Только что мы начали играть (играю я плохо и теперь, а тогда?), как послышался отдаленный оружейный выстрел, потом тишина и через несколько секунд разрыв, потом второй. А этот упал не далеко. “Три ники”, — и вдруг прибегает запыхавшийся мой вестовой. “Так что вашей землянки больше нет!” — Что ты говоришь?

“Так точно”.

Я побежал туда и, действительно, увидел, что 6-ти дюймовый снаряд упал прямо у входа моей землянки, частично ее завалив. А на лежанке, на которой я спал пол часа тому назад, на моей разорванной бурке с комками земли лежит большой осколок снаряда.

Перекрестившись, я вернулся к Кушелеву, рассказал, что произошло, благодарил его за то, что он разбудил меня, и мы сели продолжать игру.

Продолжаю я играть и до сего времени...

Простите меня, но как же после такого случая мне не играть в бридж!

А. Тучков.

К СТАТЬЕ «КОЕ-ЧТО О СКОБЕЛЕВЕ»

В указанную статью я должен внести некоторые поправки. Первое — Скобелев в лейб-гвардии Гродненский гусарский полк никогда не выходил и никогда к о р п е т о м оного не был.

История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка вышла в 1890 году, на 66-м году его существования и составлена, очень подробно, штабс-ротмистром Юлием Ельцом. Каждому из более или менее выделявшихся офицеров там уделено внимание, так Лукин, Лермонтов, Лорис-Меликов и Скобелев занимают каждый по несколько страниц в обширном, около 450 стр., томе первом истории, охватывающем период от 1824 по 1866 года. Если принять во внимание, что полком, в момент появления истории, командовал генерал-майор Остроградский (выпуска 1861 г.), впоследствии Генерал-Инспектор кавалерии, умерший в 1833 г. в Советской России, современник Скобелева, прошедший всю службу, от корнета до генерала включительно, в полку — то всякая возможность ошибки должна быть исключена.

Вот выдержки из полковой истории: “Адъютант графа Баранова Кавалергардского полка поручик Скобелев так прельстился военной обстановкой Варшавы, что попросил перевода в полк...” “...Варшава представляла из себя военный лагерь...” (1863-1864 гг.) “...на пари шагнул из окна второго этажа, п е р е ш е л, во время ледохода, по льдинам Вислу...”

Перешел и только!... И, как видно, Варшава того времени не пахла венским кофе и духами” “Vera Violette”, а порохом и кровью...

К этому могу добавить, что Скобелев очень недолго пробыл в полку и поступил в Академию Генерального Штаба.

Корнет лейб-гв. Гродненского гусарского полка

А. Макарович

НА СКЛАДЕ ИМЕЮТСЯ СЛЕДУЮЩИЕ КНИГИ, ДОХОД ОТ ПРОДАЖИ КОТОРЫХ ИДЕТ В ПОЛЬЗУ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Контр-адмирал ТИМИРЕВ — Воспоминания морского офицера — 15 н. фр.

ФИНЛЯНДСКИЕ ДРАГУНЫ (воспоминания) — 20 н. фр.

Юрий СЛЕЗКИН — Две семьи — 5 н. фр.

К. С. ПОПОВ — Лейб-Эриванцы в Великой войне — 25 н. фр.

БУЛГАКОВ — Русский и германский военный мир о творчестве, К. С. Попова — 4 н. фр.

Ген.-майор СПИРИДОВИЧ — Великая война и февральская революция, том I, II и III — 90 н. фр.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — 1918 г. в Дагестане — 8 н. фр. 75 с.

Б. М. КУЗНЕЦОВ — В угоду Сталину, том II — 11 н. фр. 25 с.

Г. В. МЕСНЯЕВ — За гранью прошлых дней — 12 н. фр.

Кн. П. П. ИШЕЕВ — Очерки . прошлого (1889-1959) — 7 н. фр. 50 сант.

Генерал А. А. фон-ЛАМПЕ — «Пути верных» — 16,00 н. фр.

Г. Б. АЛЕКСАНДРОВСКИЙ — Цусимский бой — 10 н. фр.

По поводу статьи П. Пашкова „Ордена и знаки отличия Гражданской войны 1917 — 1922 годов“

Да будет мне, как ближайшему участнику гражданской войны 1917—1920 годов на северо-западных окраинах России, дано сделать некоторые исправления и добавки к данным г-на Пашкова.

Часто приходится замечать, что события на юге России и в Сибири гораздо лучше освещены, чем на западе.

Огромный труд П. Пашкова, при всех своих достоинствах, грешит в северо-западном своем отделе. Некоторые детали и даже события, вошедшие уже в историю, к сожалению, несколько перепутаны.

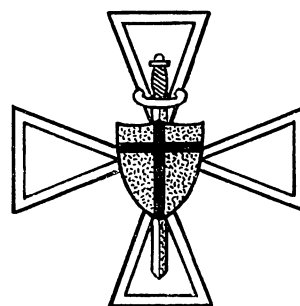
Я не имею возможности, по недостатку места, входить в подробности и хочу только указать на наиболее серьезные ошибки и промахи автора, который, как видно по некоторым им сделанным выпискам, пользовался для своей работы небезызвестной книгой самого Бермондта. Было бы, вероятно, полезно для повествования более серьезно ознакомиться с подробным докладом о ландесвере и корпусе кн. Ливена, изложенным самим князем в журнале „Белое Дело“, а также с весьма обильным материалом на ту же тему различных изданий на немецком языке.

Читая статью П. Пашкова, невольно получаешь впечатление, что русскими частями с самого начала руководил и командовал до конца Бермондт. Это неверно. Наоборот, летом 1919 года, прибыв в г. Митаву, Бермондт влил свои соединения в организованный здесь „Добровольческий корпус св. князя Ливена“, в который входили кроме того еще собственно „дивизия князя Ливена“, получившая свое начало уже в январе 1919 года, как отряд, в который вошла также „русская рота капитана Дыдорова“, пришедшая из Риги, а также „дивизия полковника Вырголича“. Корпусом командовал светлейший князь Ливен, начальником штаба были последовательно полковник Чайковский, генерал Янов и, под самый конец, полковник гвардейской артиллерии Беляев. Все штабы стояли в городе Митава, Курляндской губернии. В конце июля 1919 года был от генерала Юденича получен приказ корпусу выступить на соединение с Северо-Западной Армией. Как Бермондт, так и полковник Вырголич ослушались и решили не выполнить приказ. Одна только „дивизия св. князя Ливена“ морским путем была перебросена через Ригу в Эстонию и приняла доблестное участие в наступлении на Петроград осенью 1919 года.

Как бывший старший адъютант штаба корпуса, я точно знал ход всех этих событий и с Бермондтом познакомился лично, неоднократно его встречая. Полагаю, что с одной стороны, точное выполнение приказа генерала Юденича, возможно, изменило бы в свое время положение Северо-Западной Армии в ее героической попытке взять Петроград, а, с другой стороны, скорее привело бы к нормализации положения в Курляндии.

К личности Бермондта можно еще, добавляя слова г-на Пашкова, прибавить, что германский генерал граф ф.-д. Гольц, естественно мало сведущий в русских делах, на банкете по случаю дня рождения начальника „Дивизии имени графа Келлера“ поднял свой бокал за здоровье „его светлости князя Бермондт-Авалова“. Свидетель тому генерал Альтфатер, с которым я сидел на этом пиршестве за одним столиком.

Что же касается Балтийского ландесвера, то он состоял почти исключительно из чисто балтийско-не-

мецких соединений и ими командовал с самого начала наступления через Курляндию на Ригу германский майор Флетшер. Это антибольшевещкое ополчение прибалтийцев никакого отношения к Бермондту и его отряду, а потом и к так называемой „Западной Армии“, не имело и ни в какое время не входило в ее состав, как это указывает П. Пашков.

После заключения перемирия и отъезда дивизии Ливена, если не ошибаюсь, уже в 1920 году, ландесвер был переименован в „Тукумский полк“ и вошел в состав латвийской армии.

Германские национальные войсковые части, главным образом т. н. „Железная дивизия“, принимавшая самое живое и доблестное участие во взятии Риги 22 мая 1919 года, к этому времени, покидали Прибалтику.

Все это необходимо знать, чтобы лучше уяснить себе положение об орденах и знаках отличия. П. Пашков несколько ошибается, приведя на стр. 31 рисунок „Крест Балтийского Ландесвера“. Указанный им крест, был, действительно, выпущен, как памятный знак под названием „Балтийского креста“, и давался всем тем воинам *германских* соединений, которые принимали участие в сражениях за освобождение Прибалтики. Ландесвер установил свой собственный крест (см. рисунок). Этот крест покрыт на лицевой стороне белой эмалью с голубой каймой. Щит и меч серебряные, крест в щите черной эмали. Крест давался всем воинам принадлежащим к соединениям ландесвера и носился на винте на груди.

Еще несколько слов об отличительных знаках у Бермондта. О них довольно подробно говорит г-н Пашков, но, может быть, не безынтересно указать, что самым характерным знаком для всех участников его отряда был осмиконечный православный крест белого

цвета, размером примерно 10 сантиметров вышины, нашитый на верхней половине левого рукава гимнастерки или мундира.

Николай барон Будберг

К СТАТЬЕ А. ЛЕВИЦКОГО «СТАРЫЕ ПОЛКИ КОННИЦЫ» В № 50 «ВОЕННОЙ БЫЛИ».

В своей статье “Старые полки конницы”, А. Левицкий отмечает, что особенностью 1 Кизляро-Гребенского полка, Терского Казачьего Войска было то, что полк этот имел штандарт, а не знамя, как другие казачьи полки. Сведение это не точно, так как, кроме этого полка, следующие казачьи полки имели штандарты: Лейб-Гвардии Казачий Его Величества, Лейб-Гвардии Атаманский Наследника Цесаревича, Донского Казачьего Войска полки Второй очереди №№ 26, 29, 30 и 31, Третьей очереди №№ 36 и 37. Этим армейским казачьим полкам штандарты Высочайше пожалованы 17 апреля 1878 г. за Турецкую кампанию 1877-78 гг.

Кубанскому Дивизиону Конвоя Его Величества, Высочайше пожалован 11 мая 1911 г. юбилейный штандарт с Андреевской лентой, Кубанского Войска полкам: 1 Таманский (4 июня 1881 г. за Геок-Тепе), 1 Полтавский (6 января 1879 г.), 1 Запорожский и 1 Кавказский (обоим — 13 октября 1878 г.), трем последним за турецкую кампанию 1878-78 гг.

Терскому Дивизиону Конвоя Его Величества 26 ноября 1867 г., Терского Войска полкам: все три Кизляро-Гребенских (1, 2 и 3 оч.) пожалованы юбилейные штандарты с Александровскими лентами 3 августа 1881 г.

Кроме того, штандарт имела лейб-гвардии Уральская Его Величества сотня, пожалован в день юбилея 2 января 1899 г. и 9 августа 1906 г. передан в лейб-гвардии Сводно-Казачий полк.

Все эти штандарты имели соответствующие надписи. Жаловались они на основании Высочайшего Указа 18 ноября 1876 г., на имя Военного министра, объявленного в приказе по военному ведомству, где было указано, что Государь Император, утвердив образцы шелковой материи для знамен и штандартов, в § 4 Высочайше повелел: конным казачьим полкам, впредь, вместо знамен, выдавать штандарты, по образцу таковых армейской кавалерии. Тогда-же были утверждены их рисунки, расцветка и размер древков.

Кн. Н. С. Трубецкой

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Прошу Вас не отказать в любезности исправить опечатки, сделанные в моей статье “Первый ускоренный выпуск Александровского Военного Училища”, в № 48 “Военной Были”.

1) Стр. 12 первая строка правой колонки: следует читать “ружейных ремней”, а не “ружей, ремней”.

2) Стр. 13 вторая строка снизу в правой колонке: следует читать “после поверки”, а не “по поверке”.

Н. Витте

Хроника „Военной Были“

МАРШАЛ НЕЙ О РУССКОМ ИМПЕРАТОРЕ

В “Тетрадках” полковника Жирар, изданных в Париже, в 1951 г. на стр. 215 есть следующая записка:

Маршал Ней рассказал мне о чести, которую оказал ему Русский Император. “Я был далек от мысли о ней, сказал мне маршал, когда ко мне, неожиданно, явился один из его флигель-адъютантов, чтобы предупредить меня о том, что Император пожелает ко мне, через день, пообедать. Для приготовления к такому приему, времени у меня оставалось мало, но — Париж: город возможностей.

Во время обеда, Царь был весел и оживлен. Вставая из-за стола, он оставил, около своего прибора, футляр с грамотой, подтверждавшей мне мой титул “Князя Московского” (титул, данный Нею Наполеоном за Бородинское сражение) и предоставлявшей мне ренту в 200 тысяч франков. Я был поражен таким великолепным подарком”.

Через полтора года, в день, когда был расстрелян маршал Ней, один голландец, служивший в Русской армии, присутствовал на его казни, в Русском мундире. На следующий день, он был исключен Императором Александром из Русской службы, за то, что он “опорочил Русский мундир”.

НЕЧТО О ВИНТОВКЕ

В Военном Словаре сочинения Г. М. Тучкова, изданном в Москве в 1818 г. в типографии С. Селивановского, находим следующее интересное определение названия “винтовка”:

ВИНТОВАЛЬНОЕ РУЖЬЕ, есть то, которое имеет винты или грани внутри ствола, но разнится тем от оной, что имеет штык. Винтовальные ружья имеют Уптер-Офицеры гренадерских рот.

ВИНТОВКА. Слово Российское, есть ружье, имеющее внутри ствола несколько винтов; сии винты сначала от дула идут прямо, а потом, извиваясь до казенной части оного. Винтовки бывают о 5, 6, 7, 8 и 9 гранях. Сие оружие полезно для цельной стрельбы, но медленно для заряжания. Пуля должна быть обвернута смоленным обмазанным салом полотном или фластом, чрез, что летит несравненно далее, нежели из другого ружья, и гораздо вернее.

Извлек А. Г.

МАТЕРИАЛЫ К БИБЛИОГРАФИИ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ПЕЧАТИ ЗА РУБЕЖОМ

(Продолжение)

- ГРАФ, Георгий Карлович, кап. 1 р. — На "Новике". Балтийский флот в войну и революцию. Изд. Мюнхен 1922 г. Тип. Р. Ольденбурга. 480 стр., со мног. фотогр.
- " — Моряки. Очерки из жизни морских офицеров. Типогр. "Наварр". Париж 1930 г. 272 стр.
- " — Русский флот в войну 1914-1918 гг. 426 стр. Изд. 1928 г., на французском языке.
- Александр ГРИБОВ — Новороссийские драгуны на службе Царю и Отечеству. 1914-1917 г., с пор. Великой Княгини Елены Владимировны. Париж. Тип. "Наварр", год не указан. Большой формат.
- М. ГРУЛЕВ — Записки генерала-еврея. 1930 г. 256 стр.
- Е. ГУЛЫЙ — Казачий Путь. Исторический очерк № 1. Сентябрь 1960 г. Изд. Сиракузы. САСШ. 30 стр., на ротаторе, с портр. генерала Врангеля.
- Роман ГУЛЬ — Ледяной поход с генералом Корниловым. Изд. Ефрон. Берлин. 160 стр.
- " — Тухачевский, красный маршал. 182 стр. Изд. Нью-Йорк.
- ГУРКО, Василий Иосифович — Царь и Царица. Изд. "Возрождение". Париж 1927 г. 124 стр.
- Проф. ДАВАТ В. — На Москву. Изд. Париж 1921 г. 116 стр.
- ДАВАТЦ и ЛБВОВ — Русская армия на чужбине. Изд. Белград 1923 г. 123 стр. "Русская типография".
- Флота ген.-лейтен. ДАВИДОВИЧ-НАЩИНСКИЙ — Воспоминания старого моряка. В 4-х частях. Изд. София. Тип. "Новая Жизнь" 1933-1937 гг. 40 стр. "Морск. Заруб. Библ." № 25.
- " — О морском сословии. Изд. Прага 1928 г. 19 стр. Отдельный оттиск из "Морского Журнала".
- ДАНИЛОВ, Юрий Николаевич — Великий Князь Николай Николаевич. Париж 1930 г. 372 стр.
- " — Россия в Мировой войне (1914-1915). Берлин 1924 г. 398 стр., со схемами.
- " — Русские отряды на французском и Македонском фронтах 1916-1918 гг. Издание Союза Офицеров участников войны на Западном фронте. Париж 1933 г. 247 стр.
- ДЕНИКИН, Антон Иванович — Очерки Русской смуты. Т. I, вып. I. — Крушение власти и армии. Февраль-сентябрь 1917 г. Париж, изд. Поволоцкого 1921 г. 183 стр. Т. I, вып. II — февраль-сентябрь 1917 г. Париж. Изд. Поволоцкого 1922 г. 238 стр. Т. II — Борьба генерала Корнилова август 1917 г. — Апрель 1918. Париж. Изд. Поволоцкого 1922 г. 345 стр. Т. III — Белое Движение и борьба Добровольческой Армии. Май-октябрь 1918 г. Берлин. Изд. "Слово" 1924 г. 272 + 1 стр. Т. IV — Вооруженные Силы Юга России. Берлин. Изд. "Слово" 1925 г. 245 стр. Т. V — Вооруженные Силы Юга России. Берлин. "Медный Всадник" 1926 г. 367 + 21 лист фотографий.
- " — Старая Армия. Изд. 1927 г. Париж. 154 стр.
- " — Старая Армия. Изд. 1929 г. Париж. 154 стр. Содержание двух изданий — разное.
- " — Офицеры. Изд. Париж 1928 г. 140 стр.
- " — Брест-Литовск. Брошюра 52 стр. 1933 г.
- " — Кто спас Советскую Власть от гибели? Изд. 1937 г. 36 стр.
- " — Русский вопрос на Дальнем Востоке. Изд. 1932 г. 36 стр.
- " — Путь Русского офицера. (Посмертное). Издательство имени А. П. Чехова. Нью-Йорк 1953 г. 383 стр.
- " — Мировые события и Русский вопрос. Изд. Союза Добровольцев, Париж 1932 г. 87 стр.
- " — Международное положение России и эмиграция. Париж 1934 г.
- ДЕНИСОВ, Святослав Варламович, Ген. Штаба ген.-лейт. "Белая Россия", альбом. №1 — 20/X 1917 г. по 31/УИИ — 1918 г. 94 стр. текста, 25 портретов и 9 схем., изд. в Нью-Йорке.
- " — Записки. Гражданская война на Юго России. 1918 — 1920 гг. В семи книгах, с приложением 70 карт — схем, исполненных в цветных красках. Книга 1-я. Январь—май 1918 г., с приложением 8 карт — схем. Изд. Константинополь, 1921 г. 120 стр. и отд. пакет схем.
- ДИТЕРИХС, М. К., генерал — Убийство Царской Семьи и Дома Романовых на Урале. Изд. Владивосток, 1922 г., том I — 441 стр. + 1 карта. Том II — Материалы и мысли. 232 стр.
- ДНЕПРОВСКИЙ Александр — Записки дезертира. Война 1914 — 1918 гг. Нью-Йорк, 1931 г. Изд. "Альбатрос", 102 стр.
- ДОБРЫНИН, ген. штаба полковник — Борьба с большевиками на Юге России. Участие Донского Казачества в этой войне с февраля 1918 по март 1920 г. Изд. Прага. 1921 г. 115 стр., с картой.
- " — то же на французском языке. Прага 1920 г.
- " — Вашингтон — Канны — Москва (14-XI-1921 г. 6-I-1922 г. 23-XII-1922 г.). Изд. Прага 1922 г.
- " — Дон в борьбе с коммуной. На Донце и Маныче (февраль — май 1919 г.). Изд. Прага 1922 г.
- " — Вооруженная борьба Дона с большевиками (февраль 1917 — март 1920).
- " — Донской Исторический Календарь на 1928 г. Изд. Прага.
- " — К японо-китайскому конфликту на Дальнем Востоке 1931 - 32 гг., на чешском языке. —

- “ — Казачья лепта в славянском деле на чешском языке.
- “ — В Южной России. Статьи в чешской газете “Народные Листы”, 18-IX и 9-XI.
- “ — Методы борьбы Дона с большевизмом. Листовка 1921 г., вып. в Праге.
- “ — Чехословакия и Россия — газета “Народные Листы” 14-V-1921 г. Прага.
- “ — Странички из жизни Донского казачества. Серия статей в газете “Казачьи Думы”, София 1921 — 1923 гг.
- “ — Современная кавалерия. “Военный Сборник” 1921 г., кн. I. Белград.
- “ — Библиографический обзор иностранных военных журналов. “Военный Сборник” 1922 г., кн. 2-я. Белград.
- “ — Дон в борьбе с коммуной (февраль - май 1919 г.). “Военный Сборник”, кн. 2-я 1922 г. Белград.
- “ — Гундоровцы в Праге. “Казачьи Думы”, 1923 г. № 12. София.
- “ — Современная Русская военная мысль — чешский журнал “Военские Розгляды”, 1924 г. № 11 и 12. Прага.
- “ — Донское казачество и революция. Ответ на анкету “Казачий Сполох”, 1927 г. № 12. Прага.
- “ — Ответ на анкету Казачьего Союза в сборнике “Казачество”, 1928 г. Париж.
- “ — Последние дни творчества Архангельского. “Русский Хоровой Вестник”, 1928 г. №№ 8 и 9 (записи из донских казачьих песен по напевам В. Добрынина и М. Ковалева). Прага.
- “ — Рождественские Святки у донских казаков. “Светозор”, 1928 г. № 11. Прага.
- “ — Казачья лепта на славянское дело. Статья в сборнике Союза Русских Военных Инвалидов в Чехословакии. Прага, 1928 г.
- “ — Действия Русской артиллерии в 1917 году у Станиславова. Чешский военный журнал “Воински Розгляды”, 1928 г. № 12. Прага.
- “ — 1919 год на Дону. “Казачий Сполох”, 1929 год, № 18. Прага.
- “ — Русская военная мысль в Чехословакии. “Вестник военных знаний”, 1929 г. Сараево.
- “ — Работы Русских артиллеристов в чешском военном училище. “Артиллер. журнал” № 1. Париж, 1929 год.
- “ — Современная Русская военная мысль. Чешский военный журнал “Военские Розгляды”, 1930 г. №№ 1, 2 и 3. Прага.
- “ — “Вестник Военных Знаний”, рецензия в “Неделе”. 1929 г. № 29.
- “ — О работе Пражского кружка по изучению мировой войны. “Вестник Военных Знаний”, 1930 г. № 4. Сараево.
- “ — На Дону. Журнал “Россия”. № 3.
- “ — Библиографические обзоры советской и эмигрантской военной печати. Чешский журнал “Военские Розгляды”, 1930 г., кн. I.
- “ — Проводы донских артиллеристов на японскую войну. “Артиллер. Журнал”, 1930 г. № 3 и 4, Париж.
- “ — Военная печать в Чехословакии. “Вестник Военных Знаний”, 1931 г. № 5. Сараево.
- “ — Русская военная мысль в Чехословакии “Вестник Военных Знаний”, 1930 г. № 5. Сараево.
- “ — Военное дело в Советской России. “Военские Розгляды”, 1930 г. № 4. Прага.
- “ — Советское военное хозяйство. Рецензия на советские книги по военной администрации. “Военские Розгляды”, 1930 г. № 4. Прага.
- “ — Банкет в Праге в честь Председателя РОВСА “Часовой”, № 33. Париж.
- “ — Мальчик — герой. “Часовой”, 1930 г. № 46. Париж.
- “ — В мышцах сила, в сердце отвага. “Часовой”, № 70. Париж. 1932 г.
- “ — К участию Русских в сокольском слете в Праге, в 1932 г. “Часовой”, 1932 г. № 73.
- “ — Советская военная школа к началу учебного года, 1931 - 32. “Часовой”, № 77. Париж 1932 г.
- “ — Любовь к детям. Десять лет среди словаков. В Сборнике Союза Русских Военных Инвалидов в Чехословакии. На чешском языке. Прага 1931 г.
- “ — Доклад приват-доцента Панаса. Заметка в “Единство”, 1930 г. Прага, № 15.
- “ — Из жизни военной эмиграции (военная печать) “Единство”, 1931 г. № 6. Прага.
- “ — Юбилеры военные (к пятидесятилетию пребывания в офицерских чинах). “Единство”, № 25. Прага, 1931 г.
- “ — Пражский Кружок по изучению мировой войны. 1) Празднование 50-летнего юбилея генерала Юденича. 2) Лекция генерала Рябикова о событиях в Манчжурии. “Единство”, Прага, № 37. 1931 г.
- “ — Отклики мировой войны. 1) Грехи Германии. 2) Англия в мировой войне. “Единство”, 1931 г. № 34. Прага.
- “ — Кружок по изучению мировой войны при Русском народном университете в Праге. “Достоиннице Листы”, 1932 г. № 15. Прага. На чешском языке.
- “ — то же в “Народной Политике”, 1932 г. 6-го апреля, Прага, на чешском языке.
- “ — Манчжурское государство. “Светозор”, 1932, г. Прага. На чешском языке с картой.
- “ — События на Дальнем Востоке. “Славянски Трги”, 1932 г. № 1 - 2. Прага. На чешском языке с картой.

Алексей Геринг

(Продолжение следует).

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1961 ГОД НА ЕЖЕМЕСЯЧНУЮ
ВОЕННО-НАЦИОНАЛЬНУЮ ГАЗЕТУ

„Вестник“

Издание Обще-Кадетского Объединения под редакцией А. А. ГЕРИНГА.

Одиннадцатый год издания.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПО АДРЕСУ РЕДАКЦИИ:

61, rue Шардон-Лагаш, Париж (16), а также у всех Представителей «ВОЕННОЙ БЫЛИ» и «ВЕСТНИКА».

Подписная цена с пересылкой на год :

7 Н. Фр., в странах заокеанских — 2 дол. 40 цен.

В газете — постоянные отделы: В порабощенной России, Кадетская жизнь, Нам пишут и друг.

Журнал «ВОЕННАЯ БЫЛЬ» можно получить:

Париж — в Конторе журнала — 61, rue Char-
don-Lagache, Paris (16^e) и в Русских
книжных магазинах.

Брюссель — у И. Н. Звездкина — 1, Chemin
Ducal, Tervuren. Bruxelles.

Лондон — а) у В. В. Барачевского — 23, Alder
Grove, London N. W. 2, 6) у Д. К.
Краснопольского — 19, Warwick Road,
London S. W. 5.

Германия — у И. Н. Горайнова — Hamburg-
Postamt 33, Deutschland. Postlagernd.

Копенгаген — у Г. П. Пономарева — Bred-
gade 53, Copenhagen.

Италия — у В. Н. Дюкина — Via Nemorense
86, Roma.

Сев. Ам. С.Ш. — а) в Обще-Кадетском Объеди-
нении у В. А. Высоцкого 410, Ri-
vercide Drive Ap. 103 A. New-York 25.
б) в Обще-Кадетском Объединении у Г. А.
Куторга — 272, 2 avenue San-Francisco
18, в) у С. А. Кашкина — 30-11, Parsons
bld, Ap. 2X, Flushing 54, N.-Y.

Канада у Б. Л. Орешкевича — 167, Chisholm
Ave Toronto 13, ONT.

Австралия — а) у В. Ю. Степанова, 57, rue Bruce,
Stanmor (N. S. W.); б) у Н. А. Косач,
16, Valmai ave. King's Park, Adelaide,
South Australia.

Венецуэла — у К. А. Келльнера — 24, av.
Sarría, Caracas.

Аргентина — у Б. Н. Ряснянского — Obliga-
do 2130, Buenos-Aires.

Литературно-политические тетради

„ВОЗРОЖДЕНИЕ“

Независимый орган национальной мысли.

37-й год издания.

Адрес редакции:

73, avenue des Champs-Élysées, Paris-8.

„Морские записки“

под ред. стар. лейт. барона Г. Н. ТАУБЕ.

Вышел и разослан подписчикам № 1/2 (54)
г. XIX 1961 г.

Подписная цена — 3 дол. в год.

Представитель на Францию В. В. Скрябин,
141ter, Avenue de Clichy. — Paris 17e.

РУССКИЙ КНИЖНЫЙ МАГАЗИН

Г. А. ДЖУДЖИЕВА

„LE MAGASIN DU LIVRE“

10, rue des Carmes, Paris-5^e

ПРОДАЕТ НАШИ ЖУРНАЛЫ И ПРИНИМАЕТ
ПОДПИСКУ НА ВСЕ ИЗДАНИЯ «ВОЕННОЙ
БЫЛИ».

СБОРНИК ПАМЯТИ

ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА КОНСТАНТИНОВИЧА

ЦАРСТВЕННОГО ПОЭТА К. Р.

ИЗДАНИЕ СОВЕТА ОБЩЕ-КАДЕТСКИХ ОБЪЕДИНЕНИЙ.

Предварительная подписка принимается в редакции «ВЕСТНИКА»
61, rue Chardon-Lagache, Paris-16°. —

Цена по подписке: зона франка — 20 нов. фр., зона фунта — 1 англ. фунт 10 шил.,
страны заокеанские — 5 америк. дол.

ПОКУПАЮ

военные книги, полковые знаки, погоны, эполеты, принадлежности форм обмундирования, военные гравюры и литографии, листы Висковатова, Пиратского и других. Предложения на адрес Издательства для № 1.

Кадеты, окончившие Русский кадетский корпус в Сараево и Корпус Великого Князя Константина Константиновича, в Белой Церкви, могут получить установленный значек корпуса по адресу: *Mr. Ivanoff, 84, Av. Cor de Chasse, Bruxelles 17. C. C. Post.: 71-q4-55.*

Цена значка — 100 бельг. франк. с пересылкой заказным пакетом.

Значки Константиновского Артиллерийского училища

принимаются заказы на любое количество по цене 5 нов. фр., в странах заокеанских — 1 дол. 25 ц. без пересылки.

Значки Обще-Кадетского Объединения

принимаются заказы.

Цена — 2 н. ф. 50 с. В странах заокеанских — 75 ц. без пересылки.

Посылать деньги и заказы по адресу:

**M. Marine, 18, rue Plumet,
Paris-15°.**

C.C.P. 9325-52, Paris.

„Сборник Российской военной поэзии“

ВЫШЕЛ ИЗ ПЕЧАТИ ВЫПУСК II

Полковые и судовые песни и стихотворения.

Издание Обще-Кадетского Объединения, под редакцией А. А. Геринга.

Цена: 5 нов. фр. В странах заокеанских 1 дол. 25 цент. с пересылкой.